



ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований



2 (45)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 2 (45), 2020

Научный журнал. Издается с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru



BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research



2 (45)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 2 (45), 2020

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *T.S. Bittirova*; Candidate of History *A.H. Borov*;
Doctor of Philology *A.M. Gutov*; Doctor of History *A.G. Kazharov*;
Candidate of History *Z.M. Kesheva*; Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Кавказско-анатолийский контекст этнического имени <i>кас</i>	7
<i>Жанситов О.А.</i> Социальная конфликтность в Кабарде в период революции: факторы эскалации	15
<i>Кармов А.Х.</i> Особенности организации сельскохозяйственного производства в Кабардино-Балкарии в начале реконструктивного периода	21
<i>Тетуев А.И.</i> Историческая память о Великой Отечественной войне: эволюция, опыт, проблемы	32
<i>Кешева З.М.</i> Бренды Кабардино-Балкарии в информационном пространстве как фактор социокультурной и экономической привлекательности региона	50

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Дзыгъуанэ Р.Хь.</i> Адыгэбзэм синонимэгъу шызэхуэхъу наречиэхэм теухуауэ	56
<i>Токмакова М.Х.</i> Глагольные фразеэмотивы кабардино-черкесского языка	62
<i>Баков Х.И.</i> Поэмы в творчестве Исхака Машбаша: особенности жанра	70
<i>Сарбашилы А.М.</i> Малкъар сахна чыгъармачылыкъны ал сатырларында (Геляланы Рамазанны «Къанлы къалын» деген драмасыны юсюнден)	77
<i>Гутов А.М.</i> Особенности научно-аналитического перевода адыгских историко-героических песен	83
<i>Гутова Л.А.</i> Этапы жизненного цикла и социализация личности в фольклоре	91
<i>Болатова (Атабиева) А.Д.</i> Творческая мастерская Т. Зумакуловой. Поэзия высокой духовности	100
<i>Хавжокова Л.Б., Куантова Ж.Ю.</i> Новеллистическое творчество Б. Мазихова: проблемы и перспективы развития	110
<i>Шуп Р.С.</i> «Шы» концептыр КЫщокъуэ Алим и усыгъэм кызырэхэщыр	116
<i>Хагожеева Л.С.</i> Архаические мотивы в цикле сказаний о Малечипх	124

РЕЦЕНЗИИ

<i>Басангова Т.Г.</i> Рецензия на книгу Берберова Б.А. «Карачаево-балкарский фольклор и литература: к проблеме преемственности». – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 200 с.	133
---	-----

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Bgazhnokov B.Kh.</i> Caucasus-Anatolian context of the ethnic name <i>kas</i>	7
<i>Zhansitov O.A.</i> Social conflict in Kabarda during the revolution: escalation factors	15
<i>Karmov A.Kh.</i> Features of agricultural production organization in Kabardino-Balkaria at the beginning of the reconstruction period	21
<i>Tetuev A.I.</i> The historical memory of the Great Patriotic War: evolution, experience, problems	32
<i>Kesheva Z.M.</i> Brands of Kabardino-Balkaria in the information space as a factor of socio-cultural and economic attractiveness of the region	50

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Dzukanova R.Kh.</i> Some peculiarities of ancient synonyms in kabardino- circassian language	56
<i>Tokmakova M.Kh.</i> Verbal phraseoemotives kabardino-circassian language	62
<i>Bakov Kh.I.</i> Poem in the creation of Ishak Mashbash: features of the genre	70
<i>Sarbasheva A.M.</i> The origins of the balkar stage of literature and art (On the drama «Blood ransom» R. Gelaeva)	77
<i>Gutov A.M.</i> Features of scientific and analytical translation of circassian historical and heroic songs	83
<i>Gutova L.A.</i> Stages of the life cycle and socialization of the individual in folklore	91
<i>Bolatova (Atabieva) A.D.</i> Creative workshop of T. Zumakulova. Poetry of high spirituality	100
<i>Havzhokova L.B., Kuantova Z.Y.</i> Novelistic creativity of B. Mazikhov: challenges and prospects for development	110
<i>Tlupova R.S.</i> Reflection of the concept «horse» in the Alim Keshokov's poetry	116
<i>Khagozheeva L.S.</i> Archaic motives in the cycle of legends about Malechiph	124

REVIEWS

<i>Basangova T.G.</i> Review of the book by B.A. Berberov «Karachay-Balkarian folklore and literature: to the problem of continuity». – Nalchik: Editorial and Publishing Department of IGI KBSC RAS, 2018. – 200 s.	133
---	-----

УДК 94 (479+560)

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-7-14

КАВКАЗСКО-АНАТОЛИЙСКИЙ КОНТЕКСТ ЭТНИЧЕСКОГО ИМЕНИ КАС

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН)», bbarasbi@yandex.ru

Корень *кас*, восходящий к древнеиндийскому *kas* «сверкать», «сиять», рассматривается как индоевропейское название анатолийской и кавказской ветви древних хаттов. В качестве этнически маркированных предстают при этом распространенные на Кавказе и на Ближнем Востоке топонимы, оронимы, гидронимы и другие имена, содержащие в себе основу *кас*: Кавказ, Каспий, Каспиана, кассит, касог и др. Позволяя получить дополнительные сведения о распространении хатто-каскайцев в Евразии, они проливают свет на многие аспекты и детали ранней истории прото-абхазо-адыгских племен и народов.

Ключевые слова: Кавказ, Анатолия, Евразия, хатты, каски, касситы, пеласги, абхазы, черкесы.

1.

Характер возможных связей абхазо-адыгских народов с малоазийскими касками и касситами Вавилонии, с другими народами Евразии, в названии которых содержится корень *кас*, неоднократно рассматривался мной ранее в отдельных статьях. Все больше и больше убеждался я при этом, что в основе широко известного названия адыгов – *черкес* лежат однотипные или сопоставимые друг с другом обозначения народов, связанных друг с другом в культурном, языковом отношении. Прежде всего, это относится к кавказским касам (кавказам, касогам, кашакам), касситам Вавилонии и каскам Северо-Восточной Анатолии.

В еще большей степени обоснованной и правомерной представляется такая постановка вопроса на фоне исследований, выдвигающих и поддерживающих гипотезу культурно-языкового единства кавказских и анатолийских хаттов в период, предшествовавший последнему глобальному потеплению. Вполне согласуется она с гипотезой последовавшей за этим этногенетической дивергенции кавказско-анатолийской общности, с уверенностью в том, что значительная часть каждой из двух ветвей хатто-абхазо-адыгской общности (кавказской и анатолийской) имела индоевропейское название *kas/kaš, kaska/kaška*.

Все это требует, однако, серьезного дальнейшего изучения и осмысления не только собственно этнической, культурной истории анатолийских касов, но также и в меньшей степени специального исследования места и роли элемента *кас* в этнонимике и топонимике Евразии. В детальной проработке нуждается соответственно вопрос о кавказских (северокавказских) касках. Они, как следует из концепции двух ветвей хатто-абхазо-адыгской общности, восходят к кавказским хаттам, говорившим, согласно текстам осетинского нартского эпоса на «хатиагском языке».

В настоящее время вполне определенными сведениями о северокавказских казах мы располагаем лишь начиная с античного времени. Замечу сразу, что это большой и разнообразный материал. Но прежде всего, обращает на себя внимание обилие разбросанных по всему Северному Кавказу однотипных этнических имен с элементом *кас/кис/каш*: *кисы, кизы, каси, аккисы, кизики, кавкаси, касаки, кашаки, кашаги, касаги, касконы*. Существенно дополняют эти данные сведения о распространенных на этой территории топонимах, оронимах, гидронимах, других этнически маркированных именах, содержащих в себе корень *кас/кис/каш*.

Опираясь на указанные сведения и привлекая дополнительный материал по смежным с Кавказом регионам, Н.Я. Марр подчеркивал, что имена, содержащие этноним *кас/касп*, объединяют Каспийский бассейн с Понтийским. И в целом это может свидетельствовать о «соответственно широком некогда расселении в этом пространстве племен под таким названием» [Марр 1922: 336].

Это означает, что не только в античный, но, по всей вероятности, и в предшествующий период народ или родственные племена, содержащие в своем названии элемент *кас*, обитали в различных областях к северу от Главного Кавказского хребта. Что же касается источников античного времени и средневековья, то их присутствие прослеживается здесь практически на всем тысячекилометровом пространстве Черноморско-Каспийского перешейка, а также в Юго-Восточном Крыму.

Можно предположить, исходя из сказанного, что касы – это потомки кавказских хаттов, носителей майкопской, дольменной, кобанской культур. Вспомним в данной связи, что идея Н.Я. Марра об особой значимости северокавказских этнических имен с элементом *кас* была решительно поддержана И.И. Мещаниновом. Касы, по его словам, были племенем, «давшим свое имя целой стране и морю (Кавказ и Каспий)» [Мещанинов 1925: 26]. И снова речь идет, безусловно, о черкесах.

В таких суждениях об этнической истории адыгов в сущности нет ничего удивительного. Вне всякого сомнения, Марр и Мещанинов руководствовались в своих выводах сведениями из источников древнего периода. Но учитывали, кроме того, и вполне достоверные данные позднего средневековья (XVI–XVII вв.), согласно которым территория Черкесии простиралась от Черного до Каспийского морей. Типичным в этом отношении является следующее описание границ Черкесии, составленное Э. Кемпфером по состоянию на 1683 год: «Черкесия причисляется одними к Азии, другими к Европе. К востоку страна граничит с Каспийским морем, к западу с Меотийским озером (Азовским морем – Б.Б.), к югу с Черным морем, а к северу с Кавказскими горами и рекой Доном, которыми она отделяется от Грузии» [Кемпфер 1974: 114].

2.

Широкому распространению в Евразии народов, в названии которых содержится элемент *кас*, много работ посвятил чешский ученый Б. Грозный, выдвинувший идею активного взаимодействия касситов и эламитов с другими народами и прежде всего с народами кавказско-переднеазиатского круга [Грозный 1940: 42].

В качестве отправной точки своей концепции касских племен и народов он выдвигал наряду с целым рядом других известных ученых (Х. Винклер, Г. Хьюзинг, Е. Форрер, П.Н. Ушаков, С.Н. Крамер и др.) идею родства касситов, малоазийских касков, эламитов. И затем уже на этой основе рассматривал возможность их родства с касогами или черкесами Северного Кавказа. Отмечается, в частности, что касситский язык был очевидно одним из кавказских языков, также точно как и старозеламский [Hrozny 1953: 52], что этим языком был, по всей вероятности, язык кавказского племени «Касков или Касогов, которые упоминались уже в русских летописях десятого столетия нашей эры» [Hrozny 1953: 52].

В общем виде вопросы распространения эламо-касситов на евразийском континенте, их воздействия на политическое и этническое развитие различных стран и народов были поставлены еще в конце XIX века и особенно в 20–50-х годах прошлого века. Высказывалась наряду с этим мысль о возможной внутренней связи касситского языка с хаттским. Рассматривалась, в частности, вероятность его родства с каскским языком. И соответственно возможность этнической близости касситов и кашков [Forger 1930: 230; Капанцян 1947: 131–135; Jaritz 1957: 852]. А это, как мы понимаем, неизбежно ставит вопрос о характере взаимодействия касситского языка с иберийско-кавказскими языками, об участии касситов в культурогенезе и этногенезе древних народов Кавказа.

По всей вероятности, утратив власть в Вавилоне, значительная часть касситов отступила на северо-восток, где впоследствии, уже в VIII–VII вв. до н.э., вошла в состав Мидии. Как известно, Мидия – государство, состоявшее из разноязычных племен и народов. Общались они между собой на иранском языке. Вместе с тем длительное время функционировали и поддерживались местные языки и культуры, родственные языку и культуре северокавказских племен [Меликишвили 1959: 230–232]. Среди этих народов касситы занимали, безусловно, очень важное место. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в VII веке в центре Мидии находилась большая колония касситов под названием Кар-Кашши [Грантовский 1970: 129]. В 550 г. до н.э. Мидия оказалась во власти персидских царей из династии Ахеменидов. Однако и в составе Ахеменидской державы касситы сохраняли свою самостоятельность, а также, по всей вероятности, свой язык, отличный от иранского и, судя по всему, близкий абхазо-адыгским языкам. По словам Б. Грозного, заняв юго-западный берег Каспийского моря, остатки первоначальных касситов стали известны под именем *каспи*, которое дали им эламиты, добавив к этническому имени *кас* суффикс *pi* показатель множественного числа [Hrozny 1953: 49; Грозный 1940: 17].

Местность или страна, населенная каспами, стала известна под названием Каспиана, а одна из самых значительных рек в этой стране (возможно, современное Койсу, Сулак), получила название Кас [Плиний Старший: 30; Клавдий Птолемей: V, 12, 2].

Согласно Геродоту, в V в. до н.э. при Дарии I каспы обитали в 11 из 20 округов персидского Ахеменидского царства, возглавляя один из этих округов – пятнадцатый [Геродот: III, 89; III, 93; VII, 67]. Известно, что они славились как хорошие воины, принимали участие во всех сражениях персов, в том числе в походе царя Ксеркса в Грецию.

3.

Одной из ветвей анатолийских хаттов являются, как сказано выше, каски, обитавшие на северо-востоке Анатолии, к западу от верховьев Евфрата [Singer 2007].

Также как и касситов этот народ сближают с *касами/касагами* Северного Кавказа. И представляют обычно как могущественный союз племен, сформировавшийся в III тыс. до н.э. в период господства в Анатолии хаттов. Но их близость к касситам нельзя однозначно связывать с продвижением последних в Анатолию из гор Загроса. Возможно, этот процесс шел в обратном направлении, вызванный активностью хаттов и касков, постепенно расширявших места своего обитания на Ближнем Востоке. По мнению некоторых исследователей (Гр. Капанцян), сначала часть касков дошла до Северной Месопотамии и обосновалась там в горах Загроса [Капанцян 1947: 133]. Затем, усилившись, эта группа воинственных племен (касов или касситов) завоевала в начале XVI в до н.э. Вавилон и правила там до 1150 г.

Между тем каски в Северо-Восточной Анатолии сохраняли статус самостоятельного царства несколько столетий после захвата касситского Вавилона эламитами, а также и после падения хеттской державы. При этом с хеттами каски

находились в состоянии непримиримой и постоянной вражды, вызванной, надо полагать, самим фактом захвата ими страны хаттов. Последние упоминания касков в хрониках урартских и ассирийских царей относятся к IX–VIII вв. до н.э.

Таким образом, на протяжении почти целого тысячелетия этот народ оставался одним из самых значительных в Северо-Восточной Анатолии и на Ближнем Востоке в целом. Отсюда наличие здесь множества географических и иных названий с элементом *кас/каш*. Прежде всего, это названия городов и областей, сосредоточенных в самой стране Каска: *Kasipa, Kasula, Kasimula Kassu, Kassia* и др. [Гиоргадзе 1961: 199]. Корневая морфема *кас* содержится, кроме того, в названии хаттского бога *Kashala*, а также в самом этнониме *kaska*, что, по мнению историков, является одним из свидетельств родства касков и касситов.

В период античности и средних веков косвенные данные о длительном пребывании касков и их потомков на юго-восточном побережье Черного моря прочно закрепились в топонимике, антропонимике, этнонимике этих мест. Например, на итальянских морских картах XIII–XVII веков к востоку от Трапезунда отмечен населенный пункт или город *Каса/Каска* (*Quisa/Quixa*) [Фоменко 2011: 282–346]. Под именем *Каса* фигурирует этот город и у Ибн-Сины во второй половине XIII века [Коновалова 2009: 27].

По всем данным речь идет в данном случае о городе, который под таким или аналогичным названием стоял здесь еще во второй половине II тысячелетия до н.э. во времена господства касков в северо-восточной Анатолии и позже уже в период античности, когда на смену каскам пришли другие народы. Так, хорошо известно, что в Стране касков был населенный пункт *Кассий* (*Kassia*) [Гиоргадзе 1961: 171]. А в античное время (по данным римского писателя Юлия Гонория в IV–V веках) в этом районе рядом с горой (горами) Армении располагались *Кассийские горы* – *Cassiuss mons* [Подосинов 2002: 114].

Известно, что каски распространили свое влияние на целый ряд соседних народов и областей: палайцев, думанов, урумейцев, армян. Особенно показательна в этом отношении близкая связь касков с древней Арменией (*Ацци-Хайаса*), о чем, помимо всего прочего, красноречиво свидетельствует множество названий с элементом *кас* на ее территории. По мнению Гр. Капанцяна, значительная часть этих названий уходит своими корнями в первую половину II тыс. до н.э, когда в Малой Азии возвысилось и распространилось многочисленное хаттское племя *гашига* или *кашка*, близкое к касситам [Капанцяна 1947: 131]. Утверждается, что в Малой Армении «этническое древнее имя *khas* – «кассит» сохраняется в топонимах области Сюник – *Кашаквартал, Кашуния, Каша* [Капанцяна 1947: 134–135], упомянутых в сочинении армянского историка XIII века С. Орбеляна [Орбелян 1911: 617], что эти названия могут служить дополнительным свидетельством прямых и постоянных контактов протоармян с отдельными группами касских племен. Этническое имя *кас* сохраняется и в топонимах современной Армении. Например, к историческим связям армян с касками восходит, по мнению Гр. Капанцяна, название села *Кашах* в области Битлиса [Капанцяна 1947: 135].

Эти факты свидетельствуют лишним раз, что альянс «касков и хаяса против хеттов» [Schuler 1965: 44] сопровождался длительным проживанием и культурным взаимодействием этих народов на одной и той же территории.

4.

В дополнение ко всему сказанному следует добавить и подчеркнуть особо, что, по всей вероятности, малоазийские каски сами по себе не исчезли бесследно. По нашему мнению, в начале I тыс. до н.э. они приняли участие в формировании абхазоадыгских племен Восточного Причерноморья, получивших широкую известность под названиями *зихов* (*зигов*), *ахейцев*, *гениохов*, которых греки возводили к *пеласгам*. «Гениохи и зиги, чада земли пеласгийской», – пишет во II в. н.э.

Дионисий Перизетт [Дионисий Перизетт: 652–710]. В IV веке н.э., перечисляя племена на северо-западе Восточного Причерноморья, в том же духе высказывается Руфий Фест Авиен. По его словам, за киммерийцами и синдами живут керкеты и тореты, за ними гениохи, а «затем зиги, которые некогда покинув царство пеласгов, заняли ближайшие местности Понта» [Руфий Фест Авиен: 852–891].

Можно привести также свидетельство Евстафия о том, что за ахейцами следуют «гениохи и зиги, племя очень дикое, по преданию происходящее от пеласгов».

Не исключено, таким образом, что именно каски, объединившиеся с индоевропейскими племенами палов, думанов, урумейцев (армян) составили ядро легендарных пеласгов. На мой взгляд, и этноним *пеласги* мог сформироваться в результате контаминации названий двух главных народов внутри этого союза – палов и пеласгов. Что же касается версии, согласно которой этноним *пеласги* восходит к греческому *πέλας* – «вблизи», «поблизости» и, таким образом позиционирует пеласгов как соседей Греции и греков [Murray 1960: 43], то она является, видимо, лишь продуктом народной этимологии. Это свидетельствует, тем не менее, об особой роли пеласгов в греческой картине мира, согласно которой не только абхазо-адыги, но и греческие племена, в особенности ионийцы и эолийцы (ахейцы), сформировались в результате смешения с населявшими эгейско-малоазиатские территории пеласгами и их предшественниками хаттами [См. об этом также: Ушаков 1939: 54].

Подчеркивается в этой связи, что пеласги приняли греческий язык и в свою очередь передали ему некоторые свойства своего языка. По мнению Геродота, к примеру, эллинская речь была ветвью языка и речи пеласгов [Геродот: 1.57], Эллада, называлась раньше Пеласгией, а ионийцы в Пелопоннесе – пеласгами [Геродот: I. 58, 94–95; II. 56; VII. 94].

Таким образом, по сведениям античных авторов, пеласги оказали заметное влияние не только на становление западно-кавказских гениохов, зихов, ахейцев, но также и в равной степени на этногенез греков.

Становится понятным, вследствие этого, почему в греческой историко-литературной традиции зихи, ахейцы и гениохи представлены как племена, сформировавшиеся не только в ходе смешения с пеласгами, но и с эллинами. Различные легенды на этот счет стали общим местом в сочинениях, посвященных описанию зигов, ахейцев, гениохов, а также и племен тесно связанных с ними – керкетов, апсилов, абазгов, санигов. Все названные племена, но особенно зиги, ахейцы и гениохи считались в одних случаях варваризированными греками, а в других – эллинизированными варварами [Asheri 1998].

Не случаен и особенно показателен в этом контексте комментарий В.В. Латышева к словам византийского богослова Никифора Блеммида о том, что к югу от синдов, киммерийцев, керкетийцев и оретов живут «могущественнейшие эллины, довольно многочисленные» [Никифор Блеммид: 650–705]. Разъясняя смысл данного высказывания, Латышев пишет: «Эллинами Никифор называет племена ахейцев, гениохов, зигов, которым авторы приписывали эллинское происхождение» [Латышев 1948: 241].

По-видимому, представления о пеласагах, как о народах, принявших участие в этногенезе греческих и некоторых кавказских племен, сложились в греческом общественном сознании после падения хеттской державы. В VI–V веках до н.э. эти представления были востребованы в связи с греческой колонизацией Восточного Причерноморья. Создавалось, в конечном счете, представление об участии пеласгов в этногенезе и культуругенезе как греческого народа, так и народов Восточного Причерноморья. Греческое общество в силу этих причин ощущало постоянную и прочную связь с Кавказом и с племенами Кавказа.

Надо сказать, что такая трактовка этнических корней существенно отличается от распространенной в настоящее время концепции балканского (фракийского) происхождения этого народа [Гиндин 1971: 53]. Между тем, еще в 1921 году

Н.Я. Марр писал о восходящем к пеласгам «неариоевропейском ионийском племени» исторически связанным с кавказским или при-кавказским районом Черноморского побережья [Марр 1921: 303]. Надо думать, отсюда распространенная у черкесов родовая фамилия *Иуан* – Ионовы (Ивановы).

Анализируя в данной связи лингвистический материал, Марр обнаружил любопытные параллели. Среди них соответствие греческого ἀδελφός *брат* адыгейскому (черкесскому) составному термину родства *дэ-лъху*, греческого ψυχή *душа* адыгскому *псэ* и абхазскому *апсэ* с тем же значением [Марр 1921: 304]. Вяч. Вс. Иванов дополнительно к этому сближает греческое ψυχή и адыгское *псы* – «вода» [Иванов 1983: 60].

В этой плоскости следует рассматривать, видимо, и целый ряд других параллелей: греч. Φυάτηρ – адыг. *пхъу* дочь, греч. Θεός (Theos) Бог и адыгск. Т-хъэ с внутренней формой «Даритель жизни (живого)» и др. Показательно, кроме того, что Вяч. Вс. Иванов ставит взаимное соответствие адыгск. *Тхъэ* и греч. Θεός в один ряд с хаттским *tuh* в слове *wa-tuh-kante-n* «царевич» и кабардинским *тыхъ* в слове *пац-тыхъ* «король, «царь» [Иванов 1983: 60].

К сожалению, в отечественной науке эти и многие другие аналогичные сведения, материалы, а также связанные с ними гипотезы, первые краткие выводы и оценки не привлекли должного внимания кавказоведов, не получили дальнейшего развития. Фактически, проблема внутренней связи и взаимного соответствия различных, разбросанных по всей Евразии имен и названий с элементом *кас* после этого не ставилась. В монографических исследованиях по истории, исторической этнонимике и топонимике Передней Азии, Индии, Кавказа ее старательно обходили. До недавнего времени трудно было найти что-либо по этому вопросу и в специальных работах по древней и средневековой истории Кавказа, по северокавказской и черкесской географической и этнонимической номенклатуре.

Выясняется между тем, что под воздействием племенного названия *кас/каш* в Передней Азии, Индии и особенно на Кавказе и в Крыму сложилось невероятно большое число этнонимов, оронимов, гидронимов, множество других имен. Вместе с тем, заметное касское влияние испытали на себе древние языки и культура многих соседних народов, в том числе индоевропейских (греки, армяне и др.). В настоящее время выявление и исследование этого материала, объяснение причин, условий, хронологии, становления и применения имен с элементом *кас* необходимо не только для лучшего понимания древней истории племен Северного и Западного Кавказа, но также и для изучения истории народов, с которыми касы были тесно связаны в географическом, политическом, культурном отношении.

В конечном итоге это позволяет лучше понять, почему многие названия, в которых содержится элемент *кас*, возникали, сохранялись и сохраняются в Евразии через сотни лет после исчезновения с исторической сцены хаттов, касков, касситов, касов.

Источники и литература

1. Геродот. История.
2. Гиндин Л.А. К проблеме генетической принадлежности пеласгского догреческого слоя // Вопросы языкознания. М., 1971. № 1. С. 44–53.
3. Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. С. 161–210.
4. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Изд-во Восточной литературы. 1970. 510 с.
5. Грозный Б. Доисторические судьбы Передней Азии // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 38–45.

6. Грозный Б. Протоиндийские письмена и их расшифровка // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 14–35.
7. Дионисий Перизетт. Описание населенной земли.
8. Евстафий. Комментарии к «Землеописанию».
9. Иванов Вяч.Вс. К проблеме соотношения древнегреческой и хаттской традиций // Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983. С. 53–61.
10. Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947. 287 с.
11. Кемпфер Э. Новейшие государства Казань, Астрахань, Грузия и другие // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1947. С. 113–119.
12. Клавдий Птолемей. Географическое руководство.
13. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. 222 с.
14. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Ч. 1. Греческие писатели // Вестник древней истории. 1948. № 4. С. 217–655.
15. Март Н.Я. К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги» // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 25. 1917–1920. СПб., 1921.
16. Март Н.Я. Каппадокийцы и их двойники // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Петербург, 1922. Т. II. С. 332–336.
17. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси: Изд-во Акад. Наук Груз. ССР, 1959. 507 с.
18. Мещанинов И. Каменные статуи рыб – вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // Записки коллегии востоковедов. Л., 1925. Т. I. С. 26–42.
19. Никифор Блеммид. Сокращенная география.
20. Орбелян С. История области Сисакан. Тифлис, 1911.
21. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. 488 с.
22. Плиний Старший. Естественная история.
23. Руфий Фест Авиен. Описание земного круга.
24. Ушаков П.Н. Древнейшее население Малой Азии, Кавказа и Эгеиды // Вестник древней истории. 1939. С. 47–59.
25. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М., 2011. 400 с.
26. Asheri D. The Achaeans and the Heniochi. Refletions on the Origins and History of a Greek Rhetorical Topos // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart, 1998.
27. Hrozny B. Ancient history of Western Asia, India and Crete. New York: Philosophical Library, 1953. 260 p.
28. Forrer E. Stratification des Langues et des peuples dans le Proche-Orient prehistorique // Journal Asiatique, CCXVII, 1930. P. 230.
29. Jaritz K. Kassitische Sprachreste Anthropos. Bd. 52. № 5–6. 1957. S. 850–898.
30. Murray Gilbert. The Rise of the Greek Epic. New York, 1960.
31. Schuler E. von. Die Kaškaer. Ein Beitrag zur Ethnographie des Alten Kleinasien. Berlin; Der Gruyter. 1965. 212 s.
32. Singer I. Who Were the Kaška? // Phasis 10 (1). Tbilisi: Tbilisi State University, 2007. P. 166–181.

CAUCASUS-ANATOLIAN CONTEXT OF THE ETHNIC NAME KAS

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich, Doctor of History, Head Sector of the Ancient History and Archeology of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The root *kas* desks which is going back to Old Indian *kas* «sparkle», «shine» is considered as the Indo-European name of the Anatolian and Caucasian branch of ancient hatts. As ethnically marked appear thereof the toponyms extended in the Caucasus and in the Middle East, oronima,

gidronima and other names comprising a basis kas: Caucasus, Caspian Sea, Kaspiana, Kassits, Kasogs, etc. By providing more information on the spread of the Hatto-Kaskeyans in Eurasia, they shed light on many aspects and details of the early history of Proto-Abkhaz-Adyga tribes and peoples.

Keywords: Caucasus, Anatolia, Eurasia, Hatts, Kaskians, Cassites, Pelasgien, Abkhaz, Circassians.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-7-14

СОЦИАЛЬНАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ В КАБАРДЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ: ФАКТОРЫ ЭСКАЛАЦИИ

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yanex.ru

В статье исследуются причины жёсткой социальной конфронтации, явившейся отличительной чертой революционного периода в Кабарде на фоне относительно консолидировано выступивших соседних горских народов Терской области. Показывается, что внутренней предпосылкой такой ситуации послужило наличие у кабардинцев выраженной сословно дифференцированной социальной структуры с латентным конфликтом групповых интересов, который в условиях политического кризиса и воздействия внешних факторов проявляет тенденцию к эскалации. В качестве внешних факторов социальной конфронтации указывается политика большевиков, которые пытались привлечь обеспеченных земель кабардинцев, уже вступивших после Февраля 1917 г. на путь автономизации и поэтому слабо заинтересованных в дальнейшем развитии революции, к борьбе за советскую власть, с энтузиазмом поддержанную малоземельными горцами. Отмечается, что осуществить задуманное большевикам удалось через провоцирование социальных противоречий между представителями высших сословий, традиционно занимавшими лидирующие позиции во властных структурах и экономической жизни округа и претендующим на эти позиции духовенством и крестьянством, то есть, через «коренизацию революции».

Ключевые слова: большевики, Кабарда, советская власть, земельный вопрос, революция, социальные конфликты, автономия, традиционная элита, крестьянство.

В отличие от соседних горских народов, в частности чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, выступивших в революционных событиях в целом единым фронтом, что диктовалось необходимостью решения вопроса малоземелья, кабардинцы, не испытывавшие острого земельного голода, оказались разобщены на противостоящие лагеря. Это обстоятельство в своих мемуарах четко подметил современник революционного периода К. Бутаев. «Как в Кабарде, так и в Осетии, – писал он, – единой национальной физиономии уже не было. Гражданский мир на основе национальных интересов как там, так и здесь уже давал значительные трещины» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 31. Л. 14–15].

На жесткую социальную конфронтацию в Кабарде указывали и другие авторы. В частности, А. Деникин обратил внимание на конфликт между дворянством, объединившимся вокруг офицера З. Даутокова-Серебрякова и крестьянством, выразителем интересов которого выступил эфендий Н. Катханов [Деникин 1991: 169].

Обострившиеся в Кабарде в ходе революции социальные противоречия, вылившиеся в острое вооруженное противостояние, по сути, в локальную гражданскую войну, были обусловлены как внутренними, так и внешними факторами.

Внутренние факторы были связаны с социальной структурой кабардинцев, в которой все еще оставалось актуальным сословное разделение, с доминированием знати [Чхеидзе 2008: 53].

Кабардинское дворянство было широко представлено в административных, судебных, общественных структурах российской администрации в регионе. Многие представители высших сословий играли важную роль в развитии экономики Кабарды, будучи владельцами обширных земельных наделов, сдаваемых в аренду, а также успешно занимаясь скотоводством и разведением кабардинской породы лошадей, имеющей спрос далеко за пределами Нальчикского округа.

Кабардинское крестьянство к моменту революции было экономически дифференцированным. Как показывают материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Кабарде 39% хозяйств не имели лошадей, 70% – овец, 16% – крупного рогатого скота. Однако, в отличие от соседних горских округов, согласно данной переписи, крестьяне Кабарды не испытывали земельного голода. 10% населения Балкарии, к примеру, были вовсе безземельными [Жакомихов 1965: 135], а значительная часть ингушских хозяйств вынуждена была арендовать пахотные участки у терских казаков [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 61. Л. 7].

Некоторая часть кабардинских крестьян, активно вливающаяся в рыночные отношения, приобретала статус частновладельцев и по своему имущественному положению порой не уступала представителям аристократии.

Из рядов крестьян формировалось местное духовенство, которое занимало важное место в общественной, культурной и духовной жизни Кабарды. Помимо регулирования ритуальных сторон жизни социума, духовные деятели уделяли большое внимание образованию населения, как светскому, так и духовному.

Противоречия между указанными группами не имели четко выраженной политической подоплеки, носили характер частных бытовых эксцессов и разрешались как в рамках российской правовой системы, так и посредством традиционной социальной регуляции. Несмотря на то, что как в крестьянской среде так и в «стане» духовных деятелей проявлялись элитарные амбиции, предпосылок для перетекания этих противоречий в ситуацию вооруженного конфликта не имелось. Шел эволюционный процесс трансформации кабардинского социума. Традиционная элита постепенно утрачивала доминирующую роль в различных сферах жизни и особо не противилась усилению влияния бывших зависимых сословий. Вовлечение Кабарды в систему рыночных отношений в начале XX в. давало возможность предприимчивым крестьянам разбогатеть и, в то же время, оборачивалось для представителей знати, не сумевших вписаться в эту систему, потерей состояния. В перспективе (не случись крушения Империи) в Кабарде из среды как дворян, так и крестьян сформировался бы многочисленный средний класс, участвующий в политической и экономической жизни не взирая на сословные отличия и привилегии, которые приобрели бы символический характер.

Однако относительно стабильная социальная ситуация, («гражданский мир») оказалась неустойчивой к воздействию внешних факторов, в роли которых, в данном случае, выступила стратегия большевиков, задавшихся целью вовлечь в свое движение не предрасположенный к социалистической революции кабардинский социум, апеллируя к «нуждам» отдельных его слоев.

Один из ключевых постулатов советских исследований событий 1917–1920 гг. на Северном Кавказе и, в частности, в Кабарде заключался в утверждении о предопределенности провозглашения здесь советской власти [Гугов 1975: 25]. Многие монографические работы по данной тематике предварялись анализом «социально-экономических и политических предпосылок социалистической революции» в регионе. В их числе авторы выделяли тяжелое экономическое положение «трудового народа», политическую неполноправность, социальные противоречия. Этот комплекс проблем мог быть разрешен только переходом к социализму, в борьбу за который и включились кабардинцы под руководством партии большевиков [Улигов 1979: 21–23].

Однако непредвзятый взгляд на события того периода приводит к иным выводам. Как выше отмечалось, Февральская революция, позитивные последствия

которой в жизни национальных окраин игнорировались советской историографией, предоставила народам бывшей Империи возможность свободного развития. Действительно, горцы Северного-Кавказа, в том числе и кабардинцы, до этого лишенные возможности полноценного участия в политической жизни региона, ограниченные в вопросах самоуправления, начали втягиваться в процессы национально-государственного строительства. Именно с этой целью в марте 1917 г. был образован Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, который наряду с «февральской» администрацией выступал в качестве ведущего политического актора в регионе. В лице этой структуры коренное население получило свою автономию, которая позиционировалась как равноправный субъект новой демократической России [Кажаров 1999: 27].

Таким образом, Февральская революция разрешила один из злободневных вопросов на Северном Кавказе, связанный со стремлением горцев к национально-культурному возрождению. Оставался нерешенным земельный вопрос, наиболее остро стоящий для народов предгорной полосы – осетин, ингушей, чеченцев, балкарцев, вынужденных арендовать участки у терского казачества, в руках которого после завершения Кавказской войны была сосредоточена подавляющая часть земельного фонда, лесных угодий и водных ресурсов. Сложившиеся диспропорции во владении пригодными для ведения хозяйства участками, часто выступали причиной конфликтов, порой и вооруженных, между горцами и казаками. Эти противоречия использовали большевики, которые, стремясь утвердиться на Северном Кавказе и создать здесь социальную базу своего движения сделали ставку на малоземельных горцев. Последних обещали наделить землей, в том числе, и за счет казачьих владений. Естественно, горские народы поддержали подобные инициативы и выступили в поддержку советской власти.

Однако, в отличие от этих народов, кабардинцы не испытывали недостатка в земле. Исторически занимая большие пространства Центрального Предкавказья, Кабарда, даже после значительных территориальных потерь в ходе российской колонизации к моменту революции располагала достаточным земельным фондом, позволявшим, в целом, развивать основные хозяйственные отрасли в регионе – скотоводство и земледелие.

Таким образом, у кабардинцев, уже вставших после Февраля 1917 г. на путь автономизации не было объективных причин включаться в борьбу за социалистическую революцию. Основной мотив, побудивший к этому соседние народы – земля, у кабардинцев отсутствовал. Большевистские аналитики, давая оценку «политическому состоянию» Кабарды, отмечали: «Здесь нет специального класса наемных рабочих, нет фабричного пролетариата, все население состоит преимущественно из очень хорошо наделенных землей крестьян, занимающихся земледелием и скотоводством... Невоспитанное жизнью в сознании классовых противоречий труда и капитала, мелкобуржуазное по своему имущественному положению кабардинское крестьянство не имеет никакого представления об идеалах коммунизма, по своим политическим интересам оно даже враждебно ему. За отсутствием фабричного пролетариата и пролетаризованной деревенской бедноты, наиболее восприимчивой к пролетарской идеологии, социалистическая революция пока еще не находит здесь твердого оплота, в убежденной и сознательной приверженности большинства населения. Чтобы утвердиться в Кабарде, она должна получить деятельную и властную поддержку извне – от могущественной Советской России. ...Инертность широких слоев населения в деле защиты революции несравненно опасней по своим размерам и по своему значению, чем активная контрреволюционность малочисленных буржуазных групп» [ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 38. Л. 203, 204].

Подобное положение вынуждает большевиков революционизировать Нальчикский округ изнутри через провоцирование социальных противоречий между

представителями высших сословий, которые традиционно занимали лидирующие позиции во властных структурах и экономической жизни округа, и претендующим на эти позиции духовенством и крестьянством.

Стоит отметить, что подобная тактика была апробирована большевиками в Кабарде еще до октябрьского переворота и была направлена на ослабление местных властей, стоящих на позициях Февральской революции. По этому поводу имеется соответствующее предписание прокурора Владикавказского окружного суда Нальчикскому совету рабочих и солдатских депутатов, в котором указывается, что «всякие провокаторские выступления и попытки натравлять одну часть населения на другую, вносящие смуту и мешающие спокойной работе демократических организаций будут преследоваться по всей строгости закона» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 38. Л. 58].

В дальнейшем, большевикам все же удалось организовать в Кабарде лояльную группу, представленную выходцами из низов и провозгласить здесь советскую власть. Большевики, утверждаясь в Терской области и, в частности, в Кабарде, естественно, по идеологическим соображениям не могли опираться на прежние «буржуазные» элиты, и вынуждены были кооптировать в создаваемые в регионе управленческие структуры, за неимением здесь пролетариата, выходцев из крестьянской среды, а точнее, из малоимущих ее представителей. «Революция как таковая, – отмечалось в аналитической записке начальника Кабардино-Балкарского областного отдела ОГПУ (10 ноября 1924 г.), – выдвинула из крайне революционных участвующих непосредственно в ломке феодального строя сил лиц, совершенно ранее незаметных. Эти лица целиком из самых забытых, экономически слабых фамилий, выдвинутые естественным ходом революционных событий, теперь, конечно, выявляют подлинное лицо советской власти применительно к условиям национальной действительности» [Органы государственной безопасности 2007: 206].

Однако, «народные вожаки», как их окрестила советская историография, в роли новой политической элиты кабардинцев не смогли воспрепятствовать действиям Терской чрезвычайной земельной комиссии, передавшей часть территории Кабарды малоземельным горским народам. К тому же их руками большевики начали проводить репрессивную политику в отношении не только прежних элит, но и имущих слоев населения, среди которых часто встречались и представители крестьянства, что существенно обострило социальные противоречия в округе.

Все это в начале августа 1918 г. привело к внутреннему кадровому перевороту, в результате которого руководящие должности в Нальчикском окружном народном совете вместо лояльных большевикам «выходцев из низов» заняли представители национальной интеллигенции во главе с Т. Шакмановым. Среди важнейших решений организованной этой группой 6 августа 1918 г. Окружного народного съезда явилось провозглашение нейтралитета Кабарды в начавшейся в Терской области гражданской войне, признание незаконными действий Терской чрезвычайной земельной комиссии, а также создание Духовного совета, призванного примирить разобщенное большевиками до состояния открытой вражды население Нальчикского округа.

Такая позиция руководства Нальчикского окружного народного совета, формально признающего советскую власть, фактически выводила Кабарду из Терского революционного лагеря и в итоге могла обернуться крахом большевизма в Терской области в целом. В этих условиях большевики предпринимают попытки вернуть Кабарду под свои знамена. Открытое вооруженное вторжение красноармейских частей, могло вызвать обратный эффект, сплотив кабардинский социум в противодействии внешней угрозе и безвозвратно отвернув от большевистского движения, казалось бы, лояльные ему слои местного населения.

Поэтому большевики усиливают пропагандистскую активность, обещая малоземельным крестьянам все и сразу – экспроприировать собственность крупных частновладельцев и распределить ее между малоимущими, которые, к тому же, заместят прежнюю элиту в управленческих структурах.

Поскольку попытка использовать крестьянских активистов как локомотив революционных процессов в Кабарде не имела успеха, идеологическим обрамлением этих обещаний, в условиях невосприимчивости горцев к идеям социализма, стала интерпретированная в нужном ключе исламская социальная доктрина, ментально близкая последним. С одной стороны, шариатское право защищает частную собственность, в том числе и на землю, с другой – содержит положение, согласно которому земля должна принадлежать тем, кто «воскрешает» ее, обрабатывает, то есть крестьянам [Исхаков 2004: 252]. Соответственно все горцы, вступающие в арендные отношения с крупными собственниками, получали возможность безвозмездно пользоваться их участками. Подобные толкования шариатского права гармонировали с популярным лозунгом большевиков – «землю крестьянам!»

Итак, приемлемая для вовлечения горцев в революционную борьбу идеология, совместившая идеи социализма и исламские нормы в части земельных отношений была найдена [Жанситов 2009: 350]. В качестве ведущей силы этой борьбы большевики сделали ставку на кабардинское духовенство.

Один из видных борцов за советскую власть в Нальчикском округе Г. Русаков в своих мемуарах писал: «...во Владикавказе мне С. М. Киров говорил, что нужно, изучая работников, подобрать мусульманина эфендия или муллу, с которым можно было бы объединить на советской платформе бедноту Кабарды. Присутствовавший при нашей беседе тов. Симон Такоев (осетинский революционер. – О.Ж.), указал на эфендия Назира Катханова... Я с товарищем написал письмо С. М. Кирову с характеристикой Катханова. Прошло 3–4 недели, и сияющий Катханов нам объявил, что уезжает получать колоссальное назначение во Владикавказ. Дней через 10 мы получили сведения, что Катханов с сотней или больше, преимущественно мулл, движется по Малой Кабарде к Нальчику» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 38. Л. 37].

В сентябре 1918 г., из кабардинских крестьян и представителей духовенства был сформирована «шариатская колонна» (около 150 человек) под руководством эфендия Н. Катханова, сторонников которого называли «шариатистами». В помощь последнему были приданы отряды осетинских и русских красноармейцев (по сто штыков каждый). 25 сентября Катханов, занял Нальчик и расформировал Округной народный совет. Политика «нейтралитета» была признана контрреволюционной. Спешно сформированные отряды из кабардинцев отправлялись на фронт для поддержки большевиков в подавлении восстания терских казаков. Внутреннее положение в самой Кабарде с этого времени серьезно обострилось. Малоимущие крестьяне приступили к самовольному разделу частновладельческих земель, представители высших сословий, бывшие офицеры и просто зажиточные сельчане подвергшись репрессиям, организовывались для борьбы с советской властью и лояльными ей слоями населения.

Когда революционный процесс в Нальчикском округе был запущен, а казачье сопротивление в Терской области сломлено большевики уже не нуждались в услугах духовенства. Оно как, в целом, «чуждый социализму класс» было отстранено от участия в политической жизни, ведущее место в которой заняли представители кабардинской бедноты, активно вовлекавшиеся в революционное движение. Таким образом, большевикам удалось, манипулируя интересами различных социальных групп, обострить социальные противоречия в Кабарде и вовлечь регион в общероссийский революционный процесс.

Источники и литература

1. *Архив ИГИ КБНЦ РАН* – Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
2. *ГАРФ* – Государственный архив Российской Федерации.
3. *Гузов Р.Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. 495 с.
4. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. 212 с.
5. *Жакомихов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии: [В 2 ч.] Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1965. Ч. 1. 207 с.
6. *Жанситов О.А.* Гражданская война в Кабарде: национально-религиозный аспект // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Нальчик: Издательство ИГИ КБНЦ РАН, 2009. 360 с.
7. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917-го – лето 1918 г.). М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2004. 600 с.
8. *Кажаров В.Х.* Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.
9. *Органы государственной безопасности и общество: Кабардино-Балкария 1920–1992.* Нальчик: Эль-Фа, 2007. 376 с.
10. *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 354 с.
11. *УЦГА АС КБР* – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
12. *УЦДНИ АС КБР* – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
13. *Чхеидзе К.А.* Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков: Гражданская война в Кабарде. Нальчик: Кавказская здравница, 2008. 120 с.

SOCIAL CONFLICT IN KABARDA DURING THE REVOLUTION: ESCALATION FACTORS

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, Senior researcher of the Department of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The article explores the reasons for the severe social confrontation, which was a hallmark of the revolutionary period in Kabarda against the background of relatively consolidated performances of the neighboring mountain peoples of the Terek region. It is shown that the internal prerequisite for such a situation was the presence of a distinct class differentiated social structure with a latent conflict of group interests among Kabardians, which, in the context of the political crisis and the influence of external factors, tends to escalate. The external factors of social confrontation are the policy of the Bolsheviks and their attempts to bring Kabardinians to fight for Soviet power, enthusiastically supported by small-earth mountaineers. But Kabardinians had wield the lands, had already taken the path of autonomy after February 1917 and that is why they were weakly interested in the further development of the revolution. It is noted that the Bolsheviks succeeded in fulfilling their plans through the instigation of social contradictions between representatives of the upper classes, who traditionally occupied leading positions in the power structures and economic life of the region, clergy aspired to these positions and peasantry.

Keywords: Bolsheviks, Kabarda, Soviet power, land issue, revolution, social conflicts, autonomy, traditional elite, peasantry.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-15-20

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В НАЧАЛЕ РЕКОНСТРУКТИВНОГО ПЕРИОДА

Кармов Амерби Хазретович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), karmovamerbi@mail.ru

В статье представлена краткая историографическая характеристика исследуемой проблемы, в которой анализируется степень изученности темы аграрных преобразований в Кабардино-Балкарии в рассматриваемый период.

В ходе анализа архивных и литературных источников выявлены основные особенности организации сельскохозяйственного производства в Кабардино-Балкарии в начале реконструкции народного хозяйства страны. К ним относятся невиданный по своим масштабам и последствиям голод 1921 г. в Кабарде, недород в 1924 г. и крайне жесткие методы руководства новой власти в проведении политики Центра в деле аграрных преобразований в области на социалистических началах. В этом процессе огромную роль сыграли комитеты крестьянской взаимопомощи (ККОВ), которые в условиях Кабардино-Балкарии, превратились в существенный источник финансирования новых сельскохозяйственных предприятий: товариществ по совместной обработке земли, машинных товариществ, машинно-тракторных станций и др. через сети сельскохозяйственных и других коопераций, созданных на территории области.

Разумеется, ККОВ-ы создавались по всей стране. Материальную основу этих комитетов составляли членские взносы. Б. Калмыков вместе со своими соратниками пошел по другому пути. Он изъял закят (сэджыт) у местного духовенства 1/10 часть всего зернового сбора сельскохозяйственных культур и 1/40 часть денежного дохода, которые, согласно шариату, каждый взрослый верующие отчислял в пользу бедных, больных, вдов, сирот и т.д. и передал кресткомам. Для распространения этого опыта в рамках северокавказского региона А.И. Микоян неоднократно проводил совещание, однако ни одна область или республика Северного Кавказа, равно и СССР, с мусульманским населением, «эксперименту» Б Калмыкова не последовала.

Ключевые слова: реконструкция, крестьянские хозяйства, сельскохозяйственная техника, кооперативы, ТОЗ, МТС.

Проблема перевода мелкого индивидуального крестьянского хозяйства на коллективный путь развития в Кабардино-Балкарии 20–30-е годы прошлого столетия стояла в центре внимания партийных и советских руководителей области, а также российских ученых, исследовавших различные аспекты социально-экономических и природно-климатических условий края. В исследованиях последних не прямо затрагиваются вопросы, связанные с практическим осуществлением перевода мелких крестьянских хозяйств на социалистический путь организации сельскохозяйственного производства, а раскрываются факторы, неблагоприятно повлиявшие на этот процесс. К ним можно отнести материалы, связанные с нахождением Кабарды в составе Горской АССР и притязаниями соседей на кабардинские земли, а также потерей земель за период революции [Месяц 1928: 78–98; Христианович 1926: 90–102]. Материалы этих исследований являются незаменимым историческим источником для исследования многообразия природно-

климатических, культурно-исторических и социально-экономических условий обитания народов Кабардино-Балкарии на Северном Кавказе.

В то же время в силу ряда объективных причин, прежде всего отсутствия историков-аграрников, тема перевода крестьянских хозяйств на рельсы социалистических преобразований в КБАО в 20–30-е годы XX в. не исследовалась. Тем не менее, сохранились объективные сведения по данной проблематике, содержащиеся в докладах и выступлениях руководителей области, опубликованные в виде отдельных брошюр и статей, а также отчетные, аналитические, информационные и другие материалы, хранящиеся в центральных и республиканских архивах.

Также большую источниковедческую ценность представляют решения центральных и областных партийных и государственных органов по организации сельскохозяйственного производства на социалистических началах.

После победы в Великой Отечественной войне в республике сложился коллектив профессиональных историков, который на основе анализа этих и других материалов приступил к научной разработке темы восстановления сельского хозяйства в пореволюционный период в Кабарде и Балкарии и его дальнейшего развития в условиях советской действительности.

В середине 50-х годов появились первые научные статьи, посвященные данной теме, авторами которых были И. Петренко, Н.Е. Гуревич, А.К. Текуев, Е.В. Воробьев и другие, а в 60–70 гг. – монографические исследования, посвященные переводу сельскохозяйственного производства на социалистический путь развития и социалистическому строительству в Кабардино-Балкарии. Так, в 1961 г. была опубликована монография Р.Х. Гугова, в которой обобщался опыт строительства новой жизни в Кабардино-Балкарии в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства в СССР. Особое внимание автор уделяет социально-экономическому развитию горской деревни, вставшей на путь социалистических преобразований [Гугов 1961: 61–126].

Проблема социалистических преобразований в кабардино-балкарской деревне стоит в центре внимания и в исследованиях А.К. Текуева.

В обобщающей работе Х.М. Бербекова исследуется проблема перехода народов Кабардино-Балкарии к социализму. В этом контексте автор раскрывает пути решения триединой задачи: индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и осуществления культурной революции [Бербеков 1963: 191–252].

В изучении развития народнохозяйственного комплекса Кабардино-Балкарии существенный вклад внес Т.А. Жакомихов. Он исследовал эту тему по историческим этапам, как в целом, так и по отдельным отраслям. Такая периодизация, с точки зрения автора, наиболее правильно отражала этапы развития экономики всей страны и давала возможность наглядно показать особенности развития народного хозяйства республики [Жакомихов 1967: 4].

Следует особо подчеркнуть, что усилиями республиканских историков 60–70-х гг. был собран богатейший фактологический материал, на основе которого были написаны научные труды, широко известные не только в Кабардино-Балкарии, но далеко за ее пределами. Однако, идеологическое клише, господствовавшее в то время в обществе, не могло не накладывать свой отпечаток на анализ социально-экономических преобразований в Кабардино-Балкарии.

В переходный период от административно-командной системы управления к либерально-демократической, вошедшей в историю как ускорение и перестройка экономической и общественно-политической жизни страны, произошла переоценка ценностей, которая сопровождалась демократизацией общества. В это время в средствах массовой информации республики появились статьи, в которых предпринимались попытки объяснить причину столь плачевного состояния сельскохозяйственного производства в республике. Но эти публикации публицистического характера не оставили заметного следа в изучении данной проблемы.

После распада СССР в условиях новой реальности были защищены кандидатские диссертации, в которых диссертанты на основе современной методики и методологии исследовали сложные социально-экономические и политические процессы в кабардино-балкарской деревне в 20–30 гг. XX в. Так, Н. Лаврова в кандидатской диссертации «Аграрные преобразования и развитие села в Кабардино-Балкарии в 20–30-е годы XX века», защищенной в 2004 г., обратила особое внимание на социально-экономические основы развития Кабардино-Балкарии в период НЭПа. В этих условиях был признан действенным инструментом перевод крестьянских хозяйств на путь социалистического развития через кооперацию.

Н. Лаврова выявила основные этапы развития кооперативного движения в области и пришла к выводу, что « по мере роста сельского хозяйства, с изменением системы кредитования, с организацией сельскохозяйственного банка и накоплением опыта работы происходит специализация кооперативов [Лаврова 2004: 14]. Она справедливо считает, что «производственное кооперирование в Кабардино-Балкарии проводилось, главным образом, через комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ), работа по организации которых началась в январе 1923 года» [Лаврова 2014: 14].

В диссертационной работе З. Соблировой «Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи в социально-экономической истории Кабардино-Балкарии (1922–1929 гг.) подверглись глубокому анализу роль и место комитетов крестьянской общественной взаимопомощи в социально-экономической и общественно-политической жизни области. В ней рассматривались особенности реализации нормативно-правовых документов, касавшихся организации ККОВов в Кабардино-Балкарии, исследовались практическую деятельность ККОВ в КБАО на различных этапах развития, определялся вклад комитетов крестьянской общественной взаимопомощи в образование и культурное строительство и др.

Автор отмечал новые задачи, вставшие перед страной в деле строительства новой жизни и, в связи с чем, 25 сентября 1924 было обнародовано «Положение о крестьянских обществах взаимопомощи», провозгласившее создание в деревнях вместо Крестьянских комитетов общественной взаимопомощи Крестьянских обществ взаимопомощи (КОВ).

По мнению З. Соблировой «Положение...» во многом расширило круг задач обществ взаимопомощи. Помимо общественного призрения семей военнослужащих, инвалидов и маломощных крестьян, денежной и трудовой помощи, с этого времени комитеты обязаны были способствовать объединению малоимущих и середняцких хозяйств в кооперации и другие формы коллективного труда...» [Соблирова 2016: 27].

В соответствии с новым «Положением « в КОВах вместо добровольной организации крестьянского комитета был провозглашен принцип обязательного членства, а функция проведения социального обеспечения потеряла свое приоритетное значение, уступая место мероприятиям, которые были направлены на кооперирование и коллективизацию крестьянства» [Соблирова 2016: 28].

Перу З. Соблировой принадлежит ряд статей, раскрывающий многогранную деятельность комитетов крестьянской общественной взаимопомощи. К их числу относится совместная статья с Е.Х. Апажевой «Вклад крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в развитии крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии (вторая половина 20-х гг. XX века)». В ней авторы проанализировали административно-правовую основу деятельности комитетов крестьянской общественной взаимопомощи, бюджетно-финансовую политику местных властей. На основе анализа имеющихся источников и литературы они сделали вывод о том, что «со временем большая часть средств стала поступать в денежном эквиваленте» [Апажева Е.Х., Соблирова З.Х.: 7].

В это же время руководство области планировало перейти к принципу прогрессивного ежегодного целевого взноса в фонд ККОВов и ввести систему самообложения в его пользу. Также было принято решение – лишить право выплаты «битир» и направить эти средства в денежной форме в фонд комитетов крестьянской взаимопомощи. В этот же фонд направлялись и конфискованные имущества за уплату калыма.

«Проведение в жизнь намеченных мероприятий встретило противодействие со стороны мулл и всего мусульманского духовенства. Основным способом борьбы с подобными явлениями виделся в широкой агитации и пропаганде, но не исключалось привлечение к судебной ответственности по статье 73 УК» [Апажева Е.Х., Соблирова З.Х.: 8].

Несмотря на активную деятельность местных и областных руководителей по укреплению финансовой базы крестьянских комитетов общественной взаимопомощи «даже в 1928 г. крестьянские хозяйства Кабардино-Балкарии продолжали выплачивать «сэджыт» в той форме, в которой от них требовала традиционность уклада жизни, а не постановления партии» [История Дона и Северного Кавказа: 81].

Краткий историографический обзор, подготовленный автором данной статьи свидетельствует, что историки Кабардино-Балкарии провели большую работу по исследованию социально-экономического развития Кабардино-Балкарской деревни в 20–30-е гг. XX в.

Тем не менее, отдельные узловые проблемы, связанные с этой темой, нуждаются в дополнительном исследовании. В частности, представляется необходимым выяснить особенности организации социальной жизни в горской деревне после революционных потрясений и гражданского противостояния в крае, причины обострения противоречия в кабардино-балкарской деревне в период осуществления социалистических преобразований, превращение комитетов крестьянской взаимопомощи (ККОВ) в инструмент эксплуатации крестьян со стороны государства и др.

Особенностью перехода к восстановлению хозяйственного комплекса в Кабарде и Балкарии явилась затянувшаяся гражданская борьба на Северном Кавказе, которая отразилась самым негативным образом на осуществлении социалистических преобразований в области в 20-е г.

После восстановления советской власти в округе в марте 1920 г. стали создаваться простейшие формы кооперации (потребительский, промысловый, снабженческо-сбытовой) и др. Они функционировали и развивались в условиях новой экономической политики.

Особое внимание уделялось деятельности потребительской кооперации, так как она должна была сыграть решающую роль в организации торговли на селе. Поэтому IV съезд Советов Кабарды (июнь 1921 г.) специально рассмотрел этот вопрос и «обязал местные органы власти всячески оказывать содействие для организации на местах кооперативов» [История Кабардино-Балкарской АССР 1967: 127].

После перехода к новой экономической политике, направленной, прежде всего, на преодоление многоукладности экономики и обеспечение тесного союза рабочих и крестьян, был взят курс на всемерное кооперирование и постепенный перевод крестьянских хозяйств на социалистический путь развития. Он был определен в совместном Декрете Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР 16 августа 1921 г о сельскохозяйственной кооперации.

Следует подчеркнуть, что к началу рассматриваемого периода кооперативное движение в Кабардино-Балкарии прошло сложный путь, связанный с организационными трудностями в работе, с которыми местные органы власти успешно справились. В связи с этим, выступая на V съезде Советов Кабардино-Балкарии

АО, (апрель-май 1926 г.), секретарь Северокавказского крайкома партии А.И. Микоян отметил, «что в Кабардино-Балкарской области кооперация работает лучше, чем во многих других областях...» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 342. Л. 553]. Этому предшествовала большая кропотливая работа.

В августе 1921 г. был организован Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации «Сельскохозяйственный союз» как руководящий центр сельхозкооперации страны. Тогда же для руководства кооперативным движением на Юго-Востоке был образован Юго-Восточный сельскохозяйственный союз, а в Нальчике был создан «Кабсоюз», который объединил 27 потребительских коопераций. Однако руководство области считало, что темпы развития сельскохозяйственной кооперации крайне низкими и для ускорения этого процесса 22 октября 1922 г. создало Оргбюро по сельскохозяйственной кооперации. По его предложению 13 января 1923 г. Президиум ЦИК КБАО рассмотрел вопрос об организации в Кабардино-Балкарии отделения Юго-Восточного союза сельскохозяйственных кооперативов как руководящего органа сельскохозяйственной кооперации в КБАО [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 74. Л. 10] и утвердил организацию Кабардино-Балкарского отделения Ювсельсоюза.

Несмотря на некоторое оживление в работе по развитию производственной кооперации с точки зрения руководства области деятельность Ювсельсоюза в целом не отвечала интересам развития сельскохозяйственной отрасли и носила деструктивный характер. Этот вопрос обсуждался на V областной партийной конференции, состоявшейся с 30 апреля – 2 мая 1924. Она определила основной вектор развития сельского хозяйства в КБАО и положила начало реорганизации и перестройки всей кабардино-балкарской кооперации. Существовавшие к этому времени три кооперативных центра: «Кабсоюз», «БалкЕПО» и отделение «Ювсельсоюза» 21 апреля 1924 г. были объединены в единый Кабардино-Балкарский союз кооперативов, а 1 августа 1925 г. из этого союза вышла «...сельскохозяйственная кооперация как самостоятельная система...» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 175. Л. 62]. В это же время Кабардино-Балкарский союз кооперативов был переименован в Кабардино-Балкарский союз потребительских обществ [Гугов 1961: 68]. Организационное размежевание потребительской и сельскохозяйственной кооперации привело к более четкому пониманию их роли и места в социалистическом преобразовании деревни.

Следует отметить, что к этому времени в области наиболее развитой формой кооперации была потребительская. Вместе с потребительской кооперацией значительное развитие в области получили и различные виды сельскохозяйственной кооперации, которые сыграли ведущую роль в переходе мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств на путь колхозного строительства.

Важным фактором аграрных преобразований в Кабардино-Балкарии явилось создание сети сельскохозяйственных кредитных товариществ, сыгравшей большую роль в организации рыночных связей и повышении рыночных цен на сельскохозяйственные продукты. Они стали действенным инструментом вытеснения частного капитала из системы торговых отношений между производителями и потребителями сельскохозяйственных продуктов.

Характеризуя условия работы сельскохозяйственной кооперации в КБАО, ее председатель Олейник на II съезде Комитета крестьянской взаимопомощи области обратил серьезное внимание на необходимость организации эффективной деятельности этой формы кооперации. При этом он выделил основные признаки, отличающие сельскохозяйственную кооперацию, включая сельскохозяйственные кредитные организации, от потребительской кооперации. Олейник справедливо считал, что без активного участия сельскохозяйственных кредитных товариществ в обеспечении производственных коопераций сельскохозяйственным инвентарем, прежде всего сельскохозяйственной техникой, невозможно перевести сельское

хозяйство на социалистические рельсы [УЦГА АС КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 175. Л. 68]. Эта проблема встала во весь рост после завершения восстановительного периода, вобравшего в себе в Кабардино-Балкарии два голода: 1921 и 1924 гг.

К концу 1925 г. область имела 50 работающих тракторов и 2 трактора на ремонте.

В апреле 1926 г. состоялось заседание Президиума облисполкома КБАО VI созыва, которое рассмотрело вопрос о механизации сельского хозяйства в области. Было признано необходимым, осуществить механизацию сельского хозяйства путем создания тракторного отряда при совхозах ОблЗу. При этом предполагалось силами отряда произвести поднятие паров, уборку урожая, обмолот и посев озимых [УЦГА АС КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 218. Т. 1. Л. 48].

К началу 1926 г. ожидался завоз в Кабардино-Балкарскую область по линии Госторга 50 тракторов, по линии сельхозкооперации 54 трактора. Это давало возможность реализовать решение Президиума облисполкома о механизации сельского хозяйства и сформировать тракторный парк в количестве 156 единиц.

Было принято решение по мере их поступления в область распределить следующим образом: Нальчикскому округу – 18, Урванскому – 22, Мало-Кабардинскому – 36, Казачьему округу – 11, Прималкинскому – 23, Баксанскому – 30, Нагорному – 14, Балкарскому – 2. Выделение Мало-Кабардинскому округу значительного количества тракторов объяснялось наличием большого объема тяжелоемких работ, связанных с началом строительства Мало-Кабардинской оросительной системы.

Однако поступление в область запланированных тракторов в полном объеме зависело от платежеспособности различных крестьянских кооперативных объединений, заказавших данный вид сельскохозяйственной техники. Заказчики должны были внести задаток, но многие из них, разоренные в голодные годы, не в состоянии были сделать первые взносы. Местные власти добивались от нищих крестьян выполнения данной финансовой операции. Пока шла эта борьба между крестьянами и властью, проходили месяцы, и в конечном итоге, побеждала власть, а недостающая часть техники с большим опозданием поступала в распоряжении местных органов власти, которые занимались перераспределением вновь поступившей партии тракторов.

Так, в 1926 г. из 50 заявленных тракторов по линии Госторга без задатка оказался 41 трактор. В конечном итоге крестьянские объединения вынуждены были выкупить их под 12% годовых [УЦГА АС КБР. Ф. Р-5. Оп. 1 Д. 175. Л. 67].

После решения финансовых вопросов эти тракторы поступили в область и были распределены по округам: Нальчикскому – 7 тракторов, Урванскому – 4, Прималкинскому – 10, Казачьему – 7 Баксанскому – 12, Балкарскому – 1 [УЦГА АС КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 175. Л. 59].

Большое внимание уделялось техническому состоянию тракторного парка. В центральных пунктах, где в основном сосредотачивалась сельскохозяйственная техника: в Нальчике, Муртазово, Котляревской, Баксане и других местах были созданы стационарные мастерские для ремонта сельскохозяйственной техники. В этих центрах создавались базы для обеспечения сельскохозяйственных кооперативов горюче-смазочными материалами, гарантировавшими бесперебойную работу тракторов.

По мере увеличения количества тракторов обнаруживалась нехватка трактористов-рулевых, машинистов и других специалистов сельского хозяйства. Поэтому было принято решение подготовить 7-8 хороших механиков-трактористов, т.е. по одному инструктору на округ, который в любое время был бы готов прийти на помощь [УЦГА АС КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 175. Л. 60], а также организовать по всей области 4 мастерских-передвижных и разместить одну из них в Котляревке для обслуживания сельскохозяйственной техники Прималкинского и Казачьего округов. Остальные 3 передвижные мастерские были размещены в Нальчике для оперативного использования их в других округах.

Несмотря на достигнутые успехи в механизации сельскохозяйственного производства в Кабардино-Балкарии еще велика была доля использования примитивных сельскохозяйственных орудий. Место их в производственном процессе и изменение их качественного и количественного параметров демонстрирует статистические данные, содержащиеся в предлагаемой таблице.

Наименование сельскохозяйственных инвентарей:

Годы	1926	1927
Сохи	1108	987
Плуги	8939	9350
Буккер и скоропашни	516	292
Бороны (жел. и дер)	12166	12533
Сеялки	237	297
Жаток	861	850
Сенокосилок	398	319
Конные грабли	226	167
Конные молотилки	10	30
Молот. с мех. двиг.	32	36
Трактор	169	182

Из данной таблицы видно, что за анализируемый год виды используемых сельскохозяйственных инвентарей не претерпели существенных изменений. Увеличилось количество плугов, борон, сеялок и молотилок, а тракторный парк расширился лишь на 13 единиц. По остальным позициям количество сельскохозяйственных орудий сократилось. Такое положение явно не удовлетворяло потребность развивающегося сельского хозяйства Кабардино-Балкарии в орудиях сельскохозяйственного производства. Так, одна жатка приходилась на 34 хозяйство, одна сеялка на 99 хозяйств, одна борона на 2 хозяйства [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 103. Л. 16].

В обеспечении сельского хозяйства механизаторскими кадрами руководство области возлагало большие надежды на Ленинский учебный городок, где в марте 1926 г. состоялся выпуск 105 трактористов-рулевых. В результате сформировался отряд квалифицированных механизаторов, который был распределен по округам. Однако, с учетом распределенных трактористов, еще остро ощущалась нехватка механизаторских кадров, не хватало 56 трактористов. В мае того же года был произведен набор на курсы трактористов. Кроме того Ленинский учебный городок принял на подготовку трактористов 35 человек преимущественно из числа членов сельскохозяйственных кооперативов, демобилизованных красноармейцев, и бывших красных трактористов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 175. Л. 61].

Развитие тяжелой промышленности в годы индустриализации страны дало возможность организовать машинно-тракторные станции. Так, по инициативе Правления Хлебоцентра, Севкавказводсоюза при активной поддержке местной власти в 1929 г. организовали три машинно-тракторных станций: Мало-Кабардинская с земельным массивом в 127000 га., Баксанская – 100000 га, Урванская – 70000 га.

Осенью того же года тракторный отряд в составе 23 единиц засеял 2500 га. чистосортными семенами пшеницы и произвел зяблевую вспашку [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 267. Л. 61].

Шел процесс сосредоточения тракторов на тракторных станциях. В 1929/1930 гг. в Мало-Кабардинской и Баксанской тракторных станциях находились 71 трактор.

Следует подчеркнуть, что местные и краевые партийно-государственные органы следили за тем, чтобы не допустить засоренность кооперации верхушечными слоями национальной деревни. В этой связи 7 мая 1928 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О работе парторганизаций национальных областей Северного Кавказа», в котором он потребовал от крайкома и нацобкомов укрепить состав работников кооперативных организаций, главным образом, путем выдвижения работников из рабочих, батраков и крестьян, проверенных на низовой работе [Гутов 1961: 69].

По данному вопросу Северокавказский краевой комитет ВКП(б) принял соответствующее постановление. Во исполнении решений вышестоящих партийных органов 14 сентября 1929 г. бюро обкома партии рассмотрел вопрос «О Карагачинском кредитном товариществе». Положение, сложившееся в данном товариществе оно охарактеризовало как отступление от линии партии в области кредитной политики и проявление правого уклона, выразившегося в кредитовании 27 кулацких хозяйств на сумму 1174 руб.

Бюро осудило деятельность руководства кредитного товарищества и потребовало от окружных комитетов партии «...немедленно дать директивы партячейкам о досрочном отзыве всех кредитов, выданных кулацким элементам» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 158]. После принятия данного постановления кредитные организации практически перестали обслуживать зажиточных крестьян.

Велика была роль комитетов крестьянской общественной взаимопомощи в сельскохозяйственной кооперации Кабардино-Балкарии в 20-е годы XX в.

После победы советской власти в Гражданской войне на основе декрета СНК СССР от 14 мая 1921 г. подобные комитеты возникли во всех регионах страны. Однако вследствие затяжного характера гражданской борьбы на Северном Кавказе, а также голода 1921 г., в Кабарде в феврале 1922 г. с большим трудом были организованы комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ). При этом следует обратить серьезное внимание на особенность методики организации ККОВов в области. Она заключалась в том, что во всех регионах СССР материальной основой кресткомов являлись членские взносы работающих крестьян. В Кабарде же вместе с созданием крестьянских комитетов началось разрушение традиционных мусульманских ценностей. Оно выразилось в том, что в их основе был положен один из пяти столпов ислама – закят (сэджыт) – положение по шариату, согласно которому верующие должны отчислять в пользу бедных, больных, вдов, сирот и т.д. 1/10 часть всего зернового сбора сельскохозяйственных культур и 1/40 часть денежного дохода.

Распределением пожертвований в соответствии с нормами шариата занималось духовенство. Поэтому первоначально к созданию комитетов было привлечено духовенство, которое в то время оказывало огромное влияние на мусульманское население Кабарды и Балкарии.

Новое «Положение о крестьянских обществах взаимопомощи (КОВ)», принятое 25 сентября 1924 г. ВЦИКом и СНК внесло существенные коррективы в деятельности последних. С его утверждением областная партийная организация развернула небывалую антирелигиозную пропаганду среди населения. На состоявшихся выборах осенью 1924 г. в окружные и сельские правления крестьянских обществ взаимопомощи представители духовенства были вытеснены из них и лишены возможности реализовать один из главных постулатов мусульманской религии.

По существу КОВы превратились в инструмент для реализации политики партии в деревне. Они получили возможность без всяких препятствий передать закят, равный по своим масштабам сельхозналогу и предназначенный для оказания помощи беднейшим крестьянам через духовенство, изъять у последнего и передать

кресткомам, контролируемым коммунистами. Такого кощунства по отношению к религиозно-духовным ценностям не позволял себе ни один народ с мусульманским населением на территории СССР. В этом контексте уместно вспомнить, что еще в августе 1921 г., когда Кабарда формально еще находилась в составе Горской АССР, состоялось совещание работников социального обеспечения Горской республики во Владикавказе, на котором было признано, что Кабарда, с точки зрения заката, является самой благоприятной почвой, на которой можно построить работу комитетов крестьянской общественной взаимопомощи. В то же время ни один национальный округ Горской АССР не изъявил желание последовать этому благоприятному примеру.

Между тем, ККОВы, а затем КОВы в засушливой и полуголодной Кабардино-Балкарии сборы по закату составили 286 тыс. пудов хлеба. Кроме того, с 1 марта 1924 г. по 1 апреля 1925 г. в пользу КОВ от населения области поступило 500 пудов мяса, 2612 пудов картофеля и большое количество денег. Только в 1925 г. для приобретения сельхозинвентаря КОВ Кабардино-Балкарии выделили 282 тыс. рублей, на проведение мелиоративных и землеустроительных работ – около 400 тыс. рублей. Всего в 1925 г. КОВ вложили на укрепление крестьянского хозяйства области 1060 тыс. рублей. В 1924/25 хозяйственном году за счет КОВ было приобретено 13 тракторов, 4 молотилки, 6 триеров, 6 сноповязалок и другие сельскохозяйственные орудия на сумму 182 тыс. рублей [История КБР... 1967: 134].

Если до 1924/25 хозяйственного года КОВы Кабардино-Балкарии приобрели 14 тракторов, то в 1926/27 хозяйственном году их было 80 [Текуев 1960: 38], т.е. за два года КОВы области приобрели 66 тракторов. По тем же источникам на 1 марта 1926 г. в области имелось 153 трактора. Однако нет сведений о том, сколько из них было приобретено за счет государства, и сколько – за счет единоличных хозяйств. Можно только с большой долей уверенности предположить, что, учитывая львиную долю из этого количества тракторов, принадлежавшую ККОВ и КОВ, а также наличие у многих единоличников сельскохозяйственной техники, то вряд ли на этом этапе государство принимало активное участие в приобретении сельскохозяйственной техники для нужд доколхозной деревни Кабардино-Балкарии. По всей вероятности оно подключилось к этой работе в марте 1926 г., когда был отпущен области долгосрочный кредит в объеме 1200000 рублей для механизации области. В том же году область приобрела сельскохозяйственную технику на сумму 650000 рублей [Текуев 1960: 40].

Следует отметить, что к этому времени использование заката для нужд кооперации крестьянских хозяйств области достигло своего апогея и получило высокую оценку вышестоящих партийных и советских органов. Однако опыт Кабардино-Балкарии в использовании заката как один из главных элементов ККОВ и КОВ, обобщенный еще в августе 1921 г. и рекомендованный для практического применения в национальных округах Северного Кавказа, не нашел широкой поддержки у населения. Очевидно, с этим был связан тот факт, что по инициативе секретаря крайкома партии А.И. Микояна на заседании Национальной комиссии Северокавказского крайкома партии в феврале 1926 г. рассматривался вопрос об опыте Кабардино-Балкарской области в деле использования заката для организации кооперативных хозяйств в Кабарде и Балкарии и возможность использования этого опыта в других автономиях края [УЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 97]. Примечательно, что докладчиком на этом совещании по предложению секретаря Северокавказского крайкома партии А.И. Микояна был утвержден Б. Калмыков. Однако очередная попытка А.И. Микояна об использовании эксперимента Б. Калмыкова в организации ККОВов и КОВов в других национальных областях Северного Кавказа провалилась. Поэтому неслучайно, что комиссия ВЦИК указала: «Крестьянские общества взаимопомощи в нацобластях абсолютно не играют той роли, которую они должны были бы играть в деле раскрепощения бедноты от

кабальной зависимости, обусловливаемой особенностями местного быта... за исключением Кабарды» [Гугов 1961: 74].

Анализ хозяйственно-политической деятельности крестьянских обществ взаимопомощи показывает, что эта организация, созданная под давлением партийных и советских органов, в условиях Кабардино-Балкарии сыграла ключевую роль в развитии сельскохозяйственной кооперации в деревне и механизации сельского производства на селе. К 1929 г. количество тракторов увеличилось по сравнению с 1925 г. в четыре раза, с 52, до 205 [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 15].

Подводя некоторые итоги исследования проблем организации сельскохозяйственного производства в Кабардино-Балкарии на начальном этапе реконструкции народного хозяйства страны, следует отметить те особенности и трудности в восстановлении экономики Кабарды и Балкарии, которые были обусловлены затяжным характером гражданской борьбы на Северном Кавказе с ее разрушительными последствиями, а также голодом и неурожаем 1921 и 1924 гг.

Такое положение отягощалось ожесточенной вооруженной борьбой антибольшевистских, антиколхозных сил против советской власти, с которыми новая власть вела непримиримую борьбу. Одновременно она умело использовала национальные и религиозные традиции кабардинцев и балкарцев в решении хозяйственно-политических задач. Так, один из основных пяти столпов ислама – закят, который был сосредоточен в руках духовенства, и под контролем сельских общественных комиссий распределяло денежные и продуктовые сборы по закяту среди бедных, больных, обездоленных, немощных людей, был экспроприирован властью и передан комитетам крестьянской общественной взаимопомощи. Власть обязала все трудоспособное население области вступить в ККОВ и ежегодно вносить взносы в полном объеме в фонд кресткомов. Эти взносы были сопоставимы с единым сельскохозяйственным налогом и ложились тяжелым бременем на плечи крестьян Кабардино-Балкарии.

Важно отметить, что секретарь северокавказского крайкома партии А.И. Микоян неоднократно проводил совещания по вопросу распространения опыта Кабардино-Балкарии по использованию закята в формировании материально-технической базы колхозов и совхозов не только в национальных областях Северного Кавказа, но всех мусульманских республиках страны. Однако усилие А.И. Микояна не увенчалось успехом, и ни одна область или республика с мусульманским населением страны не поддержала «эксперимент» Б. Калмыкова, но, тем не менее, он получил высокую оценку со стороны вышестоящих партийных и советских органов.

Источники и литература

1. Анажеева Е.Х., Соблирова З.Х. Вклад крестьянских комитетов в развитие взаимопомощи в развитии крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии вторая половина 20-х гг. XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. № 3. Пятигорск, 2012.
2. Бербеков Х.М. Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 536 с.
3. Гугов Р.Х. Кабардино-Балкария в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1926–1929 гг.) Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. 166 с.
4. Жакомихов Т.А. История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Ч. II. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. 390 с.
5. История Дона и Северного Кавказа (1917–2000). Нальчик: Каб-Балк ун-т, 2014. 312 с.
6. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 2. М.: Изд-во «Наука», 1967. 439 с.
7. Лаврова Н.С. Аграрные преобразования и развитие села в Кабардино-Балкарии в 20–30-е годы XX века: автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Нальчик: Типография КБГУ, 2004. 23 с.

8. *Месяц С.И.* Население и землепользование Кабарды. Воронеж, 1928. 191 с.
9. *Соблирова З.Х.* Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи в социально-экономической истории Кабардино-Балкарии (1922–1929 гг.): автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Нальчик: Типография КБГУ, 2016. 30 с.
10. *Текуев А.К.* Борьба кабардино-балкарской парторганизации за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. 152 с.
11. *УЦГА АС КБР* – Управление центрального государственного архива Архивной службы КБР.
12. *УЦДНИ АС КБР* – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы КБР.
13. *Христианович В.П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды. Воронеж, 1926. 214 с.

FEATURES OF AGRICULTURAL PRODUCTION ORGANIZATION IN KABARDINO-BALKARIA AT THE BEGINNING OF THE RECONSTRUCTION PERIOD

Karmov Amerbi Khazretovich, Candidate of History, Senior Researcher, Modern History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), karmovamerbi@mail.ru

The article presents a brief historiographical description of the problem under study, which analyzes the degree of study of the topic of agrarian transformations in Kabardino-Balkaria in the period under review.

The analysis of archival and literary sources revealed the main features of the organization of agricultural production in Kabardino-Balkaria at the beginning of the reconstruction of the national economy of the country. These include the unprecedented scale and consequences of the 1921 famine in Kabarda, the 1924 famine, and the extremely harsh methods of the new government's leadership in implementing the Center's policy of agrarian transformation in the region on a socialist basis. In this process, a huge role was played by the committees of mutual peasant assistance (CCOV), which in the conditions of Kabardino-Balkaria, turned into a significant source of funding for new agricultural enterprises: partnerships for joint land cultivation, machine partnerships, machine and tractor stations, etc. through networks of agricultural and other cooperatives established in the region.

Of course, CCAS were created all over the country. The material basis of these committees was membership fees. B. Kalmykov, along with his colleagues, took a different path. He withdrew zakat (sejit) the local clergy have 1/10 of the total grain harvest of agricultural crops and 1/40 of the monetary income, which, according to Sharia, every adult believer deducted in favor of the poor, the sick, widows, orphans, etc. and handed over to the krestkomam. In order to spread this experience in the North Caucasus region, A.I. Mikoyan repeatedly held a meeting, but no region or Republic of the North Caucasus, as well as the USSR, with a Muslim population, followed the «experiment» of B. Kalmykov.

Keywords: Reconstruction, peasant farms, agricultural machinery, cooperatives, TOZ, MTS.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-21-31

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ЭВОЛЮЦИЯ, ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

Тетуев Алим Инзрелович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alim-tetuev@mail.ru

Статья посвящена проблеме эволюции памяти о Великой Отечественной войне в связи с изменениями в общественно-политической жизни страны и международной обстановке. Анализируется состояние историографии изучаемой проблемы, обосновывается ее актуальность. Выявлены основные этапы формирования «официального» исторического нарратива о войне на разных этапах развития страны. Особое внимание уделяется формированию образа Победы в исторической памяти народа. Обобщается опыт образовательных учреждений и институтов гражданского общества в формировании памяти о войне.

Освещается эволюция исторической памяти о Второй мировой войне в России и на Западе в связи распадом СССР и «социалистического лагеря». Раскрываются новые механизмы институционализации национальной памяти о Второй мировой войне в странах Европы. Освещаются особенности восприятия войны и переоценка прошлого в сознании новых поколений народов Прибалтики, Польши и Украины

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, геополитика, фальсификация, опыт, образовательные организации, институты гражданского общества.

За 75-летие, прошедшее после Победы, в мире и стране произошли важные события: распалась мировая система социализма и СССР, трансформировались социально-экономическая и политическая система, общественное сознание и духовные ценности в Российской Федерации. Тем не менее, Великая Отечественная война остается одним из краеугольных камней национальной памяти, символом единения народов Российской Федерации.

Современная память о Великой Отечественной войне представляет собой противоречивую совокупность правдивых и ложных, истинных и искаженных знаний, представлений, образов. С одной стороны, история практически каждой российской семьи тесно связана с историей Великой Отечественной войны, ставшей для народа не только символом и воплощением величия страны, мужества и стойкости людей, но и огромной трагедией, неизмеримыми людским страданием и потерями. С другой, ситуация усугубляется вторжением идеологического компонента, который привносится правящими структурами в соответствии с политическими интересами, целями и задачами трансформации общества. С начала 90-х годов XX века негативное восприятие постсоветской властью всего наследия советского прошлого не могло не отразиться на отношении к Великой Отечественной войне. В погоне за мнимой «новизной» и сенсационностью допускается отход от исторической правды, превратно и односторонне истолковываются факты и события прошлого в угоду субъективным оценкам и конъюнктуре.

В этой связи изучение и осмысление памяти о Великой Отечественной войне в советский и постсоветский период является актуальной проблемой и имеет большое научное и практическое значение. По исследуемой теме опубликованы научные труды. Наибольший интерес по исследуемой теме представляет первый том истории Великой Отечественной войны в 12 томах, где излагаются современные взгляды на основные события войны, рассматриваются попытки пересмотра итогов, проблемы ее осмысления в XXI в. – уроки войны и победы, войны нового поколения [История... 2011]. В сборнике научных трудов «Исторические исследования в России...» раскрываются особенности историографического процесса 2003–2011 гг., влияние новой идеологии на условия и проблемы изучения прошлого» [Исторические... 2011]. Один из авторов сборника Б.В. Соколов утверждает: «...Первый том официальной «Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», вышедший в июне 2011 года, к 70-летию начала войны представляет собой как бы конспект остальных 11 томов, и по нему можно вполне судить об издании в целом. Подавляющее большинство авторов придерживаются основных советских мифов войны. ...Практически тем самым история Великой Отечественной войны рассматривается всего лишь как орудие политической пропаганды. Этот период истории фактически выводится из сферы исторической науки. ...Ведь уважение к традициям предшествующих поколений – это прежде всего уважение к тоталитарным и авторитарным традициям, поскольку иных в истории России и СССР почти не было» [Исторические... 2011: 291].

В совместном российско-германском проекте – «Оболение властью (под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова). Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах» российские авторы оценивают преступления Красной Армии в Германии, сравнивая их с преступлениями вермахта (Г.А. Бордюгов) [Россия... 2010].

В другой книге «История России. XX век» [История... 2009] под редакцией профессора А.Б. Зубова излагается альтернативная история Второй мировой войны. В книге не используется термин Великая Отечественная война, а только – Вторая мировая война и Советско-нацистская война. Советский режим рассматривается как преступный, а его агрессивная политика – одной из причин Второй мировой войны. Публикуются и другие мифы: «Гитлер и Сталин виновны за развязывание войны», «Власов и Каминский были истинными героями России», «Решающую роль в победе сыграл ленд-лиз». По нашему мнению, подобные альтернативные утверждения направлены на формирование у молодежи тенденциозного отношения к прошлому и деконструкцию прежней коллективной исторической памяти о Великой отечественной войне.

В монографии О.Ю. Малиновой [Малинова 2015] освещаются этапы формирования «официального» исторического нарратива. Особое внимание уделяется реинтерпретации двух центральных событий советского периода: Октябрьской революции 1917 г. и победы в Великой Отечественной войне. Автор справедливо отмечает, что нарратив о Великой Победе с течением времени, безусловно, подвергается реинтерпретации, однако ни одна серьезная политическая сила в России не ставит под сомнение значение памяти. Благодаря этому символ Великой Отечественной войны оказался, чуть ли не единственным элементом актуализированного прошлого, способным служить опорой современной российской идентичности – причем вне зависимости от менявшегося подхода к конструированию национального нарратива.

В научных работах А.И. Миллера исследуется проблема институционализации политики памяти в Российской Федерации и политика памяти в посткоммунистической Европе [Миллер 2009; Миллер 2012]. Автор называет «историческую политику» новым явлением, принципиально отличающимся от «политизации истории», т.е. исторического сознания и исторической науки.

В сборнике научных трудов «Методологические вопросы изучения политики памяти» [Методологические... 2018] анализируются вопросы теории и методологии исследования политики памяти, как функционирующей системы взаимодействий и коммуникаций, различных акторов относительно политического использования прошлого.

Анализ литературы показывает, что знания и представления о событиях Великой Отечественной войне формируются посредством различных источников, к которым относятся как имеющие научную основу содержания, так и те, в которых эта тема творчески или идеологически переосмысливается, получает художественное воплощение или мифологизируется. Поэтому в исторической памяти народа тесным образом сплетены научные и обыденные представления об историческом прошлом, сведения, имеющие подтверждение в документальных источниках, и эмоционально окрашенные образы истории, перешедшие в разряд легенд и мифов.

Цель статьи – изучение эволюции исторического нарратива о Великой Отечественной войне в советский и постсоветский период. Задача исследования – раскрыть влияние изменений в общественно-политической жизни страны на историческую политику, опыт сохранения и тенденции памяти о Великой Отечественной войне.

По определению А. Миллера, историческая политика – это особая конфигурация методов, предполагающая «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [Миллер 2012: 19]. «Интерпретируемая таким образом историческая политика оказывается частным случаем политики памяти, которую, – О.Ю. Малинова – предлагает трактовать как деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – и законодательного регулирования» [Малинова 2017: 9].

Таким образом, все три феномена – политическое использование прошлого, политика памяти и историческая политика – могут рассматриваться как проявления символической политики, то есть публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве

Историческая память о Великой Отечественной войне подвергалась трансформации в зависимости от конкретных исторических условий. В ее формировании и трансформации существенную роль играли коллективно разделяемые примеры, которые в основном были продуктом целенаправленной идеологической работы партийных и советских органов власти.

В советский период важнейшие события Великой Отечественной войны, а также имена главных героев вошли в коллективную память как скрепляющее народное единство символы. Победа над фашизмом использовалась официальной пропагандой, и рассматривалась как доказательство прочности, жизнестойкости всех систем социалистического строя, правильности политики модернизации, проводившейся коммунистической партией после Гражданской войны. Впервые в приказе Верховного главнокомандующего от 1 мая 1945 года городами-героями официально были названы Ленинград, Сталинград, Севастополь и Одесса [Приказ... 1945].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 9 мая был объявлен праздником победы [Указ от 8 мая 1945 ...]. 24 июня 1945 г. на Красной площади в Москве состоялся Парад Победы, котором приняли участие представители всех фронтов и родов войск, принимавших участие в войне, К подножью

кремлевских стен были брошены знамена германских соединений, воевавших против СССР.

Вместе с тем ни время, ни другие обстоятельства не позволяли восторгаться победой. Внутреннее положение страны оставалось тяжелым. Громадными были людские потери. Требовалось восстановление разрушенного народного хозяйства и перевод на «мирный лад» экономики и всей жизни страны. Кроме того, трения, взаимные подозрения, плохо скрытые разногласия, сопровождавшие продвижение победоносных армий вглубь Германии, представляли собой не преходящее явление, а первые признаки начавшегося процесса распада антифашистской коалиции. Поэтому на наш взгляд, после 1945 г. день Победы не отмечался парадом на Красной площади. Кроме того, с 1945 по 1948 год 9 мая был нерабочим днем.

Датой окончания Второй мировой войны был установлен 2 сентября – день капитуляции Японии. В честь победы СССР в советско-японской войне 1945 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г. [Указ от 2 сентября 1945 г. ...] «Об объявлении 3 сентября праздником победы над Японией». 16 сентября 1945 г. в г. Харбин, Маньчжурия, Китайская республика прошёл Парад Победы в честь Победы СССР над Японией. Командовал парадом генерал-лейтенант артиллерии К.П. Казаков. Принимал парад дважды Герой Советского Союза генерал-полковник А.П. Белобородов.

Следует отметить, что образовательная политика в системе общего среднего, среднего и высшего профессионального образования была направлена на усвоение учащимися и студентами официальной концепции памяти о Великой Отечественной войне. Так, в 1945 г. была переиздана «История ВКП (б). Краткий курс»*. Этот популярный учебник не только определял с конца 1930-х до середины 1950-х годов содержание преподавания и изучение истории ВКП (б), но и оказывал прямое воздействие в целом на историческую науку и историческую пропаганду в СССР.

В 1947 г. была издана книга И. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» [Сталин... 1947], которая содержала обращения, приказы, доклады, выступления, ответы, отдельные высказывания И. Сталина с 1941 по 1945 гг. Эта книга на долгие годы стала методологической и концептуальной основой изучения истории войны. Оценки различных событий самим Сталиным менялись в зависимости от внутри- и внешнеполитической конъюнктуры, что неизбежно отражалось на историографии. Основой гражданской истории России и учебников для общеобразовательных школ и вузов стали концепция истории ВКП(б) и сборник И. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Так, в учебнике История СССР для 10 класса средней школы [История... 1952] в разделе Великая Отечественная война указывалось: «...Победа Советских вооруженных сил была обеспечена также советским военным искусством и мудрой сталинской стратегией. Советская Армия победила, потому что организатором и вдохновителем освободительной борьбы был вождь народов, величайший стратег и полководец тов. Сталин».

В середине 50-х годов XX века изменение общественно-политической ситуации оказало влияние на практику политического использования памяти о Великой Отечественной войне. В «секретном докладе» Первого секретаря ЦК КПСС, Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности Сталина и его последствиях» были последовательно изложены факты, показывающие формирование «культа личности Сталина» и его проявления. Рассматривая ошибки и просчеты

* История ВКП (б) Краткий курс – учебник по истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), опубликованный в 1938, переиздавался с 1938 по 1956 г. 301 раз. При переизданиях версия истории, представленная в тексте «Краткого курса» менялась, следуя за изменениями в партийной верхушке.

Сталина накануне и в ходе Великой Отечественной войны, Н.С. Хрущев отмечал: «...Единовластие Сталина привело к особо тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны. Если взять многие наши романы, кинофильмы и исторические «исследования», то в них совершенно неправдоподобно изображается вопрос о роли Сталина в Отечественной войне. Обычно рисуется такая схема. Сталин все и вся предвидел. Советская Армия чуть ли не по заранее начертанным Сталиным стратегическим планам проводила тактику так называемой «активной обороны», то есть ту тактику, которая, как известно, допустила немцев до Москвы и Сталинграда. Применяв такую тактику, Советская Армия только-де благодаря гению Сталина перешла в наступление и разгромила врага. Всемирно-историческая победа, одержанная Вооруженными Силами Советской страны, нашим героическим народом, приписывается в романах, кинофильмах и «исследованиях» всецело полководческому гению Сталина» [Доклад ... 1956]. Вместе с тем из анализа доклада следует, что главная вина Сталина состояла в преступлениях против партии, которая стала основной жертвой «культ личности». Это позволяло обойти вопрос о вине партии перед народом, не говоря уж о системе организации власти, в недрах которой зрел и развивался развенчиваемый «культ». Идеологическое сдерживание критики было оформлено в постановлении пленума ЦК от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий», ставшего на последующее 30-летие основой интерпретации проблем становления и оценки Сталина в советской историографии. В постановлении был сделан вывод, что все это, тем не менее, не могло нарушить объективных закономерностей социализма, изменить природу существующего строя. Особо подчеркивалось, что «в деятельности Сталина партия видела две стороны: положительную, которая она ценит и отрицательную, которую она критикует и осуждает» [Правда 1956: 2 июля].

Критика «культа личности», реабилитация репрессированных и решения XX съезда КПСС породили надежды на изменение ситуации в литературе и искусстве. Все эти тенденции сказались и на художественном осмыслении темы войны, которая совершенно по новому прозвучала в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» – о тяжелой дороге через войну и фашистский плен солдата Андрея Соколова, в первой части трилогии К.М. Симонова «Живые и мертвые», в фильмах Г.Н. Чухрая «Баллада о солдате» и М.К. Калатозова «Летят журавли».

В связи с провалом внутренней политики Н.С. Хрущева в первой половине 60-х годов XX в. после оттепели наступил период стабилизации и консервации советского режима. На официальном уровне это проявилось в переоценке личности Сталина и сталинского наследия. Постепенно стали исчезать упоминание о XX съезде КПСС, медленнее пошел процесс реабилитации репрессированных. Усилился идеологический пресс в научной жизни, отразившихся на общественных науках, теснее связанных с идеологией. Критике подвергались все попытки выйти за рамки общепринятых догм в политэкономии, социологии и истории.

Вместе с тем партийные и государственные органы продолжили практику политического использования памяти Великой Отечественной войны. 8 мая 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено «Положение о почетном звании «Город-Герой». В этот же день вышло семь указов, в соответствии с которыми Ленинграду и Киеву вручалась медаль «Золотая Звезда», Волгограду (бывшему Сталинграду), Севастополю и Одессе – медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина, а Москве и Брестской крепости впервые присваивалось звание «Город-Герой» и «Крепость-Герой» соответственно с вручением медали «Золотая Звезда» и ордена Ленина. Позже 14 сентября 1973 г. звание «Город-Герой» было присвоено Керчи, Новороссийску, 26 июня 1974 г. – Минску, 7 декабря 1976 г. – Туле, 6 мая 1985 г. – Мурманску и Смоленску [Города-герои].

18 июля 1980 года формулировка «Положения...» была изменена: в нем стало говориться не о почетном звании, а о высшей степени отличия – звании «Город-Герой» [Положение... 1980].

В целях сохранения памяти о войне Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2006 года было утверждено Положение о почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы». За мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города, в борьбе за свободу и независимость Отечества почетное звание «Город воинской славы» было присвоено 45 городам Российской Федерации, в том числе г. Нальчику (25 марта 2010 г.).

Знаковым моментом в этом смысле стало празднование 20-летия Победы 9 мая 1965 г. Тогда был проведен парад Победы (первый после парада 1945 г.) и началось формирование нарратива о Победе. Празднику был придан официальный характер и торжественный статус, учреждена специальная юбилейная медаль, прошло торжественное заседание. В докладе Л.И. Брежнева впервые после XX съезда КПСС было сказано о вкладе Сталина в победу над фашистской Германией [Брежнев 1965]. Одновременно с восстановлением празднования произошла его «формализация», выразившаяся, в том числе в кампании «Никто не забыт! Ничто не забыто!». В результате праздник принял знакомую старшему поколению форму, где акцент был смещен на коллективную, а не индивидуальную память о войне. Приблизительно тогда же произошло крайне важное смысловое оформление – праздник приобрел антимилиитаристский характер. Цена, заплаченная за Победу, осмыслялась как невозможно высокая, и, следовательно, было необходимо сделать все возможное для предотвращения ее повторения. Наиболее емким выражением этой позиции стал лозунг: «Лишь бы не было войны».

Память о героизме советских воинов в годы Великой Отечественной войны увековечена многими мемориальными сооружениями, в том числе могилами Неизвестного солдата в ряде городов страны. 8 мая 1967 г. в Москве у Кремлевской стены на могиле Неизвестного солдата был открыт мемориальный архитектурный ансамбль «Могилы Неизвестного солдата» и зажжен Вечный огонь славы. На гранитной плите надгробия начертано: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен». Слева от надгробия – стена из малинового кварцита с надписью: «Павшим за Родину. 1941–1945». Справа – гранитная аллея, где расположены блоки из темно-красного порфира с замурованными в них капсулами с землей городов-героев.

Появившаяся монументальность вкупе с общим «застойным» характером позднесоветского общества привела к трансформации идеи о Победе в некую фоновую часть культуры, за счет падения актуальности памяти о войне для рядового гражданина. Следует отметить и роль кинематографа в формировании нарратива, тогда акцент был смещен с «окопной правды рядового бойца» на масштабные эпикей, такие как «Блокада» (1973–1977), «Горячий снег» (1972), «Освобождение» (1968–1972).

В 1964–1970 гг. был издан обобщающий труд «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг.» (в 6-ти томах). В первой книге 5 тома [История... 1970] получили отражение и вопросы войны, однако это во многом сводилось к более подробному описанию событий и явлений в рамках официальной концепции. Пересмотр коснулся лишь тех из них, которые были связаны с развенчанием «культы личности Сталина», в основе которого находился показ различных ошибок Сталина и данные о репрессиях второй половины 30-х годов.

В учебниках для общеобразовательных школ и профессиональных учебных заведений в соответствии с официальной концепцией Великой Отечественной войны большое внимание уделялось основным событиям и факторам победы в войне. Так, во второй главе учебника для 10 класса в параграфе «Источники и всемирно-

историческое значение победы Советского Союза в Великой Отечественной войне» отмечалось: «...Источники силы советского народа заложены в самой природе социалистического общественного и государственного строя, в его великих преимуществах перед капиталистическим строем... Итоги Великой Отечественной войны Советского Союза убедительнейшим образом показали, что в мире нет таких сил, которые смогли бы сокрушить социализм, поставить на колени народ, верный идеям марксизма-ленинизма, преданный социалистической Родине, сплоченный вокруг ленинской партии ...» [История... 1982].

Анализ учебников советского периода показал, что память о Великой Отечественной войне был важным инструментом патриотического воспитания подрастающего поколения.

В апреле 1985 г. на очередном Пленуме ЦК КПСС была провозглашена новая политика модернизации социализма: гласность, ускорение, перестройка. Стержнем горбачевских преобразований являлось переосмысление исторического опыта. Гласность обнажила все противоречия советского общества. Основная дискуссия сводилась к проблемам сталинизма, репрессий, советской политической истории, выбор исторического пути, историческая альтернатива и др.

Экономические и политические реформы в стране привели в декабре 1991 г. к социально-экономическому кризису распаду СССР и образованию 15 независимых суверенных государств.

Изменения общественно-политической жизни в Российской Федерации оказали влияние на коллективную память о Великой Отечественной войне. Руководители государственных органов власти победу в войне представляли как подвиг народа, а не коммунистической партии и советского государства. При этом отмечалось, что сталинские репрессии привели к страданиям народа, оказавшегося жертвой не только жестокого врага, но и бесчеловечного режима. Указом Б.Н. Ельцина от 8 июня 1996 г. введена новая памятная дата 22 июня – День памяти и скорби.

Изменились и формы празднования дня Победы. Последний советский парад состоялся 9 мая 1990 г., в ознаменование 45-й годовщины Победы. В 1993 и 1994 гг. торжества по случаю Дня Победы проходили на Поклонной горе. С 1995 г возобновились парады Победы на Красной площади, теперь уже на ежегодной основе. Начиная с 2008 г. парад снова начали проводиться с участием боевой техники. Основной каркас повествования Победы остался неизменным: Великая Отечественная как особая часть Второй мировой войны, в котором народы СССР разгромили фашистскую Германию и ее союзников. Однако в осмысление произошедшего внесены некоторые нюансы. Так, делается акцент на многонациональном характере Победы – подчеркивается важность вклада всех народов СССР (а, следовательно, и РФ).

Внесены изменения и в дату окончания Второй мировой войны. Президент России В.В. Путин 24.04.2020 г. подписал Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 1 и 11 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» [Федеральный... 2020]. Согласно закону устанавливается новый день воинской славы России – 3 сентября*. Инициаторы нововведения объясняли, что стремятся сохранить историческую справедливость в отношении победителей**.

Кроме того, появились и новые формы коммеморативной практики – празднование юбилеев присвоения звания «Город воинской славы». Так, местная

* 2 сентября – день подписала Акта о капитуляции Японии – в Российской Федерации отмечался как «День окончания Второй мировой войны (1945 год)». Эта памятная дата установлена Федеральным законом от 23 июля 2010 г. «О внесении изменений в статью 1 (1) Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России».

** Согласно Федеральному закону «О днях воинской славы и памятных датах России 3 сентября считается памятной датой и отмечается как День солидарности в борьбе с терроризмом. В этот день 2004 г. в школе № 1 в Беслане при теракте погибли 333 человека.

администрация городского округа Нальчик КБР приняла специальное постановление «О подготовке и проведении праздничных мероприятий, посвященных 10-летию присвоения городу Нальчику почетного звания «Город воинской славы» от 16 марта 2020 года [Постановление... 2020].

По инициативе депутатов Прибалтийских республик 24 декабря 1989 г. Съезд народных депутатов СССР обсудил вопрос «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении» от 23 августа 1939 г. В пункте 7 постановления отмечалось: «Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания. Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств» [О политической... 1989; Швед 2015]. При этом следует отметить, что вопрос о существовании «секретных протоколов», о тайне их создания и хранения по сей день вызывает дискуссии в отечественной историографии [Кунгуров 2009: 154; Маслов, Демина 2012: 51–64].

Вывод советских войск с территории Центральной Европы привел к резкому изменению политической ситуации. В 1989–1991 гг. к власти почти во всех странах «социалистического содружества» на волне усиления антисоветских настроений пришла оппозиция. В этих странах мирным путем произошли так называемые «бархатные революции», которые ориентировались на Запад. В результате Советский Союз потерял своих традиционных стратегических партнеров. Бывшие социалистические страны изменили социально-экономическое, политическое устройство и коллективную память о Великой Отечественной войне как составной части Второй мировой войны. Прежде всего, осуществляется фальсификация освободительной миссии Красной Армии. Само понятие «освобождение от фашизма» подменяется «советской оккупацией» стран Восточной Европы и насаждением там «тоталитарных режимов». Эти тенденции проявляются на территории стран бывшего «социалистического содружества и в некоторых бывших советских республиках. Так, исследователь А.Б. Быков отмечает, что в прибалтийских странах, с одной стороны, наблюдается попытка героизации сотрудничавших с нацистами, с другой – почитается подвиг советских солдат. Весьма сложной является ситуация на Украине. Долгое время одним из направлений политики памяти являлось внедрение в общественное сознание образа Организации украинских националистов (ОУН) и дивизии СС «Галиция» как патриотов, боровшихся за украинское государство [Быков 2016: 69]. При этом значительная часть общества продолжает рассматривать Великую Отечественную войну как совместную борьбу народов СССР против агрессии нацистской Германии. Предпринимаются и попытки примирить обе части украинского общества. Различные политические силы используют символику, ассоциации, связанные с Великой Отечественной войной. К примеру, во время вооруженного противостояния в Киеве (2014 г.) обе стороны прибегали к подобным приемам. М.Ю. Рябчук, осмысливая эти события, пишет, что 24 августа 2014 г. в Киеве прошел военный парад в честь Дня независимости Украины. При этом объявлялось, что войска после парада отправятся для участия в военной операции на юго-востоке Украины. Очень похоже на использование аналогии с парадом в Москве 7 ноября 1941 г. Одновременно с другой стороны конфликта, в Донецке, провели по городу взятых в плен военнослужащих украинской армии – явная отсылка к прохождению по Москве немецких военнопленных 17 июля 1944 г. Странники Донецкой и Луганской народных республик использовали в качестве знака Георгиевские ленточки [Рябчук 2007].

Анализируя причины подобной ситуации, Е.С. Сеньявская считает, что попытки изменить традиционную советскую картину войны, инспирированы извне и являются частью психологической и информационной войны, имеющей целью отнять у народа память о великих героических свершениях предков [Сеньявская, Сеньявский 2009: 299–310]. При этом Е.С. Сеньявская подкрепляет это положение соответствующей аргументацией «...Историческая память – основа национального самосознания, которое имеет решающее влияние на развитие страны, жизнеспособность народа и государства, особенно в условиях тяжелых национально-государственных кризисов. Травмированное и дезориентированное массовое сознание, в том числе в отношении исторического прошлого своей страны, – один из сильнейших факторов подрыва национальной безопасности, способных привести к катастрофе» [Сеньявская 2015: 394].

Исследуя политику памяти, исследователи А.И. Миллер и А.Б. Быков выделяют новые механизмы институционализации национальной памяти. Так, в качестве ее инструментов в ряде стран были созданы и функционируют специальные организации, поддерживаемые государством или имеющие статус государственных учреждений. А.И. Миллер подчеркивает, что в Эстонии (1993 г.) создана Государственная комиссия по расследованию репрессивной политики оккупационных сил, перед которой была поставлена задача подготовить «Белую книгу о потерях, принесенных народу Эстонии оккупациями в период 1940–1991 гг.»; в Польше действует Институт национальной памяти; в Латвии при президенте была создана Комиссия историков; в Литве – «Центр геноцида и резистенции» (на правах департамента при Кабинете министров); в Украине создан Украинский институт национальной памяти [Миллер 2009: 11, 12]. Исходя из этого можно утверждать, что одним из направлений «политики памяти» становится формирование новых образов истории, обслуживающих те или иные политические задачи. Вместе с тем придание подобным структурам статуса государственных учреждений, активная поддержка и продвижение на официальном государственном уровне определенных исторических доктрин позволяет говорить о них как о проводниках исторической политики государства.

Другим направлением использования истории войны в политических целях является проведение тезиса о равной ответственности за развязывание Второй мировой войны Германии и Советского Союза. Для обоснования этого мифа в массовое сознание внедряется идея о «сговоре диктаторов» как причине начала войны. Под этим сговором понимается заключение договора о ненападении между Германией и СССР в 1939 г., пакта Молотова – Риббентропа, и секретного протокола к нему. При этом они полностью игнорируют Мюнхенский сговор 1938 года, хотя попустительство Англии и Франции разделу Чехословакии в сентябре 1938 года напрямую связано с соглашением между Германией и СССР в августе 1939 года.

Тем не менее в 2008 г. Европейский парламент предложил отмечать 23 августа, в годовщину подписания договора о ненападении между Германией и СССР (пакта Молотова-Риббентропа), День памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов [Быков 2016: 68, 70]. В данном случае привлекает внимание выбор исторического мотива, тем самым однозначно и безапелляционно возлагается вина за начало Второй мировой войны на Германию и СССР, умалчивая о роли политики других стран.

При реализации исторической политики таких стран, как Польша, Латвия, Литва, Эстония, используется тезис об оккупации их территорий Советским Союзом во время Второй мировой войны. Подобная постановка вопроса позволяет реабилитировать националистические силы, в период войны, сотрудничавшие с нацистами (легионеры ВЭФ- фен СС в Прибалтике) либо воевавшие как против немецких войск, так и против Красной армии (Армия Кракова в Польше). Тезис

об оккупации призван обосновать также требования компенсаций за причиненный ущерб, иные претензии к Российской Федерации как правопреемнику СССР. Например, Антония Зунда и Илгвар Бутулис в книге посвященной истории Латвии, героизируют так называемых национальных партизан или «лесных братьев», говоря, что они боролись с советскими активистами и силами органов безопасности [Бутулис, Зунда 2010: 160–163].

Такое же положение в Эстонии, где бывшие легионеры находят поддержку государственных органов власти. Об этом свидетельствуют следующие факты. В ночь на 9 мая в центре Таллина был осквернен монумент советскому воину-освободителю, а накануне мэрия города запретила ветеранам Великой Отечественной войны зажигать в День Победы у этого памятника вечный огонь. Два года спустя, 27 апреля 2007 г. по решению правительства Эстонии памятник «Бронзовому солдату» был разобран и перенесен из центра города на военное кладбище Таллина. Демонтаж монумента и снос мемориальной стены повлекли за собой массовые волнения в Таллине и других городах Эстонии [«Бронзовый солдат»]. По инициативе горожан 30 апреля 2020 г. на столичном Военном кладбище, где с 1944 по 1992 гг. было захоронено около 1200 советских солдат и моряков, была завершена реставрация и открытие памятника Воину-освободителю Таллина от немецко-фашистских захватчиков, известного в народе как «Бронзовый солдат».

После распада Советского Союза изменилась идеология в Российской Федерации. Развитие рыночных отношений и многопартийной системы потребовало изменений и в сфере образования. В системе образования России произошли ряд структурных и функциональных изменений. Правовые основы образования в РФ закреплены в Конституции РФ (статья 43), федеральных законах РФ и от 29 июня 1992 г. (в редакции от 13.01.96 г.) «Об образовании», от 22 августа 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Указанные нормативные документы устанавливают: автономию учебных заведений, особенно профессионального образования; широкие академические свободы в реализации образовательных программ общего образования (лицеи, гимназии и образовательные центры), которые позволяют лучше учитывать разнообразие познавательных интересов учащихся и шире внедрять личностно-ориентированные технологии обучения и воспитания; до 25% учебного плана теперь составляет время на предметы регионального и школьного компонентов и др.

Складывающаяся вариативность обеспечивается многообразием учебной литературы. Были подготовлены десятки учебников по Отечественной истории на основе новых образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования. В условиях плюрализма изложения исторического материала учитель истории, соблюдая образовательный стандарт, должен был отвечать за выбор учебника. Вместе с тем на практике учителя допускали субъективизм. Кроме того, отсутствовали документы концептуального характера, призванные регулировать историческое образование в стране и четкого определения места и роли региональной истории в учебно-воспитательном процессе. В этой связи Центр политической информации опубликовал доклад «Проблемы преподавания истории в российских учебных заведениях. В нем были вскрыты комплекс проблем: организация преподавания истории в российских учебных заведениях, экспертиза, отбор и распространение учебных пособий, содержание учебных пособий. В докладе отмечалось: «Серьезную обеспокоенность вызывает освещение в современной учебной литературе периода Великой Отечественной войны. Результаты анализа содержания учебников свидетельствуют о том, что многие отечественные авторы движутся в фарватере современной информационно-пропагандистской политики Запада, направленной на занижение вклада СССР в победу над нацистской Германией, дегероизацию красноармейцев и тружеников

тыла, а также представление нашей страны агрессором, а не жертвой нападения» [О проблемах... 2014]. Указывалось также, что учебники и учебные пособия по региональной истории, нередко содержат тенденциозное изложение исторических событий, в том числе по Великой Отечественной войне. В рекомендациях доклада подчеркивалось, что одной из ключевых современных проблем России в сфере национального строительства является подготовка нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, напрямую влияющего на конструирование новой среды обитания, на формирование мировоззрения будущих поколений российских граждан – патриотов своего Отечества.

Историческая память о войне подверглась атакам не только извне, но и внутри страны. Некоторые либеральные российские историки, проводя свои исследования за счет зарубежных грантов и прикрываясь плюрализмом мнений при изложении «белых пятен» истории страны, фальсифицировали память о Великой Отечественной войне, считая, что разрушение исторической памяти является необходимым условием разрушения «тоталитарного режима» и его идеологии. При этом они смыкались с внешними критиками России, которые руководствуются геополитическими интересами.

В этой связи государственные органы власти принимали меры по институционализации политики памяти в России. В мае 2009 г. Указом Президента РФ была создана «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при Президенте РФ», которая ввиду неэффективности в феврале 2012 г. была ликвидирована. В дальнейшем вместо указанной комиссии, в целях изучения и популяризации военной истории России, а также сохранения объектов военно-исторического культурного наследия Указом президента РФ в 2012 г. было создано «Российское военно-историческое общество». В том же году учреждено «Российское историческое общество», деятельность которого направлена на изучение, освещение и популяризацию отечественной и мировой истории, сохранение национальной памяти. Кроме того, 5 мая 2014 г. в Уголовный Кодекс РФ была введена новая «статья 354.1 Реабилитация нацизма». Статья предусматривает уголовную ответственность за реабилитацию нацизма, т.е. распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», а также за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично [Уголовный кодекс... 2020].

Особое внимание уделяется образовательной политике. На заседании Совета по межнациональным отношениям 19 февраля 2013 года Президент России В.В. Путин предложил создать единый учебник по истории России для школ [Заседание Совета... 2013]. При этом он пояснил, что такой учебник должен давать однозначные толкования исторических событий и должен быть построен в рамках единой концепции. Идея такого учебника нашла поддержку у основного большинства участников Совета. Однако в результате проведенных дискуссий среди исторического сообщества, был скорректирован и речь теперь шла не о едином учебнике, а о едином стандарте и проведении конкурса написанных в соответствии с ним учебников.

Для реализации указанного предложения историческим сообществом был разработан Историко-культурный стандарт. Затем 30 октября 2013 г. на расширенном заседании Совета Российского исторического общества была утверждена Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, основанная на историко-культурном стандарте (далее – ИКС). На основе ИКС была начата работа по подготовке нового поколения учебников на конкурсной

основе. В настоящее время Министерство просвещения РФ ежегодно проводит организацию экспертизы и издание учебников, прошедших конкурсный отбор, а затем министерство утверждает федеральный перечень учебников на учебный год, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования.

Значительную работу по сохранению памяти о Великой Отечественной войне проводят институты гражданского общества. Так, в марте 2005 г. журналисты «РИА Новости» выступили с инициативой о проведении акции «Георгиевская ленточки». Инициативу поддержали Правительство Москвы и общественная организация «Студенческая община». В честь 60-летия празднования победы в Великой Отечественной войне волонтеры раздавали Георгиевские ленточки жителям городов России. Акция стала поистине фактором, объединяющим людей разного возраста социального статуса, имеющих общую историю.

Акция ежегодно проводится с 23 апреля по 9 мая более чем в 90 странах мира силами тысяч Волонтеров Победы при координации Роспатриотцентра и информационной поддержке Международного информационного агентства «Россия сегодня».

Главные лозунги акции – «Победа деда – моя победа!», «Повяжи, если помнишь!», «Я помню! Я горжусь», «Мы – наследники Великой Победы!», «Спасибо деду за Победу!» и другие [«Георгиевская ленточка»]. Активисты акции «Георгиевская ленточка» – представители молодежи, студенты, школьники, волонтеры. Важным условием проведения акции является то, что ленточки раздаются бесплатно. С ростом масштабов акции появилось все больше партнеров, оказывающих поддержку данной общественной инициативе.

Городские власти, частные компании и предприятия, средства массовой информации оказывают посильную поддержку в организации и проведении акции, как в столице, так и в городах России и мира: спонсируют изготовление ленточек, их доставку, координацию деятельности пунктов раздачи, освещение акции в СМИ.

Память о Великой Отечественной войне органично входит в национальное самосознание россиян как совокупность отдельных фактов личных биографий, судеб. В целях сохранения в семье личной памяти о поколении Великой Отечественной войны 2011 г. в г Томске по инициативе журналистов Сергея Лапенкова, Сергея Колотовкина и Игоря Дмитрова было создано движение «Бессмертный полк». День 9 мая 2012 г. и стал датой рождения движения в его современном виде: тогда по призыву инициаторов проекта по улицам Томска прошла колонна жителей города, которые несли в руках плакаты с фотопортретами своих родственников, воевавших в Великой Отечественной войне. В акции, получившей название «Бессмертный полк», приняло участие более шести тысяч человек, которые несли более двух тысяч портретов участников войны. Впоследствии это движение стало Всероссийским и международным. Для решения главной задачи – сохранения в семье личной памяти о поколении Великой Отечественной войны создан сайт «Бессмертного полка». В 2016 г. создан Межрегиональный Центр поисковой работы Бессмертного полка для оказания помощи людям, самостоятельно устанавливать судьбы своих близких, пропавших без вести, погибших во время Великой Отечественной войны, их боевой путь [Бессмертный полк].

В день празднования 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в России прошла беспрецедентная по своим масштабам акция «Бессмертный полк». Она стала народной частью Парада Победы и объединила в своих рядах более 12 миллионов человек. Самое крупное шествие, собравшее более 500 тысяч человек, прошло в российской столице – Москве [«Бессмертный

полк)]. Колонну «Бессмертного полка» возглавил Президент РФ В.В. Путин, который нес в руках портрет своего отца-фронтовика. Президент отметил, что «ценность этой инициативы в том, что она родилась не в кабинетах, не в административных структурах, а в сердцах наших людей. Она показывает уважение, которое люди испытывают к старшему поколению» [Президент РФ]. Бессмертный полк прошел в Тюмени, Санкт-Петербурге, Калининграде, Владимире, Грозном, Владивостоке, Южно-Сахалинске, Ставрополе, Севастополе, всего в 1200 городах. Более 40 тысяч жителей Кабардино-Балкарии вместе с главой КБР Юрием Кокковым прошли 9 мая 2015 г. маршем от площади 400-летия присоединения Кабардино-Балкарии к России до площади Согласия. Акции этого движения в настоящее время охватывает более 80 государств и территорий [История «Бессмертного полка»; Глава КБР].

В 2020 г. из-за пандемии коронавируса акции, посвященные 75-й годовщине победы в Великой Отечественной войне, проходили в онлайн-формате. Для этого в течение нескольких недель был создан ресурс, способный принять огромный поток информации и организовать трансляцию многочасового видеоряда основных акций: «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка», «Лица Победы», «Флаги России», общероссийское исполнение песни «День Победы», «Окна Победы», «Свет Победы», «Песни Победы», «Сад Памяти».

Акция «Бессмертный полк» демонстрирует добровольность и всенародность, объединяет всех граждан и их предков – героев вне зависимости от социально-экономического положения, а также заслуг последних в прошлом. Такая постановка проведения шествия способствует основному символическому назначению праздника 9 Мая как события, в котором родилась современная российская нация. В совокупности все это подтверждает, что к победе причастны люди всего мира и все они разделяют выбранную историческую интерпретацию. Движение «Бессмертный полк» позволяет установить и сохранить связь новых поколений с погибшими в годы войны, что также продлевает актуальность Дня Победы.

Героические страницы Великой Отечественной войны обладают огромной притягательной силой. Ратные подвиги наших соотечественников на фронте, их доблестный труд в тылу широко отражены в научной, мемуарной, художественной литературе, в театральных постановках, кинофильмах, живописи, музыке, скульптуре. Сравнительная близость событий Великой Отечественной войны, обилие доступной для школьников литературы, возможность встречи с участниками событий вносят в работу значительно больший элемент поиска и самостоятельного исследования. В школе № 6 г. Нальчик проводятся встречи с участниками войны, используются краеведческие материалы на уроках истории и во внеурочное время, демонстрируются на школьных выставках и при оформлении экспозиций. В результате у учащихся возрастает интерес к предмету, повышаются чувства ответственности и гражданского долга.

По результатам многочисленных социологических опросов большинство россиян считают Великую Отечественную войну наиболее выдающимся и трагическим событием XX в. Победа советского народа в этой войне занимает первое место в перечне тех исторических событий, которые вызывают гордость у современных россиян, независимо от их возраста, социального положения, национальности и др.

Каждое поколение по-своему оценивает важнейшие события в истории своей страны. Нынешняя российская молодежь формируется в новых условиях: с одной стороны уходит поколение участников или свидетелей этих событий, с другой, – растет число фальсификаций истории Великой Отечественной войны. В данном контексте исследование отношения учащейся молодежи к Великой От-

ечественной войне становится особенно актуальным. Социологический опрос, проведенный нами в 2019 г. среди учащихся 10–11 классах школы № 6 г. Нальчика, показал следующие результаты. Для большинства респондентов (42%) победа в Великой Отечественной войне «событие в истории моей Родины которое вызывает гордость». Каждый третий опрошенный (31%) выбрал вариант ответа «Историческое событие, уроки которого важны для современного мира». Показательным является тот факт, что вариант ответа «Просто исторический факт» не выбрал ни один человек. Отвечая на вопрос «Почему война 1941–1945 гг. называется Великой Отечественной?», 57% респондентов выбрали вариант ответа – «Потому что это была великая борьба за Победу, за независимость и свободу нашей Родины», 27% – «Потому что от этой победы зависела жизнь всех последующих поколений России».

Анализ ответов респондентов на блок открытых вопросов о знании фактов истории Великой Отечественной войны, позволяет утверждать, что самооценка степени своей осведомленности респондентами значительно завышена. Каждый восьмой не смог или не захотел отвечать на вопросы о решающих сражениях Великой Отечественной войны, наиболее важных фигурах, городах-героях. В числе решающих сражений Великой Отечественной войны более половины опрошенных назвали блокаду Ленинграда, Сталинградскую битву, Курскую дугу, битву за Москву. В единичных случаях были указаны Битва за Кавказ (назвали три человека), Брестская крепость, Смоленское сражение. Наиболее значимой фигурой Великой Отечественной войны большинство участников опроса (75 %) назвали маршала Г. Жукова. 14% респондентов назвали И. Сталина, в единичных случаях были названы К. Рокоссовский, И. Конев, А. Василевский.

На вопрос, «Какие события, факты войны 1941–1945 гг. вызывают у вас чувства горечи и боли?» 95 % учащихся ответили – «Людские потери». Главными результатами Великой Отечественной войны, по мнению респондентов, стали: «возможность жить под мирным небом и свободной стране» «победа над фашизмом», «гордость за Родину».

Главными уроками Великой Отечественной войны респонденты называют: «война – самое страшное, что может быть», «война это большие потери и горе, колоссальные разрушения», «главную роль в победе сыграло мужество и объединение всех народов станы против общего врага», «необходимо помнить о великом подвиге и о тех, кто завоевал победу».

Анализ ответов на вопрос об основных источниках информации позволяет построить следующий ранжированный ряд: Основные источники информации о Великой Отечественной войне:

1. Уроки истории в школе (52%).
2. Художественная литература и фильмы прошлых лет (51%).
3. Рассказы участников войны (40%).
4. Средства массовой информации (22%).
5. Рассказы близких родственников (19%).
6. Современные фильмы и художественная литература (19%).

Соотношение ответов о знании фактов с ответами об источниках информации, можно сделать вывод о том, что вопросам Великой Отечественной войны в курсе истории следует уделять больше внимания. На необходимость углубленного изучения истории Великой Отечественной войны, разработки и внедрения в учебный процесс специальных курсов, как способов информирования молодого поколения о Великой Отечественной войне, указывают и сами респонденты. Важность учебного материала как основного источника информирования молодого поколения возрастает в силу того, что у половины опрошенных нет родственников – участников Великой Отечественной войны, общение с которыми

дает наиболее ценную в силу своей личностной и эмоциональной окрашенности информацию.

Обобщая ответы на вопрос о том, что необходимо делать для того, чтобы новые поколения помнили о войне, можно сформулировать наиболее распространенный вариант ответа: регулярно, больше и чаще информировать о различных сторонах Великой Отечественной войны через СМИ, телевидение, художественные и документальные фильмы.

Следующая группа вопросов была направлена на выяснение социальных установок учащихся на защиту Отечества. Анализ ответов на вопрос: «Что Вы делаете, чтобы быть достойным наследником Великой Победы?». Ответы на этот вопрос распределились следующим образом: «Участвую в различных патриотических акциях («георгиевская ленточка», «вахты памяти»), помощь ветеранам, уход за памятниками, возложение цветов) – 25%. «Смотрю тематические передачи и обсуждаю их с друзьями» – 22%. «Являюсь активным участником молодежной патриотической (военно-патриотической) организации – 19%, «Готовлю себя к службе в армии» – 11%. «Изучаю историю своей семьи, родных и близких» – 11%. «Участвую в научных конференциях, семинарах» – 9%. «Изучаю тематическую литературу» – 6%. «Ничего не делаю» – 5%.

Результаты проведенного социологического опроса позволяют сделать вывод, что учащимся интересна данная тематика, что они готовы участвовать в различных формах гражданско-патриотической работы, но собственную инициативу при этом не проявляют. Большинство участников опроса имеют патриотическую социальную установку защищать свое Отечество от врагов. На вопрос «Как Вы считаете, что определяет готовность россиян к защите Родины?» Респонденты ответили следующим образом: «Любовь к Отечеству» – 40%, «Стремление защищать родных и близких» – 33%, «Готовность пожертвовать своими интересами во имя интересов страны» – 12% [Справка... 2019].

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что победа в Великой Отечественной войне остается тем историческим событием, результаты и уроки которого несут в себе большой потенциал патриотического воспитания современной молодежи. Молодежь понимает важность этого события и хочет знать о нем. Необходимым является поиск оптимальных в современных условиях форм изучения истории Великой Отечественной войны.

Вместе с тем в условиях геополитической конкуренции и проведения информационных кампаний по фальсификации истории Великой Отечественной войны существует опасность забвения и искажения памяти о войне и стоящей за ней исторической правды.

Источники и литература

1. «Бессмертный полк» [Электронный ресурс]. URL <http://moypolk.ru/> (дата обращения: 24.10.2019).
2. «Бронзовый солдат» – <http://ru.wikipedia.org/wik> (дата обращения: 2.03.2020).
3. «Георгиевская ленточка» [Электронный ресурс]. URL: [http:// about/history](http://about/history) (дата обращения: 23.03.2020).
4. *Брежнев Л.И.* Великая Победа советского народа [Текст]: доклад на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 20-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. 8 мая 1965 г. М.: Политиздат, 1965. 48 с.
5. *Бутулис И., Зунда А.* История Латвии. Рига, 2010. 240 с.
6. *Быков А.Б.* Историческая память о Великой Отечественной войне и современная политика // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 2 (10). С. 66–70.
7. Глава КБР [Электронный ресурс]. URL: <http://glava.kbr.ru/> (дата обращения: 23.03.2020).

8. «Города-Герои» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wikipedia.org/> (дата обращения: 20.03.2020).
9. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС, Н.С. Хрущева XX съезде КПСС «О культуре личности Сталина и его последствиях» 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. С. 128–170.
10. Заседание Совета по межнациональным отношениям 19 февраля 2013 года [Электронный ресурс]. URL: [http://www.kremlin.ru/events/president/news // 17536](http://www.kremlin.ru/events/president/news/17536) (дата обращения: 29.03.2020).
11. Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО–XXI, 2011. 584 с.
12. История Великой Отечественной войны в двенадцати томах 1941–1945 годов. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. 848 с.
13. История СССР. Учебник для 10 класса средней школы / под ред. А.М. Панкратовой. М.: Учпедгиз. 1952. 424 с.
14. История Коммунистической партии Советского Союза [Текст]: В 6 т. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Глав. ред.: П.Н. Поспелов (пред.) [и др.]. М.: Политиздат, 1964. Т. 5: Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938–1959 гг. Кн. 1: 1938–1945 гг. (1970 г.). 723 с.
15. История СССР (1938–1978 гг.): Учебник для 10-го кл. [П.И. Потемкин, В.М. Балев, И.Б. Берхин, М.П. Ким] / под ред. М.П. Кима. 11-е изд. М.: Просвещение, 1982. 255 с.
16. История России. XX век / отв. ред. А. Зубов. М.: АСТ, 2009. В 2-х тт. Т. I. 1894–1939 гг. 1024 с.; Т. II. 1939–2007 гг. 848 с.
17. Кунгуров А.А. Секретные протоколы, или Кто подделал пакт Молотова – Риббентропа. М.: Алгоритм: Эксмо, 2009. 628 с.
18. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87). С. 6–22.
19. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
20. Маслов Д.В., Демина О.В. Дискуссии по проблеме «секретных протоколов» к советско-германскому договору о ненападении 1939 г. // Сервис в России и за рубежом. 21012. № 5 (32). С. 51–64.
21. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сборник научных трудов / отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.: СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.
22. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra 2009 май – август. Т. 13. С. 6–23.
23. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // В сборнике: Историческая политика в XXI веке Сер. «Библиотека журнала Неприкосновенный запас» / под ред.: А. Миллера, М. Липмана. М., 2012. С. 7–32.
24. О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года (постановление Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик 24 декабря 1989 г.) // Правда. 28 декабря 1989 г.
25. О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях М.: Центр политической информации, 2014. 26 с.
26. Положение о высшей степени отличия звании «Город-Герой» (с изменениями и дополнениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18.07.1980) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 30. Ст. 613.
27. Постановление ЦК КПСС « О культуре личности Сталина и его последствиях» от 30 июня 1956 г. // Правда. 1956. 2 июля.
28. Постановление местная администрация городского округа Нальчик КБР «О подготовке и проведении праздничных мероприятий, посвященных 10-летию присвоения городу Нальчику почетного звания «Город воинской славы» от 16 марта 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/570715848> (дата обращения: 23.03.2019).
29. Президент РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president> <http://URL://www.kremlin.ru/events/president/news/> (дата обращения: 20.03.2020).

30. Приказ Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1945 года. № 20 // Сталин И.В. Сочинения. М.: «Писатель», 1997. Т. 15. С. 218–221.
31. Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Т. 1. Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах / под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. М.: АИРО–XXI, 2010. 1024 с.
32. *Рябчук М.Ю.* Культура памяти и политика забвения // Отечественные записки. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/kultura-pamyati-i-politika-zabveniya> (дата обращения: 05.04.2020).
33. *Сенявская Е.С.* Освободительная миссия Красной Армии в контексте информационной войны // В сборнике: Войны и военные конфликты в истории России: к 70-летию Великой Победы // Материалы XIX Всероссийской научно-теоретической конференции. Ответственные редакторы: В.М. Козьменко, В.В. Керов. 2015. С. 394–401.
34. *Сенявская Е.С., Сенявский А.С.* Поле боя – историческая память. Военная история России XX века в контексте психологической войны и современной геополитики // Журнал российских и восточноевропейских исследований, 2010. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 299–310.
35. Справка об итогах социологического опроса учащихся X–XI кл. МКОУ СОШ № 6 г. Нальчика по вопросам отношения учащихся к Великой Отечественной войне (октябрь 2019 г.).
36. *Сталин И.* Сборник «И. Сталин. О Великой Отечественной Войне Советского Союза». М.: Географгиз, Государственное издательство политической литературы, 1947. 207 с.
37. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.04.2020) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 3.04.2020).
38. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г. «Об объявлении 9 мая праздником победы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www..wikipedia.org/>. (дата обращения: 3.04.2020).
39. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 года «Об объявлении 3 сентября праздником победы над Японией» в честь победы СССР в советско-японской войне 1945 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wikipedia.org/> (дата обращения: 3.04.2020).
40. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 1 (1) Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»», подписанным президентом РФ Дмитрием Медведевым 23 июля 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topwar.ru> (дата обращения: 3.04.2020).
41. Федеральный закон от 24.04.2020 г. «О внесении изменений в статьи 1 и 11 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/> (дата обращения: 29.03.2020).
42. *Швед В.Н.* Неонацисты Литвы против России. М.: «Буки Веди», 2015. 836 с.

THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: EVOLUTION, EXPERIENCE, PROBLEM

Tetuev Alim Inzrelovich, Doctor of History, Leading Researcher, Sector of Recent History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alim-tetuev@mail.ru

The article is devoted to the evolutionary problem of the memory of the Great Patriotic War in connection with changes in the socio-political life of the country and the international situation. The state of historiography of the studied problem is analyzed, its relevance is substantiated. The main stages of the formation of the “official” historical narrative about the war at different stages of the country's development are revealed. Particular attention is paid to the formation of the image of Victory in the historical memory of the people. The experience of educational institutions and civil society institutions in the formation of the memory of the war is summarized.

The evolution of the historical memory of the Second World War in Russia and in the West in connection with the collapse of the USSR and the «socialist camp» is highlighted. New mechanisms of institutionalization of the national memory of the Second World War in European countries are revealed. The features of the perception of war and the reassessment of the past in the minds of new generations of the peoples of the Baltic states, Poland and Ukraine are highlighted.

Keywords: World War II, historical memory, geopolitics, falsification, experience, educational organizations, civil society institutions.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-32-49

БРЕНДЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

Кешева Зарема Мухамедовна, кандидат исторических наук, заведующая сектором новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kesheva10@gmail.com

В статье исследуются вопросы, связанные с проблемой эффективности регионального брендинга в процессе формирования положительного имиджа региона. На примере известных рекреационно-туристических и этнокультурных проектов в КБР, бренд презентуется как один факторов продвижения конкурентных достоинств и выгод региона для оздоровления экономики республики. Целью исследования является определение ресурсного потенциала бренда в повышении эффективности региональной этнокультурной и экономической политики. Пространство региональных туристических брендов исследуется в массмедийном аспекте на основе контент-анализа. Обозначаются приоритетные методы формирования позитивного имиджа КБР с помощью средств массовой информации. Источником исследования явились объекты КБР, освещаемые в СМИ и способные с опорой на креативные проекты активизировать позитивное позиционирование республики в информационном пространстве, вследствие чего будет усилена инвестиционная привлекательность республики.

Ключевые слова: территориальный брендинг, позитивный имидж, информационное пространство, Кабардино-Балкария.

Тема брендинга или брендингования, неизвестная в недалеком прошлом, оказалась активно включена в современную жизнь, так как общество широкого потребления диктует новые условия существования. Основная задача бренда – привлечение внимания к предмету конкретной деятельности (объекту продвижения). Цель любого брендингования заключается в формировании индивидуального, хорошо узнаваемого, продающегося образа. По утверждению теоретика брендинга А. Випперфюрта, брендинг – важнейшая составляющая коммерческого успеха; представлять продукт целевой аудитории нужно обоснованно и убедительно; реклама должна строиться вокруг позитивных представлений, связанных с брендом [Випперфюрт 2007: 3]. Британский правительственный консультант, специализирующийся в вопросах национального бренд-имиджа С. Анхольт отмечает: «Большинство стран практически непрерывно отправляют во внешний мир некие послания о самих себе. Страны способны в значительной степени влиять на восприятие собственного бренда, если у них есть действенная, ясная, внушающая доверие идея о некоей высшей их цели и если послания на эту тему поступают четко и бесперебойно. У заинтересованных стран есть серьезные причины попытаться это сделать, поскольку мощный и позитивный бренд нации приносит прямую выгоду ее экспортерам, импортерам, правительству, культурному сектору, туризму; облегчает для государства иммиграционные процессы и практически любой иной аспект» [Анхольт, Хильдрет 2010: 20].

Для привлечения потенциально заинтересованных потребителей, необходимо продвижение региональных брендов. Бренд региона – это территориальная идентичность, системно выраженная в ярких и привлекательных идеях, символах, ценностях, образах. Это визуальный или виртуальный символ, положительный «фирменный» признак, по которому потребители идентифицируют регион, «раскрученная» товарная марка, которая формирует или подтверждает его имидж и репутацию [Шокуров, Герасименко 2014: 87]. Цель брендинга региона – обеспечение присутствия его бренда в информационном пространстве, его узнаваемости, что, в свою очередь, наделяет регион силой влияния и обеспечивает приток финансовых ресурсов на территорию [Хажгериева 2016: 145].

В начале 1990-х гг. появились исследования, посвященные маркетингу территорий, большинство из которых основывалось на утверждении, что территории, как и компании, продают продукты и услуги, в числе которых могут быть объекты для инвестиций, туризм, товары местного производства и т.д. В 1993 г. вышло первое издание ставшей знаковой книги Ф. Котлера, Д. Хайдера и И. Рейна «Маркетинг территорий: привлечение инвестиций, промышленности и туризма в города, штаты и страны» [Котлер, Хайдер, Рейн 2005]. Эта работа впервые четко обосновала использование маркетинга в качестве механизма всестороннего продвижения территорий. В 1990-е гг. маркетинг мест стал общепринятой практикой.

Исследованием проблем бренда и брендинга первыми в нашей стране в 90-е годы XX в. заинтересовались экономисты, маркетологи, специалисты по связям с общественностью и рекламе. Впервые идея выявления, моделирования и маркетингового продвижения этнокультурных образов российских регионов была выдвинута В.А. Тишковым и В.К. Мальковой. В монографии «Образы российских республик в интернете» авторы рассматривают актуальные проблемы использования СМИ и Интернета для распространения позитивной информации о регионе. Они отмечают: «С появлением Интернета каждый субъект Российской Федерации получил еще одну возможность представить в лучшем виде собственный образ своему населению, всей стране и всему миру, показать свои достижения, возможности и свой потенциал» [Малькова, Тишков 2009: 29].

Тема формирования территориальных брендов путем их продвижения на разнообразных площадках приобретает в настоящее время особую актуальность, т.к. в связи с пандемией туристический бизнес вступил в полосу кризиса, однако тот же самый туризм способен вывести регионы из глубокой экономической ямы. В рамках данной статьи ставится задача обозначения путей продвижения региональных брендов в информационном пространстве, исследование компонентов, образующих позитивный имидж региона с помощью различных медийных площадок.

Одним из факторов, сглаживающих последствия глобализации и проводимых в России реформ является обозначение регионально-локальных туристских брендов. Территориально-локальные бренды приобретают все больший вес и распространенность, так как напрямую связаны с целенаправленной деятельностью по формированию инвестиционной, инновационной, кадровой, туристической и иной привлекательности местности, с созданием благоприятных условий жизни для местного населения и развития территории. Поэтому брендинг территорий и его измерение, мониторинг (функциональный, эмоциональный, инновационный, социально-культурный, духовно-исторический, экологический, глобальный и др.) становится такой же важной составляющей государственной и региональной, муниципальной политики, как и стратегии развития бизнеса любого коммерческого предприятия» [Левочкина 2014: 16].

Если территория обладает собственным брендом, именем, которое привлекает внимание, которому доверяют, значит, такая территория будет к себе привлекать инвестиции в широком смысле слова. Важнейшей задачей брендинга,

особенно в настоящее время, является развитие внутреннего, локального туризма, когда мир оказался ограничен в туристических посещениях. На совещании по вопросам развития транспортной отрасли 7 мая 2020 г. президент России В.В. Путин отметил: «Нам нужно сформировать развитие внутреннего туризма. Форсировать наши возможности на этом направлении. Нужно формировать привлекательные маршруты, открывать новые направления в нашей стране, куда можно будет удобно добраться и с интересом для людей провести время» [Путин 2020].

Для развития внутреннего туризма необходимо проведение грамотной PR кампании, нацеленной на раскручивание объектов внутреннего туризма с помощью продуманной системы брендов. Бренд региона позволяет администрации и деловым кругам наиболее эффективно взаимодействовать с различными целевыми группами: инвесторами, межрегиональными и экспортными рынками, населением, туристами.

В регионах ведется активная работа по продвижению своих брендов на туристический рынок. Кабардино-Балкария, обладающая обширными природными, рекреационно-туристическими и культурно-познавательными ресурсами, по праву может рассчитывать на одно из ведущих мест в России по предложению туристического продукта. На сайте министерства курортов и туризма КБР представлен широкий спектр рекреационно-туристических предложений республики: горнолыжный туризм, пеший горный туризм, дайвинг, альпинизм, лечение, экскурсионные программы, парапланеризм, дельтапланеризм, спелеотуризм. Как справедливо отмечают Малькова В.К. и Тишков В.А., официальные сайты республик стали одним из механизмов создания и распространения позитивного образа (имиджа) своей республики, удобным и наглядным способом ее общественной презентации» [Малькова, Тишков 2009: 31].

Руководство КБР осознавая, что туризм занимает одну из ключевых позиций в социально-экономическом развитии республики, придает большое значение стимулированию брендинга. С этой целью ведется активная работа со средствами массовой информации по продвижению брендов КБР.

В августе 2018 г. журналисты из девяти стран прибыли в КБР с ознакомительной целью. Участниками пресс-тура по регионам СКФО стали представители «Чайна Дейли» (Китай), «Республика» (Азербайджан), «Трибьюн» (Франция), «Аль-Халидж» (ОАЭ), «Актуалне» (Чешская Республика), «Фоторепортер» (Венгрия), телеканалов Турецкой республики, Саудовской Аравии, Италии. Иностранные журналисты посетили Приэльбрусье, где встретились с министром курортов и туризма КБР М. Шогенцуковым и генеральным директором АО «Курорт Эльбрус» Х. Беккаевым.

Они сообщили гостям о том, как прогрессирует развитие туризма в КБР, особо отметив возможности горнолыжного курорта Эльбрус. Журналисты задали ряд вопросов относительно количества отдыхающих из зарубежных стран, организации безопасности туристов, а также о перспективах сотрудничества с заинтересованными иностранными инвесторами. Гости были впечатлены природой, канатками, однако выразили сожаление по поводу недостаточной информированности потенциальных инотуристов о рекреационно-туристическом и этнокультурном потенциале КБР. Чешский журналист Иржи Юст отметил: «Все мы знаем, что по поводу Северного Кавказа существуют определенные стереотипы. Я приехал сюда для того, чтобы открыть этот регион для чешских читателей с другой стороны» [Юст 2018].

Межрегиональный центр общественных инициатив «Северный Кавказ» в партнерстве с компанией «Медialogия» проанализировал частоту упоминаний в СМИ популярных туристических брендов Северного Кавказа за 2018 г. В список локальных брендов Кабардино-Балкарии вошли 8 наименований. Самый популярный – Эльбрус – 47132 упоминания. Он является главным природным достоянием не

только Кабардино-Балкарской республики, но и Европы, входит в список 7 чудес России. Ее западная вершина возвышается на 5642 м над уровнем моря, и является самой высокой точкой России и Европы, восточная – на 5621 м.

Голубые озера – 17745 упоминаний. Голубые озера (группа из 5 карстовых озёр) расположены в Черекском районе. Одним из наиболее посещаемых мест является озеро Церик-Кель. Глубина предположительно 279 м, что делает его вторым по глубине карстовым озером в мире, после Красного озера в Хорватии.

Чегемское ущелье – 4108 упоминаний. Одна из самых популярных достопримечательностей Кабардино-Балкарии. На территории ущелья расположен ряд примечательных мест Кавказа, среди них – знаменитые Чегемские водопады, вошедшие в тройку лучших водопадов для водного и горного туризма России по результатам опроса пользователей социальных сетей.

Чегет – 1150 упоминаний, находится в Приэльбрусье. Благодаря тому, что ряд склонов покрыт снежным покровом практически круглый год, горнолыжный сезон может длиться круглогодично. На Чегете расположен ряд сложных участков, так называемых «черных трасс», привлекающих опытных лыжников – фрирайдеров и бэккантристов.

Долина Нарзанов – 934 упоминания. Это бальнеоклиматическая курортная зона, расположенная предгорьях северного склона Скалистого хребта Большого Кавказа, в долине реки Хасаут. Здесь находится 17 природных минеральных источников, самым известным из которых является Главный источник, или «Кипящий котел».

Национальный парк «Приэльбрусье» – 660 упоминаний. Он был создан постановлением Правительства России от 22.09.1986 г. с целью сохранения уникального комплекса Приэльбрусья. Площадь составляет 101,2 тысячи гектаров. Одна его часть расположена между южными склонами Эльбруса до Главного Кавказского хребта и Междуречьем Баксана и Чегема, другая – в верховьях р. Малка.

Джилы-Су – 396 упоминаний. Урочище располагается у подножия северной стороны Эльбруса. Получило свое название благодаря источнику теплого нарзана [Рейтинг туристических брендов 2019].

18–19 октября 2019 г. при содействии Общественной Палаты РФ был проведен первый российский фестиваль региональных культурных брендов «Живое наследие». В мероприятии участвовали около 600 человек из различных регионов страны, в том числе и из Кабардино-Балкарии. Проект «Живое наследие» нацелен на выявление локальных культурных брендов и продвижение объектов внутреннего туризма. Значимым моментом было создание интерактивной национальной карты местных культурных брендов с визитной карточкой для каждого региона. Постоянно действующая онлайн-платформа имеет удобную навигацию и заслуживает внимания инвесторов и туристов. Представители туристического бизнеса из регионов имеют возможность разместить рекламную информацию о местах показа и этнокультурных брендах своего региона. Член Общественной палаты КБР Юлия Ордокова отмечает: «Для нашей республики, которая богата уникальными достопримечательностями и имеет большой туристический потенциал, этот портал является отличным рекламным инструментом. Сейчас на сайте есть четыре культурных бренда: Нальчик, Эльбрус, хычины и Чегем. Было бы правильно полностью заполнить карту Кабардино-Балкарии и получить реальный шанс включить наши бренды в список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества (ЮНЕСКО)» [Живое наследие 2019].

Еще одним инновационным проектом туристической направленности стал гастрономический квест TOUR-DE-TOMATE. В проекте приняли участие 12 представителей федеральных СМИ («Собеседник», «АиФ», «КП», «Гастроном», «Домашний очаг», «Семья», «Максим», «Кулинар» и т.д.) и 4 знаменитых шеф-повара. Участники квеста с 6 по 9 сентября 2018 г. осваивали кулинарные традиции

Северного Кавказа, посетили различные районы по КБР, осваивали старинные рецепты, дегустировали фермерские продукты, посещали сыроварни, заповедники, местные рынки, винодельческое хозяйство и горные пастбища. В итоге ими были приготовлены национальные блюда из местных продуктов. В ходе проекта участники вели информационные дневники, рассказывали о событиях он-лайн, через социальные сети. Этот проект помог значительному количеству людей приобщиться к пищевой культуре народов КБР и продемонстрировал, что республика обладает существенным ресурсным потенциалом развития [Кешева 2019: 59–60].

Одним из важных шагов в стратегии развития туристической привлекательности республики было объявление Министерством курортов и туризма Кабардино-Балкарской Республики конкурса по разработке и созданию яркого и узнаваемого визуального бренда-образа КБР. Вышли сюжеты на телевизионных каналах, в печатных СМИ, использовался административный ресурс и адресная рассылка. Конкурс проходил с ноября 2018 по февраль 2019 г. После подведения итогов, лучшей была признана работа М. Аталиковой, принято решение по активному продвижению в СМИ нового бренда республики, так как одним из важнейших ресурсов брендинга являются возможности полиграфии, позволяющие осуществлять продвижение товарного знака (элементов бренда) на рынок.

Республика вошла в число 14 регионов, ставших участниками всероссийской туристической онлайн-выставки «Знай наше», организованной федеральным порталом «ProfiTravel» при поддержке Ростуризма и проходившей с 18 по 31 мая 2020 г. Виртуальный стенд КБР содержал обширную информацию о достопримечательностях республики, этнокультурном потенциале, туристических предложениях и проектах. Текстовая информация, фото, видео материалы о регионе были доступны всем посетителям. Два дня – 25 и 26 мая (с 12 до 14 часов) в он-лайн режиме проходила развернутая презентация туристического потенциала Кабардино-Балкарии при участии представителя Министерства курортов и туризма КБР и туристических фирм. На выставке были представлены достойные внимания туристические предложения: молодежный тур «Экстрим Перезагрузка 2020», внедорожная экспедиция «Путь Горца», астрофотофестиваль «Небо Кавказа», лагерь «Герои», тур «Тайны Седого Эльбруса».

Таким образом, для привлечения внимания к региону и позиционирования благоприятного образа республики в информационном пространстве, необходимо активное продвижение туристических предложений, способных заинтересовать потребителя. Можно констатировать, что Кабардино-Балкария, помимо природных достопримечательностей, имеет большие возможности в плане брендинга своих национальных особенностей, способных повысить инвестиционную привлекательность региона путем развития объектов этнокультурной сферы. В сложной ситуации, связанной с распространением пандемии и в условиях самоизоляции, регионы должны искать способы брендинга своих туристических предложений, поэтому разнообразные формы он-лайн промоушна в настоящий период являются самыми эффективными. Продвижение в СМИ материалов, рассказывающих о значительных туристических возможностях Кабардино-Балкарии в плане предложения интересных проектов, положительным образом скажется на имидже республики и будет способствовать развитию туристической отрасли КБР.

Источники и литература

1. Анхольт Саймон, Хильдрет Джереми. Бренд Америка: мать всех брендов. М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2010. 232 с.
2. Випперфюрт А. Вовлечение в бренд. Как заставить покупателя работать на компанию. М.: Коммерсантъ, 2007. 166 с.

3. Живое наследие [Электронный ресурс]. URL: <https://stavropolye.tv/news/113493>.
4. Кешева З.М. Национальная кухня кабардинцев как предмет брендинга // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2019. № 2 (41). С. 54–60.
5. Левочкина Н.А. Факторы среды в развитии территории и брендов // Региональный туризм: проблемы и перспективы развития: сборник статей студентов, магистрантов, преподавателей / Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» / под ред. Н.А. Левочкиной. Киров; Омск, 2014. С. 14–22.
6. Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в интернете. М.: Издательский отдел Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2009. 147 с.
7. Путин В.В. Выступление на совещании по вопросам развития транспортной отрасли 7 мая 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200507/1571108240.html> (дата обращения: 15.06.2020).
8. Страна узнает Кабардино-Балкарию [Электронный ресурс]. URL: <http://kbrria.ru/obshchestvo/strana-uznaet-kabardino-balkariyu-35438>.
9. Филип Котлер, Дональд Хайдер, Ирвин Рейн. Маркетинг территорий: привлечение инвестиций, промышленности и туризма в города, штаты и страны. М.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 92 с.
10. Хажгериева А.А. Брендинг региона как инфо-коммуникативная образующая имиджа Республики Адыгея в общероссийском информационном пространстве // Вестник АГУ. 2016. Вып. 1. С. 145–149.
11. Шокуров Д.В., Герасименко Л.В. Значение территориального брендинга, в развитии социальной инфра-структуры // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 11 (ноябрь). С. 86–90.
12. Юст Иржи. Кавказ – это красиво и вкусно. Чешский журналист о пресс-туре по СКФО [Электронный ресурс]. URL: <https://stavropolye.tv/news/113493>.

BRANDS OF KABARDINO-BALKARIA IN THE INFORMATION SPACE AS A FACTOR OF SOCIO-CULTURAL AND ECONOMIC ATTRACTIVENESS OF THE REGION

Kesheva Zarema Muhamedovna, Candidate of History, Head Sector of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kesheva10@gmail.com

The article examines issues related to the problem of regional branding effectiveness in the process of forming a positive image of the region. Using the example of well-known recreational, tourist and ethno-cultural projects in the KBR, the brand is presented as one of the factors promoting the competitive advantages of the region and the benefits for improving the economy of the Republic. The purpose of the research is to determine the resource potential of the brand in improving the effectiveness of regional ethno-cultural and economic policies. The space of regional travel brands is studied in the media aspect based on content analysis. Priority methods of forming a positive image of the KBR with the help of mass media are identified. The source of the research was the objects of the KBR that are covered in the media and can, based on creative projects, activate the positive positioning of the Republic in the information space, as a result of which the investment attractiveness of the Republic will be enhanced.

Keywords: territorial branding, positive image, information space, Kabardino-Balkaria.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-50-55

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 811.352.5

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-56-61

АДЫГЭБЗЭМ СИНОНИМЭГЪУ ЦЫЗЭХУЭХЪУ НАРЕЧИЕХЭМ ТЕУХУАУЭ

Дзыгъуанэ Ритэ Хьэбалэ ипхъу, филологие щӀэныгъэхэмкӀэ доктор, Урысей ЩӀэныгъэхэмкӀэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щӀэныгъэ центрым Гуманитар къэхутэныгъэхэмкӀэ и институтым адыгэбзэмкӀэ и къудамэм и щӀэныгъэ лэжъакӀуэ пашэ, dzug.rita@yandex.ru

Мы лэжыгъэм япэ дьдэ щызэпкърыхаш адыгэбзэм синонимэгъу цызэхуэжы наречие гуп зыбжанэм ялэ щхьэхуэныгъэхэр, ахэр синоним зэрызэхуэжы мыхьэнэ зэрызэпыщӀамрэ зэрызэщхьэщыкӀхэмрэ. Статьям нэхъ убгъуауэ дыккышызэтеувыӀаш щымыӀэныгъэ аффиксхуэ *мы-*, *-ниэ* псалъэпкъым хэту плъыфэцӀэм кытекӀа наречие гуп синоним зэхуэжыхэм. Псалъэпкъым къыӀуатэ мыхьэнэр нэхъри щӀагъэхуабжыӀурэ ахэм синоним гупышхуэхэр бзэм кыхагъэхъукӀ. Апхуэдэ щыкӀэклэ псалъэщӀэхэр къагъэхууэр наречиехэм бзэм и зыужыныгъэм мыувуӀуэ хэлъхьэныгъэхуэ хуащӀ.

Синонимэгъу зэхуэжы наречиехэм щхьэхуэныгъэ нэхъ гъэщӀэгъуэну яхэльыр флагъри теягъри зы псалъэм кыгъэлыагъуэу куэдрэ узэрырихьэлӀэрщ. Апхуэдэхэр къэбэрдей-шэрджэс тхакӀуэхэм я художественнэ тхыгъэхэм кыхэтха шапхьэхэмкӀэ догъэнаӀуэ. Статьям кызэщӀиубыдэфакъым адыгэбзэ наречием синоним цызэхуэжы гуп псоми хьэлэмэтагъуэ яхэльыр. Абыхэм лэжыгъэ щхьэхуэ яхуэфашӀ.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: синоним, наречие, щӀэгъэхуабжыӀэныгъэ, плъыфэцӀэ, глагол, адыгэбзэ, псалъэпкъ, псалъэщӀэхэр.

Бзэ щӀэныгъэм елэжхэр адыгэбзэм и синонимхэм я гугъу щӀащӀкӀэ псом япэу икӀи нэхъ куэдрэ зытепсэльыхьыр щыӀэцӀэхэмрэ глаголхэмрэщ. Наречиехэр синоним зэрызэхуэжымы, езы наречие дьдэхэми ятеухуауэ щыӀэ къэхутэныгъэхэр мащӀэ дьдэщ. Ауэ абы кыкӀырккъым наречиехэм бзэм нэхъ къалэн мащӀэ шагъэзащӀэу, е наречиехэм нэхъ мащӀэрэ щӀэгъэхуабжыӀэныгъэ мыхьэнэ предметым и плъыфэм е лэжыгъэм и къэхъукӀэм халъхьэу. Псалъэпкъым къыӀуатэ мыхьэнэр нэхъри щӀагъэхуабжыӀурэ ахэм синоним гупышхуэхэр бзэм кыхагъэхъукӀ. Апхуэдэ щыкӀэклэ псалъэщӀэхэр къагъэхууэр бзэм и къулеягъэм зэпымыуэ хагъахьэу.

ЗэрыгурыӀуэгъуэщи, дэтхэнэ зы къэхъукъащӀэми цӀыху къэс езым и ӀуэхуеплъыкӀэхуиӀэжщ. АбыӀуэхугъуэгуэрымикъэхъукъащӀэркъыбгуригъэӀуэфын къудейм и закъуэкъым бзэм псалъэщӀэхэр кыщӀыхигъэхъукӀыр, атӀэ а гупсысэр къэзыӀуатэм и гумрэ и псэмрэ зехищӀэр, езым абы хуиӀэ щытыкӀэр къыуигъэлыагъуфын, зыхуиуигъэщӀэфын щхьэкӀэщ. Абы и лъэныкъуэкӀэ наречиехэр щӀэгъэкъуэнышхуэщ. Бзэм ирипсалъэм и гупсысэр гъэхуауэ, нэгъэсауэ гурыӀуэгъуэ ищӀыным и мызакъуэу, наречием бзэм щегъэзащӀэ нэгъуэщӀ къалэнхэри. Абы глаголым кыгъэхуэ лэжыгъэр егъэнаӀуэр, предметым и плъыфэр къыӀуатэр, а псом ищӀыӀужкӀэ езы наречием и къалэнри хэтыжу.

Синонимэгъу зэхуэжы наречиехэр бзэм кызэрыхьэхъукӀымрэ абыхэм я мыхьэнэхэмрэ уащыкӀэлъыплъкӀэ гу лъыумытэу къанэркъым нэхьыбэ дьдэу

синоним гуп зэхуэхъу наречиехэм я мыхьэнэр цыхум и гурыгъу-гурыщIэхэм ехьэлIауэ зэрыщытым. Къэтхьынщ адыгэбзэ наречиехэм къагъэхъу синоним гупхэм я зы шапхъэ:

Гужьбеяуэ, IурымэхыкIауэ, мыпсэлъэжыфу, кIэзызу, и фэр пыкIауэ, и псэр IукIауэ, и псэр дзанэкIэ иIыгъыу. Синонимэгъу зэхуэхъуа мы гупым хыхьэ наречие псори *гужьбеяуэ* псалъэ нэхьыщхьэ тегъэщIапIэ хьуам и мыхьэнэм– «гузэвэгъуэм, шынагъуэм кыхэкIыу пIейтеиныгъэшхуэ игъуэтауэ» жыхуиIэ щытыкIэм зэрипхаш.

Синонимэгъу зэхуэхъу наречиехэр зэхуэмыдэ гупу зэрызэхыхьэм нэхь гугъу ещI ахэм зы жыпхьэм тегу уакIэлъыплъыныр. Дауэ щымытми, нэхьыбэрэ бзэм къышагъэсэбэп хьуа наречие гуп синонимэгъу зэхуэхъуахэр Iэмал гуэрхэмкIэ зэхэгъэщхьэхукIыпхьэщ. Мы лэжыгъэм аращ къалэн нэхьыщхьэу щыдгъэувыр.

ЩапхьэхэмкIэ дызэхуеплъынщ: (Солмэн) ... *езыр благъуэм иратыну къааша нэхьей гужьбеяуэ къоплъэ...* [Нало З.М. Къру закъуэ, 1981: 63] *Iэюб къилъта выгум исыр гужьбеяуэ зэрыгъэкIийрт, уеблэмэ шынауэ къелъи яхэтт, езы Iэюб плIэкIэ зэрихьэрт выгур, адэкIэ-мыдэкIэ иригъэщIми* [Кышчокъуэ А.П. Хьуэпсэгъуэ нур, 2005: 589].

Синоним гупым хыхьэ псалъэ къэс мыхьэнэ щхьэхуэ гуэрхэмкIэ зэщхьэщыхьажэщ. Зэрынэрылгъагъуши, *гужьбеяуэ* доминантэм мыхьэнэкIэ екIуалIэу бзэм къыхохьэ *IурымэхыкIауэ* псалъэ кыхьэщIыкIар, «зэрышынам кыхьэкIыу и зэхэщIыкIыр пIалъэкIэ фIэкIуэдауэ, и лъэм имыIыгъыжу» мыхьэнэ иIэу. Щапхъэ: *IурымэхыкIауэ цылгъын.*

Зи гугъу тщIы синоним гупым хыхьэ *мыпсэлъэжыфу* наречием «гурыгъу-гурыщIэ егъэляе гуэрхэм ягъэпIейтеиIауэ, псалъэ кыхьудэмышеижу, гузэвэгъуэ, шынагъуэ гуэрым къыгъаштгъуэ и бзэр пIалъэкIэ иубыдауэ» щытыкIэ къыуегъашIэ. Щапхъэ: *Си анэр абы (пщым) Iейуэ цышынэрти, къызэрыщIэкIиеу... и фэр пыкIауэ, кIэзызу, мыпсэлъэжыфу цытт* [Теунэ Хь.И. ШыкIэсу къахьа, 1973: 106]. Егъэляеуэ гузэвэгъуэшхуэ, шынагъуэ Iей гуэрым хэхуа цыхум и щытыкIэ тхакIуэм ди нэгу къыщIегъэхьэ зы псалъэухам къыщыхьэ синоним гупымкIэ: *и фэр пыкIауэ, кIэзызу, мыпсэлъэжыфу.*

Синонимэгъу зэхуэхъу наречиехэр зыгуэрхэмкIэ зэщхьэщыхьэми, мыхьэнэ зэкIуалIэ, зэгъунэгъу дьдэ зилэхэри нэхьыбэщ. Апхуэдэхэм деж зы псалъэр адреимкIэ и мыхьэнэр мыкIуэду псалъэухам щызэбохьуэкIыф. Къэбэрдей-шэрджэс тхакIуэхэм я тхыгъэхэм куэдрэ ущрохьэлIэ зы псалъэухам синонимэгъу зэхуэхъуу псалъитI-щы къыщыкIуэ. Ар нэхьыбэу къызыхэкIыр тхакIуэм псалъэ зэщхьэхэм къытримыгъэзэжыну ара къудейкъым, атIэ нэхь нэIурыту щытыкIэ къиIуатэр къыбгуригъэIуэн папщIэкIэщ.

ДызыкIэлъыплъ синоним гупым хохьэ тегъэщIапIэ хьуа псалъэ нэхьыщхьэм мыхьэнэкIэ пыщIа фразеологизмэ псалъэ Iэрамэхуэ *и фэр пыкIауэ* «шынауэ, и фэм зихьуэжауэ, хужь хьуауэ», *и псэр IукIауэ* «егъэляеуэ шынауэ», *и псэр дзанэкIэ иIыгъыу* «Iейщэу гузавэу, шынэу, и псэр пыт къудейуэ» жыхуиIэхэр. Синонимхэм я куэдагъым хэхьуэнымкIэ, бзэр нэхь къулей хьунымкIэ ари Iэмал гъуэзэдджэщ. Зы шапхъэ къэтхьынщ: (Порэ:) *Гъунэгъу закъуэ къызэтIысылIам псалъэмакъ яхильхьэмэ (фызым), жысIэу си псэр дзанэкIэ сIыгъыу сыдыхьэмэ...Былууэ плъагъум си джыдэжыыр елыр, мобыи мывэширхьыр егъэкIэрахьуэ* [Мэзыхьэ Б. Шыдыгъу, 2015: 187].

Щапхъэу къэтхьа синоним гупыр зы мыхьэнэ нэхьыщхьэм къызэщIаубыдэми, абы хыхьэ псалъэ къэс езым и лъэныкъуэ гуэр игъэнэIуэжу мыхьэнэ гуэдзэ яIэжщ. Псалъэм папщIэ, *IурымэхыкIауэ* наречиер цыхум и зэхэщIыкIым епхамэ, *мыпсэлъэжыфу* наречие абы синонимэгъу хужьур цыхум и бзэм ехьэлIаш. АдэкIэ *кIэзызу* наречием цыхум и Iэпкълъэпкъ псори къызэщIеубыдэ, *и фэр пыкIауэ* – цыхум и фэм зэрызыхьуэжыр къегъэлыгъуэ, *и псэр IукIауэ* – «лIэным нэсауэ», *и псэр дзанэкIэ иIыгъыу* – «и псэм тешыныхьуэ, абы адэкIэ кIуапIэ имыIэу гузэвэщэу» мыхьэнэхэр ягъэнаIуэ.

Синонимэгъу зэхуэхъуа гупым хыхъэ псалъэхэм мыхьэнэкIэ зэщхъэщыкIыныгъэхэр, нэгъуэщIу жыпIэмэ мыхьэнэ гуэдзэхэр къэхутэныр аращ синонимхэм елэжыным нэхъ гугъу дьдэу хэлъыр. А къалэн мытыншым упэлъщынымкIэ сэбэпышхуэ мэхъу художественнэ тхыгъэхэр. Ахэр дэIэпыкъуэгуэщ синонимхэм я мыхьэнэхэр зэщхъэщыгъэкIынымкIи, я стилир убзыхунымкIи. Псалъэм папщIэ, глаголым къыгтекIа а зы наречие псалъэм *флаг* мыхьэнэ иIэуи, *леягъ* мыхьэнэ иIэуи къэкIуэфынууш. Ар зэрызэхэбгъэкIыр художественнэ литературэм къыхэхэ шапхъэхэрщ, нэгъуэщIу жыпIэмэ, контестырщ. Дызэхуеплтынщ: *Ди дежкIэ гъешихуэц (жеIэ нэгъуей лыжъым), бынитху дилати, мы зыриц къелар...ари мис... – адэкIэ мыпсалъэжыфу ецэтэха лышхуэм и куэщIым къиукIурия щIалэ цIыкIур хьэдэ хъэзырт* [Къэрмокъуэ М. Гугъэ, 1988: 312]. НэгъуэщI шапхъэ: *Гупыр аргуэру къыщецудыжри, хэт и ныбэр шыгыу, хэти зэфIэсысэу... мэдыхъэшх... Русик Наусбий зытщIэхидзауэ мыпсалъэжыфу матхъэ...* [Жылэтеж С.Хь. Лыгъэ зэхэгъэкIыпIэ, 1983: 333].

ЩымыIэныгъэ къэзыгъэлягъуэ суффикс –*ниэ*-кIэ къэхъуа плыфэцIэ куэдэм къатехукI мыхьэнэ зэгъунэгъу зиIэ наречиехэм синоним гупышхуэ къагъэхъу. Псалъэ папщIэ: *хъэлынишэу, цIыкIэнишэу, нэмысынишэу, Iэдэбынишэу, кIухъэнынишэу*. Мы синоним гупыр мыхьэнэкIэ зэгъунэгъу дьдэщ – цIыху мыгъасэм и хьэл-щэн мыхьумыщIэр, цIыкIейр къэзыгъэлягъуэ щытыкIэщ. Синонимэгъу зэхуэхъуа мы наречие гупым шыщу *хъэлынишэу, цIыкIэнишэу, нэмысынишэу* псалъэхэр къэбэрдей художественнэ тхыгъэхэм нэхьыбэрэ къышагъэсэбэпу щытмэ, *Iэдэбынишэу* наречие шэрджэхэм нэхьыбэу яIурылщ. АдэкIэ дызыкIэлъыплъ синоним гупым шыщу *кIухъэнынишэу* наречие жьы хъуа псалъэхэм хыхъэ пэтми, Адыгэбзэ псалъалъэм *жъы* нагъыщэр пымыту къыщокIуэ [Адыгэбзэ псалъалъэ, 1999: 355]. Ар иджырей художественнэ литературэм къышагъэсэбэпу дрихьэлIэжкъым.

Щапхъэхэр къэтхьынщ, дызытепсалъыхъ наречие гупыр литературнэ тхыгъэхэм къызэрыхэщыр къэдгъэлягъуэурэ. *Хъэлынишэу, цIыкIэнишэу* наречиехэм я мыхьэнэр зэтэхуэу къокIуэ. Щапхъэ:

Ахэр (Хъэнифэ и бгъумкIэ цIыхубзитI цызэIуцацэр) хъэлынишэу зэрыкIакIэм сэ къызбгъурыс щIалэри зэгуигъэпауэ яхуеплъэкIырт, ауэ япэрыуэн и цхъэ хуигъэфациуэ къыщIэкIынтэкъымы щытмэ [Абазэ Л. Бжыхъэ нэпсхэр, 1994: 14].

Къандыгъэ щIыкIэнишэу зыкъомрэ пIэрэпIэра нэужь, и псалъэр тэлайкIэ зэтигъэури бзылхугъэр зэтиплъыхъащ... [АбытIэ В.Къ. Ирамышыжа нысащIэ, 1991: 54].

А синоним гуп дьдэм хыхъэ *нэмысынишэу* наречием цIыхум и щIэр зыIэту абы хэлъын хуей шыпкъагъэхэр къызэрыхуэтыр егъэнаIуэ. Щапхъэ: *Мес фи Мадинэр жыг щIагъым Щызэралъафэу яIыгъыц, Благъэ къэфщIыну фи гугъэм Ар нэмысынишэу дэщIыгъуэц* [ЩоджэнцIыкIу А.А. Тхыгъэхэр, 2000: 100].

Iэдэбынишэу наречием «зышыIэ хэмылгу» мыхьэнэ иIэу шапхъэм къыхош: – *Сэри щIакъым, – сызэпцудащ абы Iэдэбынишэу, – апхуэдизу а сымаджэм уи нэ къыхуикIэм... кIуэ, ауэ зыщумыгъэгъуэцэ, уэ нэхърэ нэхъ Iэзэ куэд абы зэрэплъар!* – *ауану итIащ абы (Хъэнифэ) и дзэлыфэр...* [Абазэ Л. Анэм и джэ макъ, 1994: 78].

Синоним гупым шыщу *кIухъэнынишэу* наречием *псэун* глаголымкIэ догъэнаIуэ. *КIухъэнынишэу псэун*.

Глаголым къытекIа наречиехэр бзэм куэдрэ къыщокIуэ егъэлеяуэ гъэщIэгъуэныщэ щытыкIэ къэIуэтэгъуей гуэр къагъэлягъуэу. Апхуэдэхэм деж наречием и мыхьэнэр зыгъэнаIуэ псалъэ и гъусэщ. НэгъуэщIу жыпIэмэ, наречиехэр я грамматическэ хабзэм тету зи гъусэ псалъэхэм егъэщIылауэ къокIуэ.

Наречиехэм я мыхьэнэр епхаш, зы лъэныкъуэкIэ, зэгъэщIылауэ къакIуэ псалъэм. Я мыхьэнэр нэхъ наIуэ, нэхъ зэхэбз шыхъур наречиехэр зэгъэщIыла псалъэхэм къарыкI мыхьэнэм пыщIауэ бгъэбелджылымэщ [Джаурджий, Дзасэжъ, 1995: 243].

Щымылэныгъэ къэзыгъэлыагъуэ префикс *мы-р* псалъэпкъым хэту наречие кыхэщыкIа гуп синонимэгъу куэдрэ щызэхуэхъу щыIэщ. Щапхъэ: **пхуэмылуэтэну**, **узримыгъэплъу**, **нэр щыджылу**.

Синонимэгъу зэхуэхъуа мы наречие гупым мыхъуныгъэ къэзыгъэлыагъуэ префикс *мы-р* псалъэпкъым хэтми, ахэр егъэлеяуэ дахагъ, фIагъ мыхъэнэ къызэрыкI щытыкIэкIэ зэпхащ: «егъэлеяуэ дахэу, гуакIуашъу». Щапхъэхэр:

а) **пхуэмылуэтэну** «егъэлеяуэ гъэщIэгъуэныщэу, псалъэкIэ пхужымылэну щытыкIэу»: **НыбжыкIэ и фыгъуэу, и цIэныгъэм и бэтэгъуэу, и къэухъыр пхуэмылуэтэну ину, и жьакуагъэкIэ нэувын димылэу урысыбзэми адыгэбзэми зэхуэдэу Iэзэу ирилажъэ тхакIуэт ар** [Къэрмокъуэ М. Льякъуэ, 2007: 39];

б) **узримыгъэплъу** «хуиту уемыплъыфу–апхуэдизкIэ дахэу»: **Пхъэ гъурыр мафIэ бзий ищIу исырт, итIанэ, дэн хъурти, узримыгъэплъу лыдырт, иужыкIэ хуэму ужыыхъыжырт** [Жылэтеж С.Хь. Лыгъэ зэхэгъэкIыплэ, 1983: 34];

в) **Нэр щыджылу**–а мыхъэнэ дыдэр иIэщ: **Бацэр тенэжауэ, ебыркъ-ешыркъыу гъэмахуэ техъэу цыта хъушэхэр иджы я фэр дзыгъуэцым хуэдэт, цIууэ, нэр щыджылу цIымахуэ цIэкIырт** [КIэрэф М.Ж. Лъэужь е лIэужь, 2009: 348].

Синоним гуп къагъэхъу **икъукIэ**, **хуабжыу**, **Iейуэ** наречиехэм, егъэлея щIэгъэхуэбжъэныгъэ мыхъэнэ зэгъэщIыла псалъэм халъхъурэ.

Иджырей адыгэбзэм и щхъэхуэныгъэ нэхъ гъэщIэгъуэнхэм ящыщ а синонимэгъу зэхуэхъу наречие гупым зэгъэщIыла псалъэхэм фIагъри Iеягъри зэхуэдэу зэрыщыщIагъэхуабжъэр. Апхуэдэхэм деж дэтхэнэр арами зэхэпхунымкIэ художественнэ тхыгъэхэр сэбэпышхуэ мэхъу. Ахэм щIэгъэхуабжъэныгъэ мыхъэнэр зэгъэщIыла псалъэхэм зэрыхалъхъэм щапхъэхэмкIэ дызэхуеплъынщ:

икъукIэ екIуу, зэкIужу, бэлыхъу, бжыфIэу: **Мырзэ утыкум къоувэри икъукIэ псалъэ хьэлэмэтхэр желэ, усэ зацIэу зэхэлъу** [КIыщокъуэ А.П. Мазэ ныкъуэ щхъуантIэ, 2005: 670];

икъукIэ шынагъуэу, гурымыхъу, мыщIагъуэу: **ИкъукIэ зыхуэмей псалъэмакъ гур Уэнджырокъуэрэ Бэгъууирэ я зэхуакум къызэрыдэхъуам гу лытауэ БолэтыщI зигъэжъажъэт и цIалэмрэ абы и гъусэхэмрэ ябгъэдыхъэну** [МафIэдз С.Хь. Гъыбзэ хуэфашэт, 1995: 111];

хуабжыу екIуу, гуакIуэу, зигъэщIагъуэу: **Залымджэрий къыщыльэтри, и цей-бгырыпх сытхэм телэзщIыхъащ, и сэшхуэ гуэлэпыр Iэ лъэныкъуэмкIэ илыгъыу, хуабжыу зигъэбэлыхъу бжэмкIэ цIыхъэри, жыжъэ мыкIуэу, бжэщхъэлум зэребакъуэу къэувылащ** [КIыщокъуэ А.П. Хъуэпсэгъуэ нур, 2005: 119–120];

хуабжыу мыхъумыщIэу, мыхъэнэншэу: **Софят хуабжыу зыщымыщхъуу бригадэ унэм къызэрыкIыжам Луси гу лытат, ауэ трактористкэр зыхэт гупсысэм нэрыуэн дзыхъ имыщIу щыму пхъэлэцэм тест...** [ЩоджэнщIыкIу I.У. Софят и гъатхэ, 1962: 57];

Iейуэ гуапэу, егъэлеяуэ гурыхъу: **Рахым, зи гъащIэр кIыхъ хъун, Iейуэ бгъэгъуфIащ хъыджэбз цIыкIур** [КIыщокъуэ А.П. Хъуэпсэгъуэ нур, 2005: 131];

Iейуэ гугъу ехъу, зыхуей хуэмызэу: **Нэмыцэр къэсащ, жалэу щызэхэсхым эвакуацэ кIуэрт райисполкомым тетым я бынунэри сэри абы гъусэ захуэсцIри Куржы нэс дыкIуэри иджыри къэс абы дыщылащ, ишхынкIэ Iейуэ гугъу дехъу, дыекIуэллэпIэнишэу** [КIыщокъуэ А.П. МелыIыч, 2006: 411].

Къэхутэныгъэм къыркIуауэ абы и кIэм къыщыжыIэн хуейщ, адыгэбзэм синонимэгъу щызэхуэхъу наречиехэр бзэм и псалъэ лъэпкъыгъуэ псоми къагъэхуагъуэ псалъэщIэ куэд бзэм кыхыкIэнымкIэ хуабжыу сэбэпышхуэ зэрыхъур.

Адыгэбзэ наречием кыхэхъукI синоним гупхэм щхъэхуэныгъэу яIэмрэ хьэлэмэтагъыу яхэлъымрэ зы тхыгъэкIэ къыпхузэщIэкъуэнукыым. Ахэм ящыщ гуэрхэм дэ машIэу дакытеувыла къудейщ. Синонимэгъу зэхуэхъу наречиехэм къэбэрдэ-шэрджэсыбзэм къыщагъэхъу щхъэхуэныгъэхэм лъжыгъэ щхъэхуэ хуэгъэпсыхъэщ. Апхуэдэу щытми, мы статьям къыщытхъа наречие гуп синоним зэхуэхуахэм я хьэлэмэтагъым утрашэ гупсысэ куу хэлъхъауэ узэлэжыын хуей лъагъуэм.

ТегъэщIапIэ хьуа литературэрэ

1. *Абазэ Л.* Бжьыхьэ нэпсхэр: повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: «Эльбрус», 1994. 280 н. (*Абазова Л.* Осенние слезы: повести и рассказы. Налчык: «Эльбрус», 1994. 280 с.).
2. *Абазэ Л.* Анэм и джэ макъ // Бжьыхьэ нэпсхэр. Налшык: «Эльбрус», 1994. 280 н. (*Абазова Л.* Зов матери // Осенние слезы. Налчык: «Эльбрус», 1994. 280 с.).
3. *АбытIэ В.Къ.* Ирамышыжа нысащIэ. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1991. 264 н. (*Абитов В.К.* Несостоявшаяся свадьба. Черкесск: Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1991. 264 с.).
4. Адыгэбзэ псалъалъэ. М.: «Дигора», 1999. 852 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: «Дигора», 1999. 852 с.).
5. *Джаурджий Хь.З., Дзасэжэ Хь.Е.* Адыгэбзэ. Япэ Iыхьэ. Налшык: «Эльбрус», 1995. 288 н. (*Гяургиев Х.З., Дзасежев Х.Е.* Кабардинский язык. Часть первая. Налчык: «Эльбрус», 1995. 288 с.).
6. *Жылэтежэ С.Хь.* Лшыгъэ зэхэгъэкIыпIэ. Налшык: «Эльбрус», 1983. 184 н. (*Желетежэ С.Х.* Испытание мужества. Налчык: «Эльбрус», 1983. 184 с.).
7. *КIэрэф М.Ж.* Лъэужь е лIэужь. Налшык: «Эльбрус», 2009. 572 н. (*Керефов М.Ж.* Оставит след. Налчык: «Эльбрус», 2009. 572 с.).
8. *КIыцокъуэ А.П.* Хьуэпсэгъуэ нур // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 2. Налшык: «Эльбрус», 2005. 488 н. (*Кешоков А.П.* Чудесное мгновение // Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 2. Налчык: «Эльбрус», 2005. 488 с.).
9. *КIыцокъуэ А.П.* Мазэ ныкъуэ щхьуантIэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 3. Налшык: «Эльбрус», 2005. 752 н. (*Кешоков А.П.* Зеленый полумесяц // Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 3. Налчык: «Эльбрус», 2005. 752 с.).
10. *КIыцокъуэ А.П.* МелыIыч // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык: «Эльбрус», 2006. 552 н. (*Кешоков А.П.* Ангел // Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 5. Налчык: «Эльбрус», 2006. 552 с.).
11. *Къэрмокъуэ М.* Гугъэ // Щихухэр иджыри мэкI. Налшык: «Эльбрус», 1988. 480 н. (*Кармоков М.* Надежда // А тополя все растут. Налчык: «Эльбрус», 1988. 480 с.).
12. *Къэрмокъуэ М.* Лъакъуэ // Гуащхьэмахуэ № 4. 2007. Н. 38–60 (*Кармоков М.* Нога // Ошхамахо. № 4. 2007. С. 38–60).
13. *МафIэдз С.Хь.* Гьыбзэ хуэфаштэ // Тхыгъэ кьыхэхэхэр. Т. 2. Налшык: «Эльбрус», 1995. 444 н. (*Мафедзев С.Х.* Достойные печальной песни // Избранные произведения. Т. 2. Налчык: «Эльбрус», 1995. 444 с.).
14. *Мэзыхьэ Б.* Шыдыгъу // Тхыгъэ кьыхэхэхэр. Налшык: «Эльбрус», 2015. 552 н. (*Мазихов Б.* Конокрад // Избранные произведения. Налчык: «Эльбрус», 2015. 552 с.).
15. *Нало З.М.* Къру закъуэ. Налшык: «Эльбрус», 1981. 398 н. (*Налоев З.М.* Одинокий журавль. Налчык: «Эльбрус», 1981. 398 с.).
16. *Нало З.М.* Дыджым и IэфIыгъэ. Налшык: «Эльбрус», 2012. 368 н. (*Налоев З.М.* Сладость горького. Налчык: «Эльбрус», 2012. 368 с.).
17. *Теунэ Хь.И.* ШыкIэсу къахьа // Тхыгъэ кьыхэхэхэр Налшык: «Эльбрус», 1973. 428 н. (*Теунов Х.И.* Избранные произведения // Налчык: «Эльбрус», 1973. 428 с.).
18. *ЩоджэңцIыкIу А.А.* Тхыгъэхэр. Налшык: «Эльбрус», 2000. 432 н. (*Шогенцуков А.А.* Избранное. Налчык: «Эльбрус», 2000. 432 с.).
19. *ЩоджэңцIыкIу I.У.* Софят и гьатхэ. Налшык: «Эльбрус», 1962. 232 н. (*Шогенцуков А.О.* Весна Софят. Налчык: «Эльбрус», 1962. 232 с.).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРЕЧНЫХ СИНОНИМОВ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Дзуганова Рита Хабаловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ Федеральный научный центр – «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dzug.rita@yandex.ru

В статье впервые подвергаются анализу наречные синонимы в кабардино-черкесском языке. Основной упор делается на выявление особенностей синонимических связей

между производными наречиями, содержащими аффиксы отрицания *мы-*, *-ниэ*. Подобные отглагольные наречия могут совмещать как положительные, так и отрицательные признаки. В таких случаях для определения конкретного смысла серьезным подспорьем являются примеры из художественной литературы. В рамках данной статьи рассмотрены и проанализированы лишь несколько наречных синонимичных групп. Тем не менее, выявленные в статье особенности синонимичных эмоционально-экспрессивных наречий, можно характеризовать как своеобразную группу, заслуживающую особого внимания.

Ключевые слова: синонимы, наречие, усиление, прилагательное, глагол, кабардино-черкесский язык, основа, новые слова.

SOME PECULIARITIES OF ANCIENT SYNONYMS IN KABARDINO-CIRCESSIAN LANGUAGE

Dzukanova Rita Habalovna, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Kabardino-Circassian Language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dzug.rita@yandex.ru

The article first analyzes adverbial synonyms in the Kabardino-Circassian language. The main emphasis is on identifying the features of synonymic relationships between derivative dialects containing affixes of negation of *me-*, *-nshе*. Similar verbal dialects can combine both positive and negative signs. In such cases, literary material is a good help. In the framework of this article, only a few adverbial synonymous groups were considered and analyzed. However, the features of synonymous emotionally expressive dialects revealed in the article can be characterized as a kind of group that deserves special attention.

Keywords: synonyms, adverb, amplification, adjective, verb, Kabardino-Circassian language, stem, new words.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-56-61

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЭМОТИВЫ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Токмакова Мадина Хасанбиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tokmak_madina_h@mail.ru

В данной статье проводится лексико-грамматический анализ глагольных фразеоэмотивов кабардино-черкесского языка. Описаны основные структурно-грамматические модели двухкомпонентных и трехкомпонентных эмотивов, выявлены наиболее продуктивные из них: «имя существительное в именительном падеже + глагол» и «имя существительное в эргативном падеже + глагол» – для двухкомпонентных глагольных фразеоэмотивов; «оформленное имя + неоформленное имя + глагол» – для трехкомпонентных глагольных фразеоэмотивов. Проанализирована возможность словоизменения глагольного компонента исследуемых единиц. Обнаружена специфика двухкомпонентных фразеоэмотивов в основном изменяться по временам, лицам, наклонениям. Выявлено, что носителем основного лексического значения в данных фразеоэмотивах может быть как глагольный компонент, так и именной, обозначающий эмоциональное состояние человека. Также отмечено, что глагольные фразеологизмы могут состоять из элементов, не имеющих эмотивное значение. Установлено, что некоторые исследуемые единицы образуют целые группы, сходные именными компонентами. Показано, что из семи известных семантических классов эмотивов глагольные фразеологизмы составляют пять: эмоциональное состояние, становление эмоционального состояния, эмоциональное воздействие, эмоциональное отношение, внешнее выражение эмоций. Продемонстрировано, что в предложении глагольные фразеоэмотивы в основном выполняют роль сказуемого и обстоятельства.

Ключевые слова: глагольные фразеоэмотивы, лексико-грамматическая характеристика, структурно-грамматические модели, двухкомпонентные, трехкомпонентные, словоизменение.

Эмотивная лексика, предметом исследования которой являются эмоции, составляет одно из актуальных направлений в языкознании. Представляя неотъемлемую часть человеческой личности, эмоции отражают специфику национального языкового сознания. Фразеологизмы, образующие значительный пласт эмотивов, играют в этом важную роль и потому требуют специального исследования, и не только в плане содержания, но и в плане выражения. Фразеоэмотивы формируются языковыми средствами различных уровней, где грамматический выполняет свою существенную функцию [Синельникова 2013: 16]. В данной работе в изучении эмотивных фразеологизмов кабардино-черкесского языка мы будем использовать лексико-грамматический подход.

Лексико-грамматическое значение фразеологизма определяется его отнесенностью к определенной части речи, возможностью выступать в предложении в качестве того или иного его члена. На основе этих показателей ученые проводят лексико-грамматическую классификацию фразеологических единиц. Например, А.В. Кунин фразеологизмы английского языка делит на четыре группы: 1) номинативные фразеологизмы, включающие в свой состав адъективные, субстантивные, вербальные, адвербиальные и предложные; 2) номинативно-коммуникативные;

3) междометные фразеологические единицы и модальные фразеологические единицы немеждометного характера; 4) коммуникативные фразеологические единицы – пословицы и поговорки [Кунин 1996]. Н.М. Шанский выделяет в русском языке глагольные, субстантивные, наречные, адъективные, междометные, модальные, союзные фразеологизмы [Шанский 1963: 29–30]. В кабардино-черкесском языке Б.М. Карданов классифицирует фразеологизмы на глагольные, именные, наречно-обстоятельственные, компаративные и предикативно-коммуникативные [Карданов 1973].

Среди фразеомотивов кабардино-черкесского языка самым многочисленным является глагольный тип, характеризующийся большим разнообразием структурно-грамматических моделей. Анализ их показал, что фразеологизмы рассматриваемого типа представлены в основном двухкомпонентным (*дээр шын* «стесняться кого-л.» (букв. «зубы сводить»), *иццIэнуур иццIэркъым* «не знает, что и делать; в отчаянии», *губжьыр гьэтIысын* «унять гнев» (букв. «гнев посадить»), *вындыпэ егъэIусэн* «приворожить кого-л.» (букв. «кловом грача притронуться»), *ует Iэтын* «рвать и метать» (букв. «собрание поднять») и т.д.) и трехкомпонентным составом (*ицIы фIыцIэжьым егъэIэн* «нагнать страху на кого-л.» (букв. «заставить ухватиться за черную землю»), *Iэ ицIыIэкIэ телэбэн* «дать кому-л. духу» (букв. «рукой холодной до кого-то дотронуться»), *игу дахэ хуэицIын* «утешить, приласкать кого-л.» (букв. «сердце красивым кому-то сделать»), *уафэм бжьакъуэкIэ епыджын* «рвать и метать» (букв. «небо рогами бодать»), *гур дзэпэкIэ Iыгъын* «находиться в тревоге» (букв. «сердце кончиками зубов держать») и т.д.).

Опираясь на структурно-грамматическую классификацию глагольных фразеологизмов, предложенных Б.М. Кардановым [Карданов 1973], можно выделить следующие модели образования двухкомпонентных глагольных фразеомотивов:

1) «имя существительное в именительном падеже + глагол» (*Iэжьэкъур иреч* «рвет и мечет» (букв. «вырывает дышло из саней»), *гур гъэуфIыцIын* «вымотать душу кому-л.» (букв. «сердце сделать черным»), *губжьыр текъутэн* «обрушить гнев на кого-л.» (букв. «гнев разбить обо что-то, об кого-то»), *Iупэр къыхун* «завидовать» (букв. «губы выпали»), *дээр лъын* «злиться» (букв. «зубы точить») и т.д.). Этот и следующий вид эмотивных фразеологизмов наиболее употребляемы в кабардино-черкесском языке;

2) «имя существительное в эгративном падеже + глагол»: *ицхэм иригъэжэн* «принимать близко к сердцу» (букв. «дать пробежать по голове»), *IэфракIэм едзэ-къэжын* «досадовать» (букв. «кусать локти»), *хъэм егъэхьын* «поносить последними словами» (букв. «дать собаке унести»), *гум дыхъэн* «прийтись по душе» (букв. «в сердце вошло»), *бампIэм зэгучын* «сильно волноваться из-за чего-л.» (букв. «тревога разрывает») и т.д.);

3) «имя существительное в послеложном падеже + глагол»: *IэкIэ къехъэкIын* «носить кого-л. на руках», *хъуэнкIэ ицIэгъэнэн* «осыпать кого-л. недостойными словами» (букв. «руганью покрыть»), *нэкIэ пыджэн* «злобно смотреть на кого-л.» (букв. «глазами бодать»), *нэкIэ ихын* «смотреть с обожанием» (букв. «глазами есть»), *гукIэ зыхэицIэн* «почувствовать что-то сердцем» и т.д.);

4) «имя существительное в обстоятельном падеже + глагол»: *мафIэу къызыцIэнэн* «вспыхнуть от гнева» (букв. «огнем зажечься»), *чыну къехуэкIын* «гонять как юлу», *уафэхъуэпскIыу къэлыдын* «разгневаться, разъяриться» (букв. «как молния вспыхнуть»), *мафIэлыгъейуэ къызыцIэнэн* «разгневаться» (букв. «сильным огнем разгореться») и т.д.). Как и предыдущий, данный вид фразеомотивов не так часто используется в кабардино-черкесском языке;

5) «неоформленное имя существительное + глагол»: *хъэаб телъын* «страдать» (букв. «страдание на нем лежит»), *бампIэ къытеуэн* «затосковать» (букв. «тоска на него обрушилась»), *нэпс текIутэн* «оплакивать кого-л.» (букв. «слезы

на него насыпать», *гуццIэгъу хуэццIыи* «жалеть кого-л.» (букв. «сострадание кому-то сделать») и т.д.;

б) «наречие или деепричастная форма + глагол»: *зэгъуду дыхъэшхын* «смеяться до упаду» (букв. «раскальваясь, смеяться»), *кыызэкIуэццIычу гъын* «плакать навзрыд» (букв. «разрываясь изнутри, плакать»), *кыызэрыльэлу дыхъэшхын* «звонко смеяться» (букв. «рассыпаясь, смеяться»), *зичэтхъэжу гъын* «реветь белугой» (букв. «разрывая, раздирая себя, плакать») и т.д.). Как можно видеть по примерам, первый компонент данного вида с экспрессивным значением сочетается, как правило, с эмотивами, обозначающими плач и смех.

Трехкомпонентных глагольных фразеэмотивов меньше в кабардино-черкесском языке. Они подразделяются на следующие модели:

1) «оформленное имя + неоформленное имя + глагол»: *гум фIы ильхъэн* «вселять доброе, хорошее в душу, сердце» (букв. «в сердце хорошее положить»), *уафэм сабэ дрепхъей* «рвет и мечет» (букв. «в небо пыль швыряет»), *гум жыи дихужын* «отлегло от сердца» (букв. «на сердце ветер подул»), *нэм пшагъуэ кыиццIихъэн* «хмуриться, сердиться» (букв. «в глаза туман вошел», (и) *нэм хъуаскIэ кыиццIихын* «метать громы и молнии» (букв. «из глаз искры вылетают»). Это самый продуктивный тип трехкомпонентных фразеэмотивов в кабардино-черкесском языке;

2) «оформленное имя + оформленное имя + глагол»: *цIыр IэгуфэкIэ къэгъэзэн* «быть в отчаянии» (букв. «землю ладонью переворачивать»), *гур дзапэкIэ Iыгъын* «бояться» (букв. «сердце кончиками зубов держать»), *уафэм бжъакъуэкIэ епыджын* «рвать и метать» (букв. «небо рогами бодать»), *цIы фIыццIэжъым цIэгъэлъэдэн* «сжить со света» (букв. «в землю черную загнать»), *псэр лъэдакъэм кIуэжын* «душа ушла в пятки»;

3) «два сочиненных имени + переходный глагол»: *гурэ цхъэрэ гъэтIыльын* «успокоиться» (букв. «и сердце, и голову положить»), *дунейкIи ахърэткIи хуэаррэзын* «быть довольным кем-то» (букв. «в этом мире, и в загробном мире быть им довольным»), *нэрэ нэспрэ зэццIимыхын* «не переставая, долго плакать» (букв. «глаза и слезы не разделять»), *фэи лыи кыитемынэн* «терзаться» (букв. «ни кожи, ни мяса не оставить на нем»), и *гурэ и цхъэрэ зэбгъэжын* «быть недовольным собой» (букв. «упрекаться и сердцем, и головой») и т.д.;

4) «атрибутивное словосочетание + глагол»: *IэмыццIэ фо кыиццIыхъуац* «ему очень понравилось» (букв. «медовой горстью ему показалось»), *нэ IейкIэ еплъын* «злобно смотреть на кого-л.» (букв. «плохим глазом смотреть на кого-то»), *гу уз иIэн* «обладать чувством жалости» (букв. «сердечную боль иметь»), *хъэм и нэмыс хуэмыццIыи* «относиться к кому-л. как к собаке» (букв. «(даже) собачьего уважения не делать кому-л.»), *лыи IэмпIэ кыиццIэмыкIын* «находиться в состоянии гнева» (букв. «малая доля крови из него не выходит») и т.д.

Под «именем» в рассматриваемых видах подразумеваются и существительные, и прилагательные, но в большинстве случаев это все же имена существительные. Фразеэмотивов, состоящих из более трех компонентов, мало в кабардино-черкесском языке: (и) *ныбафэ IэкIэ иIыгъыу къэнэн* «сильно смеяться, надрывать живот» (букв. «живот руками держа, остаться (в таком состоянии)»), *шэхум хуэдэу фагъуэ хъун* «побледнеть от страха, волнения» (букв. «как воск бледным стать»), *пэм мафIэ бзий кърихун* «метать искры» (букв. «из носа языки пламени валят»), *батыргъэн лъабжъэу гум телъын* «лежать камнем не сердце» (букв. «как корень борщевики на сердце лежать») и т.д.

В рассматриваемых фразеэмотивах присутствуют морфологические признаки, свойственные глаголу: категория переходности – непереходности, изменяемость по временам, лицам, наклонениям. Как правило, это характерно для двухкомпонентных фразеэмотивов: *узыгъуэр етын* «дать взбучку» (букв. «боль дать») – *узыгъуэр естынуц* «я устрою ему взбучку», *узыгъуэр кыидитац* «он нам

устроил взбучку», *узыгъуэ естынут* «я бы устроил ему взбучку», *узыгъуэ ет!* «устрой ему взбучку!»; *нэр къыгъэжын* «вытаращить глаза» – и *нэр кърыгъэжашц* «он вытаращил глаза», и *нэр кърыгъэжынуц* «он вытаращит глаза», и *нэр кърыгъэжашц* «он (оказывается) глаза вытаращил» и т.д. Однако, так же как и всем фразеологизмам, глагольным фразеомотивам присуща известная ограниченность в формообразовании, они не могут образовывать все глагольные формы. Так, данные фразеомотивы не могут создавать отрицательные формы, что не исключает существования таких единицы (их немного), которые употребляются только в отрицательной форме с суффиксом *–къым* (*ищIэр ищIэжыркъым* «голова идет кругом» (букв. «что делает сам не знает»), и *сурэт итыжкъым* «на нем нет лица» (букв. «в своей картине (облике) не находится») и с префиксом *мы-*: (*дунейм темыгъэтын* «не давать кому-л. житья» (букв. «на свете не дать находиться»), *дунейм темыхуэжын* «неистовствовать» (букв. «на свете не помещаться» и т.д.). Выбор отрицательного аффикса зависит от финитности-инфинитности глагола.

Общим для всех исследуемых фразеомотивов является тот факт, что глаголы составляют их грамматический центр, в то время как основное лексическое значение может выражаться как глагольной частью, так и именной. Приведем примеры: *бэмплэн* «гневаться, злиться» – *сур бэмплэн* «негодовать» (букв. «сердце гневается, злится»), *дыхъэишын* «смеяться» – *зэкIуэцIытхъуу дыхъэишын* «заразительно смеяться» (букв. «разрываясь, смеяться»), *къызэкIуэкIын* «разгневаться» – *IэлфIыцIэу къызэкIуэкIын* «рвать и метать» (букв. «как черное дикое животное разгневаться»), *къэлыдын* «рассердиться» – *уафэхъуэпскIуу къэлыдын* «разъяриться» (букв. «как молния вспыхнуть»), *къызэфIэзэрыхъын* «растрогаться» – *тэмакъыр къызэфIэзэрыхъын* «расстроиться; быть готовым расплакаться» (букв. «горло запуталось (запершило)») и т.д. В подобных фразеомотивах основную смысловую нагрузку несет глагол, обозначающий определенную эмоцию, усиливающуюся в составе устойчивого выражения.

Шынэ «страх» – *шынэ къэцтэн* «испытывать все время страх» (букв. «страх взять»), *хъэзаб* «мучение» – *хъэзаб тельын* «мучиться, страдать» (букв. «мучение на нем лежит»), *укIытэ* «стыд» – *укIытэм ихъын* «сгореть со стыда» (букв. «мучение его уносит»), *бэлыхъ* «мука» – *бэлыхъ ецIэкIын* «ввергнуть кого-л. в трудности, заставить мучиться» (букв. «муки вокруг кого-л. возвести»), *губжь* «гнев» – *губжьыр теун* «успокоиться, перестать сердиться» (букв. «гнев успокоился») и т.д. Приведенные примеры демонстрируют фразеомотивы, основное лексическое значение которых выражается именной частью, несущей эмотивный смысл. По данным примерам мы наблюдаем зависимость основного лексического значения фразеомотивов от носителя эмотивного значения: если эмотивом является именная или глагольная часть связанной единицы, то, соответственно, выражение основного лексического значения выпадает на имя или глагол.

Среди фразеомотивов кабардино-черкесского языка есть и такие, которые отличаются от упомянутых выше групп, так как ни один из составляющих элементов не является носителем эмотивного значения. Подобных немало в кабардино-черкесском языке. Некоторые из них возникли в результате описания мимики, жестов, движений, которые обычно сопровождают выражение определенных эмоций. Впоследствии эти выражения приобретают эмотивное значение: *лупэр гъэпIиш* «обидеться» (букв. «губы оттопырить»), *IэштIым хуэцIын* «пригрозить кому-л.» (букв. «кулак сделать кому-л.»), *Iэбэмэ лъэмыIэсыжын* «сожалеть о чем-л.» (букв. «протягивать руку к чему-л. и не доставать»), *ицхъэм епхъуэжын* «отчаяться» (букв. «схватиться за голову»), *ицхъэцыр къифыцIыкIыжын* «убиваться по какому-л. поводу» (букв. «волосы на голове себе вырывать») и т.д. Сюда же можно отнести фразеологизмы, которые, сохраняя буквальное лексическое значение, вместе с тем выражают эмоциональное состояние человека: *цIыплъ хъун* «залиться румянцем, покраснеть», *ицхъум хуэдэу фагъуэ хъун* «побледнеть

как воск» и т.д. Приведем примеры из художественной литературы: *Хьэбибэ и нлэм имыкгыжыфу итт, и фэр шэхум хуэдэу пыклауэ, Апчарэрэ Иринэрэ шынауэ унэм кыицлэкгыртэкъым* [Кышчокъуэ 1985: 291]. «Хабиба, не в силах сойти с места, стояла, **побледнев как воск**, Апчара и Ирина, испугавшись, не выходили из дома». *Апхуэдэ екуэкунишагъэм зэригъэгубжъар хуэмыбыццлү цыпль къэхуаиц хьыджэбзыр* [Клэрэф 2009: 398]. «Не в состоянии скрыть гнев, вызванный подобной бесцеремонностью, девушка **покраснела**». Из контекста становится ясно, при каком эмоциональном состоянии происходит изменение в цвете лица человека. Частое использование авторами подобных фразеологизмов в произведениях объясняется возможностью передавать наибольшую степень концентрации переживаемых чувств героев.

Большой эмоциональной интенсивностью, на наш взгляд, обладают и фразеологизмы, имеющие образное значение, сопоставляющее выражаемое эмоциональное состояние с каким-л. явлением, предметом и т.д.: *лугъуэ кыицлэхын (нэм)* «смотреть со злостью» (букв. «дым валит (из глаз)»), *цыжьбанэу зызэрыгъэпцхьэн* «замкнуться» (букв. «как ёж свернуться»), *шэрэзыр кыидзын* «разозлиться» (букв. «жало выкинуть»), *уэсыкхуэ къэгъэхъеин* «расжечь скандал» (букв. «лавицу привести в движение»), *тхуэ цыхуээн* «сделать кому-л. приятное» (букв. «маслом кого-то помазать») и т.д.

Следует отметить, что некоторые глагольные фразеомотивы имеют сходные именные компоненты, среди которых абсолютное большинство составляют фразеологизмы с *гу* «сердце» [Токмакова 2012], а также *нэ* «глаза» [Токмакова 2016], *псэ* «душа» [Токмакова 2016], *цхьэ* «голова» [Токмакова 2016], это продемонстрировано в специальных статьях. Что касается остальных связанных единиц, среди них имеются и собственно эмотивы (*нэпс* «слезы», *бамнлэ* «1) тоска; 2) гнев», *бэлыхь* «беда, горе»; «муки, терзания», *гужъеиэгъуэ* «страх, ужас», *гузэвэгъуэ* «несчастье, горе» и т.д.), и нет (*фэ* «кожа», *мафлэ* «огонь», *нэцхь* «взгляд», *тэмакь* «горло», *лунэ* «губа» и т.д.). Приведем примеры: *бамнлэ гъэвын* «переживать что-л.» (букв. «тоску переживать»), *бамнлэ дэхын* «утешить кого-л.» (букв. «тоску вынести»), *бамнлэ кыитеуэн* «загрустить, затосковать» (букв. «тоска напала»), *бамнлэм зэгучын (зэгучудын, зэгучтхьын)* «очень сильно страдать, волноваться из-за чего-л.» (букв. «тоска (гнев) разрывает (раскалывает)»), *бамнлэм ихьын* «истосковаться» (букв. «тоской (гневом) унести»), *бамнлэр текъутэн* «сорвать, выместить на ком-л. злость, гнев» (букв. «злость обрушить»), (*и*) *бамнлэр тлысын* «пройти – о тоске (гневе)» (букв. «гнев сел») и т.д.; *нэцхьклэ пьджэн (уэн)* «бросать суровый взгляд на кого-л.» (букв. «взглядом бодать (ударить)»), *нэцхьыр зэлылхын (зэлылхын)* «проясниться (о лице)» (букв. «взгляд убрать (прибрать)»), *нэцхьыр зэхуээн (зэхуэлэн, зэхуэфэн)* «намуриться, насупить брови» и т.д. Как мы можем наблюдать, в некоторых случаях с одним именным компонентом могут сочетаться разные глаголы, которые, не меняя значения всего выражения, представляют его варианты.

Семантическая классификация русских эмотивов, предложенная Л.Г. Бабенко [Бабенко 1989: 71–82], характерна и для исследуемого языка. Из семи существующих классов глагольные фразеомотивы участвуют в образовании пяти:

1) эмоционального состояния субъекта (*хьэзаб телъын* «мучиться, страдать» (букв. «мучение лежит»), *гур дзапэлэ Игыын* «находиться в тревоге» (букв. «сердце кончиками зубов держать»), (*и*) *цхьэр и жагъуэн* «быть в плохом, подавленном настроении» (букв. «своя голова себе неприятна»), *цхьэр зехьэн* «быть в отчаянии» (букв. «голову носить»), (*и*) *псэм тешыныхьын* «бояться за свою жизнь» (букв. «за свою душу бояться») и т.д.;

2) становления эмоционального состояния: *бамнлэ кыитеуэн* «загрустить» (букв. «тоска напала»), *гур кыизэфлэзэрыхьын* «расстроиться, опечалиться» (букв. «сердце запуталось»), *и гъын кьэклуэн* «расстроиться до слез» (букв. «плакать

пришло (захотелось)»), *уафэхуэпсклыу кэлыдын* «разгневаться, разъяриться» (букв. «молнией вспыхнуть»), *лунэр гьэплуин* «обидеться» (букв. «губы оттопырить») и т.д.;

3) эмоционального воздействия: *ныбафэ кыыхуэмыгьээнэн* «вызвать у кого-л. сильный хохот» (букв. «живота не оставить кому-л.»), *(и) гьын кьэггэклуэн* «вызвать у кого-л. слезы, расстроить кого-л.» (букв. «плакать кого-то заставить»), *псэр гьэгуфлэн* «порадовать кого-л.» (букв. «порадовать душу кому-л.»), *гур гьэгуфлыцлын* «вымотать душу кому-л.» (букв. «сердце сделать черным (обуглить)»), *псэр лухын* «нагнать страху на кого-л.» (букв. «душу унести») и т.д.;

4) эмоционального отношения: *гур цлэггун* «жалеть кого-л., сострадать кому-л.» (букв. «сердце по кому-нибудь сохнет»), *дзэр хуэлъын* «точить зубы на кого-л.», *фэжагьуэ еплъын* «питать неприязнь к кому-л.» (букв. «с чувством неприязни смотреть на кого-либо»), *гур цыхуэн* «насладиться кем-чем-л.» (букв. «сердце об кого-то помазать»), *нэ лейклэ еплъын* «неприятно относиться к кому-л.» (букв. «плохим глазом смотреть на кого-либо») и т.д.;

5) внешнего выражения эмоций: *нэпс цлэггэклын* «плакать» (букв. «слезы выпустить»), *хьэдагьэ цлын* «сильно плакать, горевать» (букв. «оплакивание сделать»), *хьэкьугь кышыын* «вопить» (букв. «собачий вой выводить»), *ныбафэр илыгьыу дыхьэшхын* «надирать живот от смеха» (букв. «живот держа, смеяться»), *пацлэм цлэдыхьэшхыклын* «ухмыляться» (букв. «из-под усов усмехаться») и т.д.

Что касается синтаксической роли глагольных фразеомотивов, то в предложении они обычно выполняют функцию сказуемого, занимающего постпозиционное расположение по отношению к подлежащему, и функцию обстоятельства. Приведем примеры: *Къазджэрий и гур клуэдынат: сэ сызыщыгугьа, мыр кызырэщлэкла, жилэу и бгьэгум еуэж цхьэклэ, нейлэмал* [Кыщокбуэ 1984: 664]. «Казджарий **совсем упал духом**: на что я надеялся и как на деле все оказалось, говорил он, ударяя себя в грудь, однако ничего нельзя было изменить». (*Щалэр и адэм цхьэклэ*.) *Езыми хуабжьу и нэ кьокл икли зэуоп си ныкьуэ и мыуасэхэм тхьупсыр кьрагьэжэх жери* [Журт 1987: 148]. «(Парень про своего отца:) Сам он очень хочет и возмущается, тех, кто и половины моей не стоит, **вовсю расхваливают**, говорит». *Болэти ахэм (сабийхэм) яклэлыплът и гур хэхьуэу* [Дыгьужь 2011: 80]. «Болат за ними (детьми) наблюдал, **испытывая душевный подъем**». *Бийр хьийм иклауэ сентябрым и 29-м кьобгьэрыклуац* [Нало 1990: 122]. «Враги **неистово** 29 сентября атаковали».

Подводя итоги, отметим, что самыми многочисленными в кабардино-черкесском языке являются глагольные фразеомотивы, которые по структурно-грамматическому составу в основном двухкомпонентные и трехкомпонентные. Каждой структуре свойственны свои модели образования, среди которых выделяются наиболее продуктивные. Грамматическая соотнесенность с глаголом проявляется в наличии у глагольных фразеомотивов категории переходности – непереходности, способности изменяться по временам, лицам, наклонениям. Это характерно в основном для двухкомпонентных единиц. Однако глагольная парадигматика заметно ограничена во фразеологизмах.

В данных фразеомотивах носителем основного лексического значения может быть как глагольный компонент, так и именной, обозначающий эмоциональное состояние человека. Глагольные фразеологизмы также могут состоять из элементов, не имеющих эмотивное значение. Некоторые исследуемые единицы образуют целые группы с идентичными именными компонентами. Из семи известных семантических классов эмотивов глагольные фразеологизмы составляют пять: эмоциональное состояние, становление эмоционального состояния, эмоциональное воздействие, эмоциональное отношение, внешнее выражение

эмоций. В предложении глагольные фразеомотивы в основном выполняют роль сказуемого и обстоятельства.

Источники и литература

1. *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. 184 с.
2. *Дыгъужь Къу.* Щымахуэ лэгъупыкъу. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс тхыль тедзапэ, 2011. 176 н.
3. *Журт Б.* Адэжь лъапсэ. Налшык: Эльбрус, 1987. 188 н.
4. *Карданов Б.М.* Фразеология кабардинского языка. Налчык: Эльбрус, 1973. 248 н.
5. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996. 381 с.
6. *Клэрэф М.* Лъэужь е лъэужь: повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налчык: Эльбрус, 2009. 572 н.
7. *Клыщокъуэ А.* Мазэ ныкъуэ щхъуантэ // Тхыгъэхэр томиплым щызэхуэхъэсауэ. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 1984. Н. 499–853.
8. *Клыщокъуэ А.* Нал къута // Тхыгъэхэр томиплым щызэхуэхъэсауэ. Т. 3. Налшык: Эльбрус, 1985. Н. 207–404.
9. *Нало А.* Нэхуш шу. Налшык: Эльбрус, 1990. 359 н.
10. *Синельникова И.И.* Эмотивные фразеологизмы французского языка в полевом аспекте. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. 188 с.
11. *Токмакова М.Х.* Влияние культурных концептов на эмотивную лексику кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57). Ч. 2. С. 157–160.
12. *Токмакова М.Х.* Концепт «глаз» в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58). Ч. 3. С. 148–151.
13. *Токмакова М.Х.* Концепт «псэ» в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58). Ч. 2. С. 165–167.
14. *Токмакова М.Х.* Слово гу «сердце» в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. Налчык: Издательский отдел КБИГИ, 2012. № 1 (19). С. 84–88.
15. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1963. 156 с.

VERBAL PHRASEOEMOTIVES KABARDINO-CIRCUSIAN LANGUAGE

Tokmakova Madina Hasanbievna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tokmak_madina_h@mail.ru

This article provides a lexical and grammatical analysis of verbal phraseological expressions of the Kabardino-Circassian language. The basic structural and grammatical models of two-component and three-component emotives are described, the most productive of them are identified: «a noun in the nominative case + verb» and «a noun in the ergative case + verb» – for two-component verb phrases; «Filled out name + unformed name + verb» – for three-component verb phraseoemotives. The possibility of inflection of the verb component of the studied units is analyzed. The ability of basically two-component phraseological expressions to change in time, person, mood is found. It has been revealed that the carrier of the main lexical meaning

in these phraseoemotives can be either a verb component or a nominal one, indicating the emotional state of a person. It was also found that verbal phraseological units can consist of elements that do not have emotive meaning. It was found that some units under study form entire groups similar to nominal components. It is shown that of the seven known semantic classes of emotives, verbal phraseological units make up five: emotional state, formation of an emotional state, emotional impact, emotional attitude, external expression of emotions. It is demonstrated that in the sentence verb phrasemoemotives mainly play the role of the predicate and circumstances.

Keywords: verbal phraseological expressives, lexical and grammatical characteristics, structural and grammatical models, two-component, three-component, word inflection.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-62-69

ПОЭМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ИСХАКА МАШБАША: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА

Баков Хангери Ильясович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

В статье рассматриваются поэмы Исхака Машбаша с целью выявления особенностей их композиционного строения, новаторства в области поэтики, места данного жанра в творчестве плодотворного поэта и писателя. Кратко излагаются наблюдения над эволюцией жанра поэмы, путями его становления в младописьменных адыгских литературах. На протяжении долгого пути эволюции представления о данном жанре претерпевали изменения, трансформировалась и сама поэма. В творчестве И. Машбаша, автора пятнадцати произведений данного жанра, это не могло не найти своего отражения. Событийной основой его поэм явились реальные события, сюжеты народных сказаний и песен. В статье на основе анализа некоторых поэм выявляются тенденции постепенного «освобождения» современного поэта как индивидуального творца от фольклорных стереотипов и освоении им новых принципов реалистического письма с творческим использованием богатой устнопоэтической традиции. Рассмотренный материал позволил сделать вывод о новаторстве поэта в создании оригинальных модификаций поэмы, благодаря чему происходит диффузия жанров. В них иногда одновременно использованы некоторые элементы лирики, эпоса и драмы. В поэме «Память» автор органично вплетает в художественный текст реальные документы. Творческие искания поэта бесспорно обогатили национальную литературу.

Ключевые слова: жанр; традиция; сюжет; эволюция; принципы историзма; лирические поэмы; драма; литературный процесс; анализ; дискуссия.

Поэма – один из древних жанров, имеющий многовековую историю. Парадокс заключается в том, что до сих пор в теории нет его общепринятого и обоснованного определения с указанием четких принципов функционирования в литературном процессе. Не удовлетворяет и расшифровка греческого слова «поэма», легшего в основу термина. В энциклопедическом словаре «Эстетика. Теория литературы» приводится следующее определение: «Поэма – произведение, сочинение – лирико-эпический жанр литературы» [Эстетика 2003: 313], а в «Словаре литературоведческих терминов» «поэма» означает – творить, творение – большая форма лиро-эпического жанра, с сюжетно-повествовательной организацией, повесть или роман в стихах» [Словарь литературоведческих терминов 1974]. Другие специальные справочные издания не приносят ясности в разрешение проблемы. Во-первых, не все ясно с этимологией, и это не столь важно, но, что за понятие «повесть в стихах»? Есть вопросы к определению содержания и, особенно, к объему жанра. Не очень научны определения «большое по объему стихотворное произведение», «большое многочастное стихотворное произведение» и т.д. В теории прижилось определение «жанры крупной прозы» относительно повести, романа, но вопрос о поэме ждет своего убедительного решения.

Вполне естественно, что на протяжении долгого пути эволюции разновидности жанра растут, обогащаются форма, тематика, мотивы и т.д. В литературах,

которые принято обозначать понятием *младописьменные* или *новописьменные*, жанр как бы постепенно «освобождается» от фольклорных стереотипов, переносится из народной поэтической традиции колорит родной этнокультурной традиции.

Несмотря на дискуссии по терминологии, поэма занимает огромное место в мировом литературном процессе XIX–XX вв., в том числе и в русской классической и советской литературах, а через них жанр поэмы получил «права гражданства» в младописьменных литературах Северного Кавказа и Дагестана, Поволжья и Севера. Здесь надо особо отметить благотворное влияние знаменитых поэтов А. Пушкина и М. Лермонтова, авторы которых ввели кавказскую тематику в русский и мировой литературный процесс. Овладение жанром поэмы, то есть большой поэтической формы, стало одним из показателей становления и профессиональной зрелости молодой национальной литературы.

На начальном этапе становления младописьменных литератур народов Северного Кавказа в них уже в первые десятилетия становления (20–30 гг. XX в.) зарождается и функционирует жанр поэмы, но в произведениях авторов данного периода доминировали фольклорные сюжеты. В адыгских литературах исключение составляет творчество классика кабардинской поэзии Али Асхадовича Шогенцукова, поэмы которого («Мадина», «Зимняя ночь», роман в стихах «Камбот и Ляца» и др.) свидетельствуют о высокой степени индивидуального авторского начала, которому полностью подчинены устнопоэтические традиции.

Исхак Машбаш пришел в литературу в 50-е годы, когда в поэмах региона возрастает роль субъективного начала, становится богаче их тематика, национально-неповторимое постепенно уходит в идейно-художественную структуру произведения, в его проблематику и содержание, меняются принципы отображения действительности. Эти процессы носят типологический характер в литературах Северного Кавказа, которые в 60–70-е годы интенсивно взаимодействуют, о чем подробно пишет Ч.С. Юсупова [Юсупова 2010].

Из-под пера И. Машбаша вышло около пятнадцати поэмов, почти все они переведены на русский язык И. Курлатом, В. Твороговой, В. Тушновой, Большинство из них опубликованы в книге избранных произведений поэта, изданной в Москве в 1988 году. Не переведена на русский язык первая поэма – «Цыф лъэшьхэр» («Сильные люди»), вышедшая на адыгейском языке отдельной книгой в Майкопе в 1953 году. На русском языке опубликованы поэмы: «Гром в горах», «Поэма о первой любви», «Адиюх», «Перекасти поле», «Море», «Песня», «Память», «Невестка», «Сказание об огромном быке, о чабане-великане, о женщине-горянке и о ее маленьком сыне», «Три охотника», «Сказка о кузнечиках, об их пропавшем царе и мудрой зайчихе», «Сказка о грозном льве, повелителе всех зверей и о старом дровосеке», «Огненный всадник».

Большинство поэмов И. Машбаша основано на сюжетах адыгских сказаний, легенд, обогащенных авторскими находками. В отличие от произведений первого поколения адыгских поэтов и писателей, авторы которых не выходили за рамки эстетики фольклора, И. Машбаш одним из первых освоил принципы реализма. Особо следует отметить оригинальные приемы сюжетостроения, создания образов, использование новых изобразительно-выразительных средств.

Анализ поэмов И. Машбаша позволяет проследить особенности и закономерности эволюции этого жанра в адыгском литературном процессе.

Переходя к анализу лиро-эпических поэмов, необходимо уделить особое внимание поэме «Море», созданной много лет назад. Во-первых, это одно из первых произведений, посвященных запретной в то время теме Кавказской войны. Во-вторых, с написания этой поэмы данная тема становится одной из магистральных в творчестве И. Машбаша. Достаточно назвать известные широкой публике исторические романы И. Машбаша «Лазутчик», «Два пленника», «Жернова», «Хан-Гирей», «Изгнание», «Чужие среди чужих», посвященные «Жестокому веку» (название одной

из четверых книг литературоведа Аллы Цукор об исторических романах И. Машбаша). В этих романах историзм достиг невиданных в младописьменных литературах всего региона высот, но его эволюция началась еще в лирике И. Машбаша и в поэме «Море». Вполне закономерно, что принципы историзма полнее и разнообразнее проявляются в крупной прозе, особенно в исторических романах.

Принципы историзма используются в известной мере и в поэзии, но они не столь наглядны как в прозе. В поэмах И. Машбаша историзм занимает более значительное место. Как отмечал ученый-литературовед, исследователь творчества И. Машбаша К.Г. Шаззо о поэмах «Гром в горах», «Море», «Песня», «Память», главная их черта, как и всего, что создано писателем – историзм. Они – об адыгской жизни, о давней и не столь давней истории народа. В них оживает история... Поэмы раскрывают непрерывное движение времени от века минувшего до наших дней... Поэмы образуют своеобразную летопись жизни народа, историческую хронику... Если речь идет о судьбе даже отдельной личности, одного человека, И. Машбаш думает о ней в связи с судьбой всего народа, с процессами, присущими всей эпохе... [Шаззо 1991: 143]. Исследователь приводит убедительные аргументы, подтверждающие историзм поэм И. Машбаша – «признаки эпохи», «непрерывная связь изображаемого и времени», «достоверность исторической хроники» и др. Обратимся к поэме «Море», которая вышла в русском переводе в Москве даже раньше, чем оригинал.

В литературном процессе сейчас несколько дефиниций жанра, которые отчасти очевидны и на примере поэм И. Машбаша. К какому типу отнести поэму, имеются разные точки зрения ученых. К.Г. Шаззо относит произведение к разновидности лирических поэм, ссылаясь на мнение Х. Тлепчерше, но с дополнением, что в поэме ощутим сюжет и повествовательность. Действительно, сложно определить тип данной поэмы, и известный ученый во многом прав, но во времена создания машбашевского «Моря» чисто лирические поэмы даже в русской поэзии были на периферии внимания, не говоря уж о младописьменных литературах. Лирическая поэзия в русской литературе вышла на новый художественный уровень, получила «второе дыхание» благодаря творчеству поколения поэтов-шестидесятников (Евтушенко, Вознесенский, Рождественский и др.). Чуть позднее этот процесс стал очевидным и в литературах народов Северного Кавказа. В поэме «Море» в известной мере есть лирическая струя, поэтому произведение относят к жанру «лиро-эпической поэмы» (Х. Тлепчерше; Ч. Юсупова). Мы тоже придерживаемся этого мнения, но заметим, что более полнокровно лирика присутствует в поэмах, созданных И. Машбашем позже.

Необходимо еще отметить одну особенность поэмы «Море» И. Машбаша: в ней трагизм является основным мотивом, автор апеллирует к элементам драматического вида, в частности, диалогу, риторическим вопросам, обращениям к читателю. Они имеют место также во многих стихотворениях данного автора. Эти приемы перешли впоследствии и в исторические романы И. Машбаша.

Вопрос о жанровых модификациях, их соотношениях с лирикой, эпосом и драмой довольно сложный. Жанровая система, хотя и медленно, но меняется исторически. Это происходит от перемен, происходящих в жизни и под влиянием ярких творческих индивидуальностей, расширяющих границы жанров, а эти границы между жанрами зачастую зыбкие. Известный литературовед И.Л. Гринберг утверждает, что у одного автора могут быть элементы всех трех родов литературы: «Ведь бывает же так, что один и тот же поэт соединяет даже лирику, эпос, а то и драму. О том свидетельствует опыт Александра Твардовского и Николая Тихонова, Владимира Луговского и Юстинаса Марцинкявичюса» [Гринберг 1975: 9]. В подтверждение мыслей критика мы нашли такое явление в кабардинской литературе при исследовании творчества Бориса Утижева [Баков 2010: 329–338]. Отчасти это явление имеет место и в творчестве И. Машбаша.

Исследователь Ч. Юсупова в своей монографии предлагает следующую градацию: «Лирико-эпическая поэма», «Фольклорно-героическая поэма», «Лирико-драматическая поэма». Во вступлении к главе о лирико-драматической поэме автор пишет: «...лирико-эпическая поэма таит в себе неограниченные способности создания всевозможных видов и образований и разнообразнейших жанровых модификаций вплоть до новых оригинальных форм со своими и признаками. Так отпочковался от лирико-эпической поэмы и живет своей жизнью и своими законами самостоятельный, своеобразный жанр, именуемый в литературе то лирико-драматической, то драматической поэмой, то поэмой-драмой, жанр, в котором в сложном синтезе сошлись лирические, эпические и драматические начала» [Юсупова 2010: 219]. Не со всеми доводами автора можно согласиться, но мы привели эту длинную цитату, содержание которой свидетельствует о том, что процесс создания новых модификаций поэмы еще далеко не завершен.

Ч. Юсупова считает, что определения «драматическая поэма», «лирико-драматическая поэма», «поэма-драма» не имеют существенных различий, по сути характеризуют одно и то же. На наш взгляд, их можно условно именовать как «лирико-драматическую поэму», к которой близка поэма И. Машбаша «Море». Ч. Юсупова не без основания называет среди тех, кто выступает в этом жанре, И. Машбаша [Юсупова 2010: 224, 246, 251]. Анализируя поэмы дагестанских авторов, Ч. Юсупова продолжает: «Многими сторонами способа изложения, подачи материала и решения приближаются к драматическим структурам и поэмы И. Машбаша «Море», «Гром в горах» и Д. Дарчиева «Чинара Дзараха». Две из них – «Море» И. Машбаша и «Чинара Дзараха» – сходны между собой и по тематике и по своему большому трагическому содержанию». Далее она выделяет данных поэтов из ряда других: «Трагедийность вносит особые качества и свойства в лирико-драматическую форму северокавказской поэмы. Различия между рассматриваемыми поэмами-драмами и поэмами И. Машбаша и Д. Дарчиева заключены прежде всего в характере и особенностях самого драматического действия» [Юсупова 2010: 251–252]. Трудно возразить автору.

Обратимся к тексту, чтобы аргументировать мысли о новаторстве И. Машбаша и своеобразии сюжета поэмы «Море». Автор начинает с изображения стихии моря:

*Вспыхнула, вздрогнула гладь серебристая,
Затрепетала, как будто от горя.
Волны метнулись в уступы скалистые,
Море проснулось, разгневалось море.*

(Пер. В. Тушновой)

Уже во второй строфе лирический герой хочет вступить в диалог с персонализированным морем и просит того остановить его «разбойный набег» на берег и послушать, ведь с ним «говорит человек!». Лирический герой обращается к морю:

*На два вопроса ответа прошу я:
Море, ответь, отчего ты так горько?
Море, скажи, что так солоно ты?
Что приключилось, не знаю, но только
Сделались волны прозрачно чисты.*

Море «вспоминает», как сто лет назад в нем трагически погиб человек. Лирический герой дополняет этот рассказ историей исхода черкесов в Османскую Империю после Кавказской Войны, когда мнения людей аула разделились на два лагеря, одна во главе с эфенди Лауко Черным за эмиграцию в единоверную

Турцию, а другая, несмотря на страх перед колонизаторами, хочет остаться на родине. Оба решения не сулят ничего хорошего. В семье Казбеча и Шамсет, центральных героев поэмы, мнения разделились.

*Женщина горло сжимает рукою,
Горькие слезы обиды глотает,
Узел волос распустился, рекою
Черные косы на спину летают.*

И природа дополняет трагизм людей, вынужденных покинуть родину: «...ху-денский месяц глядит сиротливо, нынче в ауле – ни смеха, ни песни... Край адыгейский окутала тьма, черною буркой, тяжелою тучей» и т.д.

Поэт использует «сдвиг времени». Он переносит события, происходящие то на родине, то на чужбине. Русский офицер Петр Петрович называет своей сестрой Шамсет. Проходит время, поэт рисует иные времена. На родине звучит другая песня, не похожая на песню исхода в Стамбул. Море спрашивает: «Кто так поет? – Внуки Казбича поют», – отвечает лирический герой. Как видим, в поэме «Море» встречаются элементы драмы, которые позволяют считать ее лирико-драматическим произведением.

И. Машбаш еще в 1959 году в книге «О тебе я пою» опубликовал поэму «Гром в горах», сюжет которой основан на событиях, которые происходили во время Великой Отечественной войны. В адыгейском ауле при приближении фашистов весь колхозный скот по указанию председателя Ильяса угнали в горы. Фашисты захватили аул и начали устанавливать свой порядок. Нашли и предателя – Магмета, которого обязали вернуть угнанный скот. Дезертир Магмет до прихода немцев зашел к Нурджан, матери Меджида, и заявил, будто проезжал с полком и зашел ее проведать. Писатель наделил ее образ лучшими чертами национального характера адыгов. Скромная женщина не поддавалась уловки предателя, проявила непомерную волю и мужество. Другая женщина, Шамсет, даже под пытками не выдала место нахождения колхозного добра.

Ч. Юсупова правомерно считает образ Шамсет важным в творчестве поэта, «...являющимся выразителем авторской поэзии. Все сказанное ею, вся логика ее чувств и мыслей совпадает при сопоставлении с переживаниями и миропониманием автора, но вместе с тем образ Шамсет выражен и в наиболее яркой и развитой драматургической структуре, раскрывает себя непосредственно в действиях, поступках, диалогах, репликах... Характер дан в развитии и напряженной динамике. Личная драма Шамсет, узел ее трагической коллизии заключен именно в сущностных чертах ее характера, в логике ее внутренних состояний и чувств» [Юсупова 2010: 258].

Драматические элементы более наглядны и в поэме «Память». В ней органично переплетены принципы эпоса, лирики и драмы. Она посвящена Герою Советского Союза, поэту Хусену Андрухаеву, и это посвящение вынесено в эпиграф.

Поэма «Память» – одно из лучших произведений, посвященных легендарному герою Великой отечественной войны Хусену Андрухаеву. Данная поэма оригинальна по своей модификации, композиции, сюжету. Именно в ней наиболее очевидно «обогащение» поэмы элементами и принципами других жанров. Хотя И. Машбаш не был знаком с Х. Андрухаевым, он считает его братом, о чем заявляет в начале поэмы:

*– Ты – мой брат! Ты – мой старший и младший брат.
И, когда я мальчишкой играл в войну,
Ты ушел – заслонить собою страну.
Ты ушел, чтоб уже не прийти назад.*

(Пер. В. Твороговой)

Главная идея произведения – сохранение памяти о тех, кто отдал свою жизнь за народ, за родину. Среди нравственных исканий память занимает значительное место. Поэт доводит понятие памяти до статуса символа. Форма обращения становится важным приемом формирования сюжета. Диалоги между автором, лирическим героем, главным персонажем, речкой Шехурадж, временем, также играют значительную роль в произведении.

В поэме идет «переключка» трех поэтов: Х. Андрухаева, В. Маяковского и И. Машбаша. В своей поэме И. Машбаш оригинально использовал слова из стихов Х. Андрухаева, обращенные молодым поэтом к своему кумиру В. Маяковскому, а вернее к портрету великого поэта на стене:

*«Меня учил ты мужеству и силе,
И так хочу я быть таким, как ты,
Чтоб и мои стихи врага разили,
А другу не жалели доброты.*

*И пусть твои стихи плечом к плечу
Стоят в строю с моим стихотвореньем.
В четвертой главе поэмы следует обращение к пуле:
О, пуля, погоди, застынь, замри!
Пусть враг увидит, мертвый и живой,
Как алый флаг простреленной зари,
Горит над несклоненной головой.
В следующей строфе обращение «переходит» к солнцу:
О солнце, ты прорвись сквозь черный дым,
Чтобы его запомнить молодым!
И пусть не догорит много лет
Тот кровью истекающий рассвет...*

Как видим из приведенных строк, И. Машбаш использует оригинальные образительно-выразительные средства, которые помогают ему воссоздать образ поэта Х. Андрухаева, будущего героя.

Смелым и вполне мотивированным нарушением всех канонов жанра является то, что автор включил в текст часть подлинных документов, посвященных Х. Андрухаеву, которому первым из советских писателей, а также представителей кавказских народов, было присвоено звание Героя Советского Союза. Эти документы автор взял из газеты «Правда» и из воспоминаний Героя Советского Союза Николая Ильина (после гибели Х. Андрухаева его снайперская винтовка досталась именно ему, а после его гибели, этой винтовкой разил врага Афанасий Гордиенко, символом дружбы стала эта винтовка, с которой воевали по очереди адыг Х. Андрухаев, русский Николай Ильин и украинец Афанасий Гордиенко. Винтовка хранится сейчас в Музее Вооруженных сил СССР).

Использование документов было испробовано И. Машбашем в этой поэме, ставшей новаторской в адыгской поэзии, не только этим, но и расширением границ жанра поэмы, ее обогащением принципами других жанров. Тяга к документальности получила развитие и широкое применение в известных исторических романах И. Машбаша, созданных впоследствии.

У поэта есть и другие поэмы, связанные с сюжетами адыгского фольклора, богатого легендами, историческими песнями, они ждут своего исследователя.

Источники и литература

1. Баков Х.И. Борис Утижев: поэт, писатель, драматург. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 344 с.

2. Гринберг И.Л. Три грани лирики: современная баллада, ода и эллегия. М., 1975. 408 с.
3. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
4. Шаззо К.Г. Ступени. Исхак Машбаш: жизнь и творчество. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. 237 с.
5. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов / Юрий Боров; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. М. Горького, Независимая акад. эстетики и свобод. искусств. М.: Астрель: АСТ, 2003. 575 с.
6. Юсупова Ч.С. Жанр поэмы в литературах народов Дагестана и Северного Кавказа. Махачкала, 2010. 394 с.

POEM IN THE CREATION OF ISHAK MASHBASH: FEATURES OF THE GENRE

Bakov Khangeri Ilyasovich, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Kabardino-Circassian literature Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

The article discusses the poems of the outstanding poet and writer Ishaq Mashbash in order to identify the features of their compositional structure, new modifications of the genre. The introductory part briefly describes the history of the evolution of the poem genre in the literary process and the ways of its appearance and development in young Adyghe literature. The paper presents the discrepancies of scientists to determine the genre of the poem and its principles. At the same time, it is undoubtedly the fact that over the long path of evolution the varieties of the poem grow, which also takes place in the work of Ishaq Mashbash. I. Mashbash is the author of fifteen poems, some of which are based on the plots of Adyghe legends, legends, historical folk songs, enriched by the author's vision. In this article, on the basis of these poems, a conclusion is drawn about the tendency of gradual «liberation» from the folk traditions of the poet and the development of new principles of realistic writing by him. A detailed analysis of I. Mashbash's poems «Sea», «Thunder in the Mountains», «Memory» led to fruitful conclusions about the poet's innovation in creating original modifications of the poem genre, in which the boundaries between genres expand. They sometimes simultaneously used some elements of lyrics, epics and drama. In the poem «Memory» dedicated to the poet, Hero of the Soviet Union Kh. Andrukhaev, the author included real documents in the text. This was new in Adyghe poetry, and this technique was subsequently widely used in many historical novels by I. Mashbash. A well-known place is given in the article to questions of the poet's skill, to the novelty of the theme of poems, their place in the rich and diverse work of I. Mashbash is determined.

Keywords: genre; tradition; plot; evolution; principles of historicism; lyric poems; drama; literary process; analysis; discussion.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-70-76

**МАЛКЪАР САХНА ЧЫГЪАРМАЧЫЛЫКЪНЫ АЛ САТЫРЛАРЫНДА
(ГЕЛЯЛАНЫ РАМАЗАННЫ «КЪАНЛЫ КЪАЛЫН»
ДЕГЕН ДРАМАСЫНЫ ЮСЮНДЕН)**

Сарбашланы Мустафаны кызы Алёна, филология илмуланы доктору, Гуманитар тинтиулени Институтуну «Федерал илму араны «Россей академияны илмуларыны Къабарты-Малкъар илму ара» деген Федерал кырал бюджет илму учрежденияны Филиалыны кырачай-малкъар адабият бёлюмюню таматасы, alenasarb@mail.ru

Илму иште малкъар сахна чыгъармачылыкъны мурдорун салгъан, биринчи профессионал режиссёр Геляланы Рамазанны «Къанлы къалын» деген драмасы тинтиледди. Чыгъарма сахнада 1941 жылда салыннганды, аны жазмасы 1944 жылда кёчгюн-чюлюкде тас болганды. Ол себепден суратлау, ниет-эстетика, жанр энчиликлерин ачыкъларгъа онг болмаганды. Болсада сахна оюннга аталгъан рецензияла, статьяла, архив кягъытла сакъланнгандыла. Алагъа кёре иште «Къанлы къалынны» къадары, баш суратлау чюйрелиги, сюжет ызы, жигит кяаууму, драматургну чыгъармачылыкъ борчу тохташдырылгандыла.

Баш сёзле: Геляланы Рамазан, сахна оюн, чыгъармачылыкъ, кесамат.

Геляланы Рамазанны (1915–1943) аты малкъар адабиятта бла маданиятта биринчи профессионал драматург эм сахна режиссёр деп тохташханды. Аны жашау жолу кысха болгъан эсе да, этген ишлери миллет маданиятыбызны тарыхынде тийшли жерни алгъандыла, илмуда да сансыз болуп къалмагъандыла. Геляланы Рамазанны жашауу эм чыгъармачылыкъны тюрлю-тюрлю очеркде, эскериуледе [Жантуев 1994; Кулиев 1968; Байсиев 2000], статьяда, илму китаплада [Бородовский 1941; Григорьев 1941; Хочув 1941; Борлаков 1975; Сарбашева 2001, 2003; Саракуева 2003; Сарбашева 2009] тинтиледиле. Рамазанны чыгъармачылыкъ хазнасын тийишдириуде Саракуланы Асиятны бардыргъан излем ишин энчи белгилерчады. Театровед Москваны архивлеринде жазуучуну ГИТИС-де окъугъан жылларында «Къанлы къалын» деген сахна чыгъармасы бла байламлы кягъытланы табып, аланы жарашдырып, драматургну къадарында белгисиз бетлени окъуучулагъа ачыкълагъанды [Саракуева 2003].

Геляланы Рамазанны чыгъармачылыкъ къадарын толу билирге драматургну кесини статьялары да уллу себеплик этгендиле [Геляев 1940; 1941]. Алгъадан окъуна башха адабият жанрладан Рамазан сахна чыгъармачылыкъны айыргъанды. «Къанлы къалын» деген пьесасы бла миллет сахначылыкъда энчи ызын кюйгъанды. Саракуланы Асиятны оюмлауу бла, драма 1938–1940 жыллада жазылгъанды [Саракуева 2003: 205]. Жарсыугъа, чыгъарманы кюл жазмасы Уллу Ата журт урушну кезиуонде, малкъар халкъны кёчюргенде тас болгъанды. Кёп жылладан сора миллет сахнада салыннган биратлы оюннга кятышхан актер Жантууланы Исса чыгъарманы магъанасын эсине тюшюрюп жазгъанды [Жантуев 1994].

Алайды да, илму тинтиучюлеге Геляланы Рамазанны жашау жолун толу тохташдырыргъа, сахна чыгъармасыны суратлау даражасын ангыларгъа кыраучуланы, кесаматчыланы оюмлары, эскериулери, аны бла байламлы архивледе табылгъан кягъытла да уллу магъананы тутхандыла.

Рамазан 1915 жылда 15 майда Черек району Огъары Малкъар элинде туугъанды. 1925–1930 жыллада башланган школда окъугъанды. 1930–1935 жыллада Нальчикде Ленинчи окъуу шахарчыкъда педагогика техникумну студенти болгъанды. Окъуудан тышында маданият ишлеге тири къатышханды: малкъар театр кружок къурайды, гитче пьесала жазып, аланы салады. Аны бла бирге Улбашланы Ахмадия башчылыкь этген жыр къауумгъа да киреди. «1932 жылда чыгъармачылыкь бла къорешгенлени Битеусоюз олимпиадалары болгъанда, таулу жырчыла, республикада биринчи жерни алып, Ростовха баргъандыла. Андан а ара шахаргъа – Москвагъа. Анда бизни жырчыла, битеу Совет Союздан баргъан жырчыланы араларында ючюнчю жерге чыгып, саугъа алып, алай къайтхандыла» [Саракуева 2003: 200]. Ол жыллада окъуна Геляланы Рамазанны суратлау сёзге хунери эсленеди. 1934 жылда Ленинчи окъуу шахарчыкъны онжыллыгына атап «Городокга» деген насмусун жазады. Бу чыгъармасы Къабарты-Малкъарны жазычуларыны биригиуюню «Жангы къюч» (1934) деген адабият жыйымдыгыны экинчи номеринде басмаланады. Геляланы Рамазан 1935 жылда январь айдан август айгъа дери Огъары Малкъарда школда устаз болуп ишлейди.

Белгиленген кезиуде Къабарты-Малкъарда миллет театрланы айнытыугъа эс бурулады. Анга кёре къырал оноучула сахна искусствону келечилерини сынамларын айнытыр мадарла излейдиле. Сёз ючюн, сахна чыгъармаланы суратлау даражаларын ёсдюрюр муратда республикалы конкурс бардырыгъа оноу этилген эди. Ол кезиуде магъаналы ишледен бири – 1935 жылда Москвада ГИТИС-де окъурча фахмулу жаш адамладан къауум къуралады. Аланы санында Геляланы Рамазан да болады. Ол искусствону сыйлы къуллукъчусу И.Н. Берсеневни курсуну режиссер факультетинде окъуйду.

1940 жыл миллет маданиятны тарыхында айырмалы кезиюду – ГИТИС-ни бошап, республикагъа къабарты эм малкъар сахна оюнчула къайтадыла. Аланы санында Балаланы Омар, Кючюкланы Магомет, Чочайланы Жюнюс, Къудайланы Ахмат, Рахайланы Исмайыл, Кючмезланы Бахсанукъ, Кючмезланы Шарифа, Залийханланы Тамара, Биттирланы Абидат, Уяналаны Баблук, Махийланы Зоя, Геляланы Рамазан эм аны юй бийчеси Байкъазыланы Нальбийке болгъандыла. Миллет сахна искусствону айныуунда ол къауумну къошумчулугъу уллуду.

Жаш малкъар актерла, Нальчикге къайтхандан сора, Москвада окъутхан устазларыны къыйыларын унутмагъандыла. Геляланы Рамазан, окъуу нёгерлерини атларындан ГИТИС-де малкъар труппагъа башчылыкь этген профессор И.Я. Судаковха, устаз эм режиссер А.А. Андерсге ыразылыгъын билдирип, «Пять лет творческой учебы» деген статьясын жазады [Геляев 1940].

Нальчикге къайтханлай, жаш сахна оюнчула биринчиден колхоз-совхоз театрны къауумуна киредиле, бир ненча жылдан а аны мурдорунда Малкъар къырал театрны къурайдыла. Аны иши 1940 жылда 26-чы октябрьде Лопе де Веганы «Къой шаудан» деген пьесасына кёре салынган оюн бла башланганды. Андан сора Вс. Ивановну «Бронепоезд 14–69» деген пьесасына кёре сахна оюн да кёргюзтюлгенди. Ол оюнланы малкъар студияны сохталары И.Я. Судаковну башчылыгъы бла ГИТИС-де окъугъан кезиуде хазырлагъан эдиле. Аны юсюнден Геляланы Рамазан былай жазгъанды: «Башха ёмюрге жашагъан жазычу Мольер бизге кесини ниети бла заманны къюлкюлю шартларын терен ачыкълай билгени бла жууукъду. Ол сахна чыгъармалары бла феодал-аристократия жамауат жашауну кемчиликлерин сёгеди, жашау оюла баргъаныны сылтауларын ачыкълайды» [Геляев 1940]. Лопе де Веганы юсюнден айтханда, испанлы драматургну пьесалары сахна усталыкъны, адабият чемерликни юлгюлеридиле деген оюмну чертеди. Ол себепден театрны репертуарына аланы жазгъанлары киргендиле, аны бла миллет сахна оюнчуланы усталыкъларын ёсдюрюрге онг табылгъанды.

Москвада окъугъан жылларында къабартылы эм малкъарлы сахна оюнчула тыш къыраллы жазычуланы чыгъармаларын салыу бла чекленмегендиле. Ала

къабартылы драматург Зарамукъ Кардангушевны «Къаншоубий бла Гошаях», Геляланы Рамазанны «Къанлы къалын» деген пьесаларын сахнада кёргюзтюрге хазырлагъандыла.

1940–1941 жыллада жаш драматург Геляланы Рамазан Къабарты-Малкъар къырал драма театрда диплом практикасын ётгенди, «Къырал драма театрланы режиссеру» деген атны алып ючюн «Къанлы къалын» деген сахна оюнну салып, диплом ишин къоруулагъанды. Аны биринчи кере кёргюзтюю 1941 жылда 30–31 майда болгъанды. Оюннга малкъар театрны артистлерини асламысы къатышханды.

«Къанлы къалын» деген сахна оюн, жаланда Къабарты-Малкъарда угъай, битеу Шимал Кавказда да белгили болгъанды. Аны сылтауу ол кюнледе республикабызда сахна кесаматчыланы Битеуроссей театр биригиую бардыргъан семинарлары бла байламлы эди. Ол жыйылыугъа къатышханла сахна оюнну биринчи къараучуланы санында болуп, кеслерини оюмларын жашырмай айтхандылаи [Мазанов 1941; Базоркин 1941; Бородовский 1941; Григорьев 1941]. Белгили театр кесаматчы Я. Бородовский «Къанлы къалынны» миллет маданиятны жашауунда хорламча, малкъар профессионал драматургия аны бла башланнганын чертгенди [Бородовский 1941].

Фахмулу малкъар жазычу Хочуланы Салих да, сахна оюннга къарап, кесини оюмун, кесамат сёзюн да айтханды. Ол «Къанлы къалын» (Сценада Р. Геляевни пьесасы) деген рецензиясында Геляланы Рамазанны «Къанлы къалыны» миллет маданиятда уллу байрамча, жетишимча белгилегенди. «Ёмюрюнде театрны не болгъанын билмеген малкъар халкъны энди кесини фахмулу артистлери, режиссерлары, драматурглары бардыла. Театрны бу жетишими халкъны уллу къууанчыды, ма аны ючюн биз кесибизни жаш театрыбызны алгъышларгъа керекбиз», – деп къууанчлы халда жазгъанды Хочуланы Салих [Хочуев 1941]. Бююнлюкде да жазмасы тас болгъан чыгъарманы ниет магъанасын, сюжетини мурдорун къурагъан суратлау чюйреликни ангыларгъа Хочуланы Салихни иши болушады. Жазычу сахна оюнну сюжет ызын суратлау сёзге усталыгъы бла ачыкълайды. Ол айтханнга кёре, пьесада Малкъарда XIX ёмюрню ахырында болгъан ишле суратланадыла. Драманы сюжет ызында Муратны бла Жансуратны насыпсыз сюймекликлерини юсюнден хапарланады. «Бай Аркъабек жангыз къызын – Жансуратны – бай Къамболатны зынттыу жашына сатады. Жарлыланы, кебинлик журунларын къоймай, талап айланнган хыйла акъыллы эфенди Алий-Хажидан андан-мындан тюрю фатыуала келтирип, ол ишни къабыл кёредиди. Къыз Аркъабекни къызы эсе да, ол сокъур энчилик бийлеген юйюрге ёсген эсе да атасындан эсе элиди, кесини жашауну оноун кеси этерге кюрешеди. Ол къызын аллында харакет, ырысхы адамны адамлыгъын малтамайдыла. Адамлыгъы болгъан адам, жарлы болса да, ол дуня жашауунда байды. Мал бла харакет табылгъанча, адамлыкъ тынч табылмайды. Ол себебли Жансурат бла Къамболатны зынттыу жашындан эсе, кесини атасында 5 жыл жалчылыкъда тургъан Муратны сайлайды. Аны сюеди.

Жансурат кесини жууукъларыны бла динни айтханына да къарамай, баргъан кечесинде окъуна кесини сюйген жашы Мурат бла эринден къачып кетеди. Адамны къанын, малны жилигин эмгенча, эмерге юйреннген къауумла аланы ызларындан боладыла. Аланы узакъ таулада дорбун ичинде табадыла. Жансуратны алыргъа кюрешип айланнган бай Къамболатны жауу Мурат кесини татлы тенги Ахмат бла бирге тутулады. Жамауатны жыйып, зулмуцула аланы отда кюйдюрюп ёлтюрюрге умут этедиле. Алай, алыкъы толу биригип болмаса да, жарлы халкъ бир бирине жакъ болмай тёмейди. Къызын атасы, эфенди эм ала жанлыла къызын кеслери ёлтюргенлерин букъдуруп, Мурат ёлтюргенди дерге кюрешселе да, халкъ анга ийнанмайды. Таза ишни кёзюне жетгенде, халкъ Муратны, Азаматны байланнган жерлеринден эркин этеди. Ала «Биз энгда сизни бла тюбеширбиз», – деп, къачып

кетедиле. Пьеса, кысха сёзде айтыу бла, алай бошалады» [Хочуев 1941]. Биз Хочуланы Салихни чыгъарманы юсюнден айтханын толусунлай келтиребиз, нек дегенде ол хапар окуучугъа сахна оюнну жигитлерини сыфатларын, кылыкларын, аны мурдорун къурагъан суратлау чойреликни халин (класс кюреш бла байламлы) ангыларгъа онг береди. Пьесада къуралгъан сюжет ыз ол кезиуде битен Шимал Кавказны адабиятында төрели эди.

Архив материалла кёре, «Къанлы къалын» алты бөлүмден къуралгъанды [ЦГА КБР. Ф. 819. Оп. 1. Оп. 2. Л. 3 об.].

Геляланы Рамазан сахна чыгъармасында жамауат сынагъан кыйынлыкъланы ачыклайды. «Манга, – деп жазгъанды аны юсюнден ол кеси, – бек башы – жаш адамланы сүймекликлери бла чекленмей, аланы къадарлары жамауат жашау эм тарых болумла бла байламлыгын кёргюзтүю эди» [Геляев 1941].

Энчи да, бизни оюмубузгъа кёре, Саракуланы Асият Москвада РГАЛИ-де тапхан «Режиссерская экспликация режиссера-дипломника Геляева Рамазана. Постановка спектакля «Кровавый калым» деген иш кёп соруулагъа жууап берирге болушады. «Анда ол (автор – С.А.) пьесаны нек сайлагъанын... , оюнну баш мураты неде боллугъун, жигитлени сыфатларын къалай кёргенин, мизансценаны не тюрлю къураыгын айтады... Режиссер аланы (суратчыны бла композиторну – С.А.) борчларын неде кёргенин да жазады» [Саракуева 2003: 210].

ГИТИС-ни профессору М. Григорьев «Къанлы къалынны» юсюнден уллу кесамат статьясында ол оюнну эстетика магъанасы уллу болгъанын чертгенди, анга бийик багъа бергенди. Энчи да сахна оюнну баш жигитлеринден Жансуратны сыфатын энчилайды, аны сюзеди: «Жансурат» А. Островскийни «Гроза» деген пьесасында суратланган Катеринагъа, андан сора да кеслерини насыплары ючюн кюрешип тургъан башха орус тишируланы сыфатларына ушай келеди. Болсада Геляланы Рамазан Жансуратны сыфатын Островскийни пьесасына къарап жазгъанды демеклик туйюлдю. Жансурат да халкъны жашауунда бир жарык жылтинчикди, ол кесини сүймеклик сезимини эркинлиги ючюн бардырылгъан сермешде кючюн аямагъанды» [Григорьев 1941].

Кесаматчылары жазгъанларына кёре, сахнада тепсеу, оюн, жыр («Орайда», «Голлу»), төре дегенча фольклор-этнография халкъ илишанла тийишли жерни алгъанлары баямды. Ол да сейир туйюл эди: Геляланы Рамазанны сабийлигинде эштген таурухла, жомакъла, кёрген адетле эсин бийлеген эдиле. Ала чыгъармада жигитлени къадарларын суратлауда жашау кертиликни, миллет энчиликни шартларыча берилип, аны суратлау даражасын кючлендиргендиле. Бютюнда халкъ макъамлагъа кёре Т.К. Шейблер жазгъан музыка [Саракуева 2003: 214] оюнда энчи эстетика сезим туудургъанды.

Пьесаны драманы не тюрлюсю болгъаныны юсюнден да тюрлю-тюрлю оюмла айтылгъандыла. Профессор Григорьевни жазгъанына кёре, Рамазанны чыгъармасы халкъ жигитлик драмады. Белгили орус кесаматчыны айтханы А. Шортановну оюму бла келишмейди. «Къанлы къалын» бек алгъа мелодрамады, алай халкъ мелодрама туйюлдю. Анда юйюр-жашау болумгъа аслам эс бөлүнгенди. Чойреликле да, класс кюреш бла байламлы угъай, тюзлюкню, терсликни юсюнден энчи адамланы ангылауларында къуралып къалгъандыла», – дегенди А. Шортанов [Шортанов 1961: 77]. Театровед Саракуланы Асият, сахна оюнну декорациясын (аны суратын П.О.Рябчиков хазырлагъан эди) сюзе, пьесаны халкъ жигитлик мелодрамагъа келишгенин чертеди [Саракуева 2003: 214]. Бу даулашда чыгъарманы къол жазмасы сакъланмагъаныны сылтауундан бизге тюз оюмну тохташдырыргъа кыйынды.

Григорьевни билдиргенине кёре, Геляланы Рамазанны трилогия жазар мураты болгъанды. Юй бийчеси Геляланы Нальбикени эсгериулерини да айтылгъанга шагъатлыкъ этедиле: «Рамазан «Къанлы къалынны» жазып бошагъанлай, жангы пьеса жазып башлагъан эди» [Кулиев 1968].

Айтылган оюмланы эсге алсакъ, Геляланы Рамазан чыгъарманы баш жигити Муратны юсюнден трилогия жазар умутда эди. Жарсыугъа, ол кезиуде башланган Уллу Ата журт уруш жазыучуну муратына жетерге онг бермегенди. Кёп жазыучула урушха кетип, Ата журтубузну азатлыгъы ючюн жоюлгандыла. Фахмулу артист, режиссер Геляланы Рамазан да 1943 жылда 115-чи Къабарты-Малкъар атлы аскерде уруш эте, Ростов областьда Большая Мартыновка элни азатлар ючюн барган сермешледе жоюлганды.

Алайды да, Геляланы Рамазан миллет драматургия бла сахна режиссураны мурдор ташын орнатханды. Сахначылыкъ иште къураган төрелери аны ызындан келген малкъар драматургла Этезланы Омарны, Боташланы Иссаны, Жантууланы Иссаны чыгъармаларында суратлау амалланы айнытыргъа себеплик этгендиле. Фахмулу жаш сайлагъан ишине жюреги бла берилгенди, къысха жашауун миллет сахна искусствогъа буюрганды, аны бла аты ёлюмсюзлени тизмесинде къалганды.

Источники и литература

1. *Базоркин И.* Образ прекрасной девушки // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 6 июня.
2. *Байсиев А.* Первые становятся бессмертными // Кабардино-Балкарская правда. 2000. 19 мая
3. *Борлаков Б.К.* Карачаево-балкарская довоенная драматургия. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1975. 72 с.
4. *Бородовский Я.* Рождение прекрасного // Молодой сталинец. 1941. 6 июня.
5. *Геляев Р.* Пять лет творческой учебы // Социалистическая Кабардино-Балкария, 1940. 19 июля.
6. *Геляев Р.* Авторский замысел // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 6 июня.
7. *Григорьев М.* Первая пьеса балкарского народа // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 6 июня.
8. Малкъар культураны байрамы // Заман. 2001. 9 июнь. (Бетни басмагъа хазырлагъан Саракуланы Асият).
9. *Жантуев И.* Биринчи драматург // Минги Тау. 1994. № 6.
10. *Кулиев Х.* Солдат-драматург // Коммунизмге жол. 1968. 21 февраль.
11. *Мазанов Дм.* Зритель – друг // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 6 июня.
12. *Саракуева А.* Геляланы Рамазан эм аны «Къанлы кылын» деген пьесасы // Минги Тау. 2003. № 4. 198–220 б.
13. *Сарбашева А.* Рамазан Геляев – основоположник профессиональной балкарской драматургии и сценического искусства // Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Карачаевск, 2001. С. 232–233.
14. *Сарбашева А.М.* Геляев Рамазан Кичиевич // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.) Биобиблиографический словарь. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. С. 136–137.
15. *Сарбашева А.М.* Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 240 с.
16. *Хочуев С.* «Къанлы калын» // Социалист Къабарты-Малкъар. 1941. 4 июнь.
17. ЦГА КБР. Ф. 819. Оп. 1. Оп. 2. Л. 3 об.
18. *Шортанов А.* Театральное искусство Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961. 159 с.

У ИСТОКОВ БАЛКАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ И СЦЕНИЧЕСКОГО ИСКУССТВА (О ДРАМЕ «КРОВАВЫЙ КАЛЫМ» Р. ГЕЛЯЕВА)

Сарбашева Алена Мустафаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alenasarb@mail.ru

Объектом исследования статьи является драма «Кровавый калым» Рамазана Геляева, имя которого прочно утвердилось в истории балкарской литературы как основоположника национальной профессиональной драматургии и театра. Ввиду того, что рукопись пьесы была утеряна в 1944 году в дни депортации балкарского народа, исследователи были лишены возможности текстологического анализа данного произведения с целью выявления его идейно-эстетических, художественных и жанровых особенностей. Вместе с тем анализ рецензий, статей, архивных материалов и других источников, содержащих информацию о пьесе «Кровавый калым» и одноименном спектакле, позволяет определить историю создания, авторский замысел, характер конфликта (классовый антагонизм), генеральную сюжетную линию, систему образов сценического произведения.

Ключевые слова: Рамазан Геляев, сценическое искусство, драматургия, театральная критика.

THE ORIGINS OF THE BALKAR STAGE OF LITERATURE AND ART (ON THE DRAMA «BLOOD RANSOM» R. GELAEVA)

Sarbasheva Alena Mustafayeva, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Sector of Karachai-Balkan Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alenasarb@mail.ru

The article focuses on the drama «Bloody kalym» by Ramazan Gelyaev, whose name is firmly established in the history of Balkar literature as the founder of the national professional drama and theater. Due to the fact that the manuscript of the play was lost in 1944 during the forced deportation of the Balkar people, researchers were deprived of the possibility of textual analysis of this work in order to identify its ideological, aesthetic, artistic and genre features. At the same time, the analysis of reviews, articles, archival materials and other sources containing information about the play «Bloody kalym» and the play of the same name allows us to determine the history of creation, the author's idea, the nature of the conflict (class antagonism), the General storyline, the system of images of the stage work.

Keywords: Ramazan Gelaev, performing arts, dramaturgy, theatre criticism.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-77-82

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА АДЫГСКИХ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСЕН

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

Главным отличием научно-аналитического перевода является то, что его функцией призвана быть передача всех эстетических, информативных, языковых, этнокультурных особенностей источника. При этом фактически исключается вероятность и обязательность эквивалентного переложения текста оригинала во всем его многообразии, что связано со структурными особенностями языков источника и перевода. В связи с этим при любом типе перевода приходится выбирать для ретрансляции те свойства, которые более важны для выполнения конкретной задачи, стоящей перед исполнителем, сознательно жертвуя теми особенностями, которые приходится отодвинуть на периферию внимания. Научно-аналитический тип перевода не может стать исключением. Поскольку он призван отражать все особенности источника с наибольшей полнотой, переводной текст не может претендовать на эстетически адекватное перенесение исходной матрицы на иную почву. По данной причине он призван представлять собой не столько воссоздание поэтического феномена, сколько его анализ. При всех иных допустимых и представляющихся неизбежными утратах автор перевода обязан стремиться к передаче образной системы и структуры источника во всей полноте. В тех же случаях, когда этого не удается достичь в основном тексте, каждый пробел должен быть отражен в комментариях. Идеальным вариантом надо признать такой перевод, в котором все существенное, но не переводимое в полном объеме, сопровождается исчерпывающими пояснениями. Успех в немалой мере зависит от верного распределения функций между основным текстом и комментариями, а также от индивидуального мастерства переводчика.

Ключевые слова: типы перевода, героико-лирическая песня, суггестия, циклизация, металогия, структура, ситуативный контекст.

Научный перевод текста художественного произведения всегда представляет для исполнителя дополнительные сложности по сравнению с другими видами этой операции. Всякая иная разновидность перевода ограничивается обычно какой-либо одной целевой установкой, которая ставится во главу угла. Утверждая так, мы несколько не имеем целью принизить значение той огромной полезной работы, которую выполняют, например, ученые, делающие лингвистический перевод, или же поэты, посвятившие свое уникальное дарование литературно-художественным переложениям. Труд каждого из них и высоко благороден, и сопряжен с необходимостью знаний и таланта, а кроме того требует большого интеллектуального напряжения. Поэтому почтение, выражаемое им научным и читательским сообществом, вполне заслуженное. И все же только перед научно-аналитическим типом перевода ставится основной задачей полный охват и отражение всех смысловых, информационных, эстетических, языковых, историко-культурных и других особенностей источника, на что в свое время указывал В.М. Гацак, предложивший рабочий термин «фольклористический перевод» [Гацик 1977]. Проблему перевода фольклорных текстов затрагивали и мы в некоторых своих работах [Гутов,

Паштова 2012; Гутов 2018: 156–176], опирающихся на опыт работы коллектива специалистов над текстами адыгского фольклора. В настоящей статье предпринимается попытка дополнить ранее высказанные соображения, а также на конкретном фольклорном материале пополнить наблюдения и выводы, сделанные ранее.

В своих суждениях мы исходим из того, что уже само понятие *научный перевод*, или его вариант – *научно-аналитический перевод*, предполагает предоставление читателю всей полноты информации как о фактическом, так и художественном содержании источника. Как неоднократно было отмечено, первые попытки сделать это на материале фольклора кавказских народов были сделаны представителями русской академической школы в XIX в. В частности, ими разработана не утратившая до настоящего времени своего значения система двукратного перевода. Суть ее заключалась в том, что один и тот же текст вначале переводился буквально, с учетом автологического значения не только каждого слова, но иногда и каждой его семантически значимой части, для чего требовались обширные знания в области фонетики, морфологии и семасиологии языка источника. Следом за этим делался более вольный перевод, ориентированный на стилистические и грамматико-синтаксические закономерности русского языка. Таковы, например, многие материалы, опубликованные в нескольких выпусках «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), который редактировал проф. Л.Г. Лопатинский [напр., СМОМПК 1891]. Подобная практика позволяла одновременно и получить представление о структурно-семантическом своеобразии языка, что было особенно важно для лингвистических исследований, и отразить основные художественные достоинства фольклорного произведения. Но поскольку даже этого оказывалось недостаточно, чтобы дать читателю полную информацию о публикуемом материале, немалое значение имели комментарии, непременно сопровождавшие публикации текстов.

В течение фактически всего XX в. продолжались поиски наилучшего варианта принципов перевода фольклора. На данном поприще одни исследователи (по большей части – лингвисты) способствовали в меру своих возможностей совершенствованию принципов, начало которым положили в предыдущем столетии их предшественники. Таковы, например, записи Н.Ф. Яковлева, Г.Ф. Турчанинова, Х.У. Эльбердова и др. языковедов. Особой тщательностью отличается работа Г.Ф. Турчанинова по подготовке двухтомного издания рукописных материалов Ш.Б. Ногма (Ногмова), в первом томе которого опубликованы фольклорные материалы [Ногма 1956]. Тексты песен, записанных в первой половине XIX в., даются в подлиннике и с транслитерацией на современную графическую основу с лингвистическими подстрочными переводами, затем следует перевод, ориентированный на восприятие связного текста русскоязычным читателем. При всей своей огромной научной значимости эта работа не имела, да и не могла иметь, цели дать исчерпывающее представление об эстетических особенностях материала. Эту задачу мог выполнить только художественный перевод, и за ее осуществление вслед за деятелями культуры XIX в. взялись составители и переводчики фундаментального издания «Кабардинский фольклор» [Кабардинский фольклор 1936]. При сохранении принципов обстоятельного комментирования каждого произведения, коллектив данного издания попытался приблизить переводы к такому качественному уровню, чтобы их чтение могло стать процессом художественного восприятия. Это было пусть не во всем успешным, но все же значительным шагом в направлении ознакомления широкого круга читателей и ученых с образцами адыгского словесного искусства. Данное направление получило развитие в практике подлинно художественного по своей сути перевода нартского эпоса [Нарты 1952], а впоследствии и образцов народной лирики.

Исполнители всех видов перевода сталкивались с такими проблемами, решить которые в комплексе практически невозможно ввиду ряда причин. В их числе,

прежде всего, структурные различия, поскольку русский и адыгский относятся к разным языковым группам, первый – к индо-европейской, второй – иберо-кавказской. В практике это сводится к таким фонетическим, морфологическим, стилистико-синтаксическим различиям, что иногда для перевода одного слова требуется сочетание из двух, трех и более слов. Иногда даже этого бывает недостаточно, чтобы донести до читателя перевода суть всей фразы. Таковы, например, два смежных, связанных единством смысла и звуковой организации стиха из песни о герое Андемиркане в записи Ш.Б. Ногмова:

*И | жанырыбзэм | Аушы-Гэргым | Iэ | дельэ |
Шухэр | зэдилъмэ, | лъэрытемытэ | зэдынос»*

[Андемиркан 2019: 42]

В буквальном переводе они будут представлены так (обратим внимание на второе и третье слова второго стиха!):

*Его | острое-рассекающее | Ауши-Герге | рукой | гладит,
Всадники | если разом рванутся с места, | не чувствуя ног, |
вместе они <к конечному месту> прибывают.*

Понятно, что речи не может быть о сохранении ритма или аллитерирующих звуков источника. Помимо того, большинство слов несет не только семантическую, но и эстетическую информацию. Так, *жанырыбзэ* – это устойчиво встречающаяся в поэтических фольклорных текстах метафора меча. Корень *жан-* (исходное значение *острый, резвый*) в профессиональной лексике кузнецов-оружейников может иметь значение *сталь, булат*; *-бзэ* – корень глагола *резать, кроить*. Таким образом, слово не только сложное по структуре, но также по функции и семантической парадигматике в поэтическом тексте. Сочетание *Iэ дельэ* помимо автологического значения имеет выражено иносказательное – *благословляет, освящает*. С учетом этого, а также приняв во внимание, что *Ауш-Герге* – это вариант имени языческого божества-покровителя воинов-наездников, можно прояснить смысл высокого стиля всей фразы.

Второе слово из второго стиха, *зэдилъмэ*, требующее целого словосочетания, для передачи его смысла, обозначает резвость, с которой наездники пустились вскачь. В свою очередь, основа следующего слова, *лъэрытемыт-*, это гипербола в причастной форме, образно указывающая на стремительность действия. Наконец, в совокупности два приведенных стиха связываются не только своим содержанием и ритмом, но и аллитерацией на звуки *-лъ-*, *-д-* (*зэд-*): *дельэ – зэдилъмэ – лъэрытемыт – зэдынос*.

В другом фрагменте, также устойчивом во многих вариантах той же песни, представлены два гидронима: названия реки *Черек* и ее притока *Хеу*. Это чуть ли не документальное указание на место действия, где маленькая, всегда прозрачная, родникового происхождения речушка, дно которой устилают белые известняковые плоские камешки, впадает в бурную своенравную большую реку, которая в пору разлива по дну своему гонит целые валуны:

ШэрэджыкIэпс, ХъыукIэ псынэ гуцэмэ лыы хашэ [НПИНА 1986: 86]

Нижнего течения Череха воду, родник устья Хеу <враги> кровью окрашивают.

В этой местности донныне стоит курган, где, согласно преданию, похоронен герой. Но очевидна здесь не только пространственная локализация действия, но и яркое, хотя и весьма лаконичное, художественно-философское осмысление события. Упоминание бурной горной реки, способной гнать по своему дну валуны, а

также вырывать с корнем вековые деревья, сбивать с ног и уносить человека, дерзнувшего неосторожно войти в ее поток, с очевидностью ассоциируется с жестокостью злодеев во главе с самим верховным князем. Если выйти на более широкие обобщения, это также напоминание о суровости самой жизни, которая не щадит никого, кто смеет противиться ее законам. С другой стороны, чистая родниковая вода, подхватываемая этим бурным потоком, также служит метафорой – чистоты духа, незащитности добра, правды, рыцарского благородства перед жестокостью и коварством. Завершает образное построение упоминание крови, которая окрашивает родниковую воду речушки, символизирующей бессилие одинокой вольнолюбивой души в реальном мире с его жестокостями. Вероятность успешного перенесения одной фразой на иноязычную систему всей этой гаммы чувств, поэтических образов и достоверной информации приближена к нулю. Но если не донести ее до читателя, то перевод останется, по сути, незавершенным.

Здесь проявляется важность учета еще одной особенности адыгских героико-лирических песен – характера их функциональных отношений с преданием, обычно содержащим информацию, важную для понимания ситуативного контекста возникновения музыкально-поэтической части цикла. Таков, например, небольшой по объему фрагмент из той же песни:

*Ныбжьэзгъум и тхьэр Къаниболэтым тикъутэ,
ТхэкIэ сигъацIэри щIым и цIэнанIэм сыришэщ...*

[Адыгэ пшынальэ 1992: 55]

*Бог дружбы Каниболата да поразит,
<Он> божьим <именем> обманул меня и на голое место вывел.*

В вариантах предания, коих множество, устойчиво повествуется, как князь Каниболат, которого герой считал своим близким другом, а по некоторым версиям даже был его молочным братом, предал его и вывел безоружным навстречу врагам, устроившим засаду. Без знания данных обстоятельств значение приведенного фрагмента из песни остается скрытым. Это усугубляется еще и тем, что в переводе разрушаются такие важные эстетические особенности как богатая аллитерация и ритм, приносимые в жертву обязательности передачи смысла. В результате утрачивается сама суть суждения и художественное содержание текста. Подобного рода случаи весьма характерны для адыгских героических и героико-лирических песен. В большинстве случаев данное обстоятельство делает необязательным последовательное изложение событий в песенном тексте, а значит, он становится мозаичным, состоящим из относительно самостоятельных фрагментов, объединенных темой, мелодией и эвфоническими приемами. Поскольку научный перевод обязательно должен передавать содержательную часть текста, он становится для непосвященного читателя не художественно организованным целым, а порою просто набором малопонятных фраз и обрывков.

Один из многочисленных случаев, подтверждающих наше суждение, налицо в песне о Каракашкатауской битве, сложенной не позднее, чем в конце XVII или первой половине XVIII вв. В ее вариантах устойчиво сохраняется следующая фраза:

Уар, мы хьэжь укIыдзэр ди Лэзэрокуэм къытхуешэ...

О. это | собак бродячих | побивающее войско | наш |Лазароко| к нам приводит.

В песне не объясняется ни кто такой Лазароко, ни то, почему грозное вражеское войско вдруг названо побивающим бродячих собак. Объяснение находим только в предании. Оказывается, некий молодой и не в меру дерзкий наездник из Кабарды по имени Лазароко был за какой-то проступок подвергнут остракизму

(в традиционном адыгском обществе – наказание весьма серьезное) и, вынужденный покинуть родину, нашел пристанище у крымского хана. Когда однажды ханское войско собралось в поход на кабардинцев и хану понадобился толковый проводник, на эту роль татары избрали этого Лазароко, в душе которого должна была оставаться обида на своих соплеменников. Однако, несмотря на всё, он не захотел прослыть изменником и при приближении войска к его родным местам улучил момент, сбежал от татар и предупредил своих о надвигающейся угрозе. Как водится в подобных случаях, кабардинцы быстро собрались, увели своих людей в горы, в Черекское ущелье, угнали туда же весь скот и забрали с собой всё продовольствие. Татары, рассчитывавшие на внезапность, израсходовали в долгом пути весь свой провиант. Поэтому оголодавшее войско в поисках пропитания было вынуждено отстреливать кое-где оставшихся бродячих собак и кошек [НПИНА 1986: 190–199]. Такая информация, важная для понимания смысла песни, закодирована в единственном стихе, всего в пяти словах. И это, разумеется, практически невозможно перенести на иноязычную почву в адекватной форме таким же количеством слов. В то же время, не обладая достаточной информацией, значительная часть которой скрыта контекстом, практически невозможно понять смысл всей фразы, а с нею и значительной части содержания песни. Невозможно понять ни метафоры, ни иронии, содержащейся в ней, ни многозначности притяжательного местоимения *ди – наш*, примененного к имени Лазароко.

Значительное число случаев подобного рода благоприятствует развитию суггестии как одного из действенных поэтических приемов в источниках, создающих серьезные проблемы при переводе.

Определенные трудности представляет перевод метафорических обозначений оружия или предметов. Так, например, меч или сабля героя в ряде песен имеет эпитет *хьэцхьэрылуэдзэ*; это слово сложное, состоит из двух основ – *хьэцхьэрылуэ* и *–дзэ*. Первая имеет самостоятельное значение – *бешеная собака*; вторая – это полисемантическое слово со значениями *зуб, острое, войско* (последнее, видимо, омоформа), здесь по смыслу более подходит второе. Всему слову можно дать следующее толкование: *лезвие – бешеная собака*. Известно, что бешеную собаку остановить можно только убив ее, если же она кого-нибудь поранит, то без своевременного введения вакцины раненый неминуемо обречен. Поэтому несложно представить себе, насколько высокой качественной характеристикой было это слово в функции эпитета боевого оружия.

Также устойчивым стало метафорическое обозначение боевого лука *бзэ дьд-жыжь* – *тетива горькая суровая*. Иным словом – *тетива смертоносная*. Казалось бы в данном сочетании нет ничего непонятного, но оно означает не просто тетиву, а является метонимическим обозначением всего оружия в комплексе, причем оно эмоционально стилистически окрашено и свойственно высокому поэтическому стилю. Поэтому донести такие тонкости значений до иноязычного читателя задача не всегда легкая.

Сравнительно более простую задачу представляет на первый взгляд перевод другого метафорического обозначения лука – *шэдз* (букв. *стреломёт*: *шэ – стрела, дз-* основа глагола *дзын – метать*). Но за отсутствием в русском языке стилистического адекватного образность слова не передается, а перевод ограничен автологическим значением: *лук*.

Хорошо известно, что в адыгской певческой традиции форма исполнения героических песен укоренилась настолько, что захватывает значительную часть и лирической поэзии, образуя внушительный пласт произведений переходного характера от героики к любовной лирике. Один из наглядных примеров – песня о Хатха сыне Магомете. В ней, как и во многих других песнях традиционного характера, образная система связана с ситуативным контекстом, без знакомства с которым затруднительно будет объяснить значение ключевых образов. Согласно

преданию, каузальной основой возникновения песни стал случай: сестра наездника Магомета Хатхе оговорила по своему неведению его молодую жену. Волей матери героя невестка, по сути безвинная, была отправлена в свой родительский дом. Вместо официального разбирательства, естественного для современного общества, разведенная молодая женщина нашла другой верный способ очищения своего имени от навета: она сочинила песню-сетование, в которой изложила в поэтической форме свое истинное отношение к мужу и его семье и объяснила нелепость ситуации, вследствие которой оказалась разлученной с любимым мужем. Когда песня, сочиненная как бы для катартического излияния чувств личности, вышла за пределы дома, в котором горевала отверженная, правда проявилась, и справедливость в конце концов была восстановлена [НПИНА 2018: 59–67]. Это тот событийный фон, который в песне не имеет прямого отражения, но без знания которого сложно понять всю ее поэтическую систему.

В композиционном плане песня близка к произведениям бытовой и любовной лирики с характерными атрибутами – текстом от лица лирической героини, некоторыми особенностями металогии, типичным рефреном, завершающим каждую мелодическую строфу и высказывающим пожелание вновь воссоединиться с любимым супругом. Это сугубо лирическое излияние органически сочетается с традиционной лексикой героического эпоса, призванной возвеличить героя: страсть к военным походам, боевой белый конь, усеянная свинцовыми «гвоздями» кольчуга (то есть свинцовые заряды, которые застряли в кольцах, образуя как бы шляпки от гвоздей в кольчуге).

Художественный подтекст обнаруживается с первой строфы песни:

*Едгъажъэмэ, борэ Гумахуэт,
Къыгъзэжэмэ, ди махуэгъити...*

[НПИНА 2018: 61]

*Когда его отправляли в поход|, < волком >-бора| удачливым он был,
Когда он возвратился,| для нас| бедой двойной это стало...*

Двустипшие опирается на параллельную конструкцию с антитезой: *когда отправляем, удачливый – когда возвращается, – беда двойная.*

С отправлением наездника в поход, где по содержанию песни он легко переправлялся через широкую реку («Индыл-Волгу») и пригонял оттуда табуны скакунов, связывались, конечно же, блага и успехи. Возвращение его обернулось для лирической героини драмой оговора и развода, что понятно только по содержанию предания, в тексте же песни дается не информация, а поэтическое осмысление явления.

Далее строфы, содержащие в тексте песни величание наездника, перемежаются с сетованиями по поводу недоразумения, жертвой чего стала безвинная молодая женщина. Именно в подобных фрагментах более всего используется язык подтекста:

*Зи анэжъыр цхъэляцІэ уэс
Зи цуІэгъэр бгъафэ чэсей...
Тот| чья| мать старая |снежноволося,
Тот, чья| супруга кисеегрудая...*

Суть упоминания матери в том, что сын отправил жену в ее родительский дом по велению матери. Но от имени отверженной невестки она наделяется эпитетом, имеющим выраженное позитивное содержание – белый цвет – знак чистоты и добра. Невестка, от лица которой сложена песня, не винит свою свекровь, а считает, что та введена в заблуждение. Примечательно, что тема матери и тема

отвергнутой невестки объединяются в поэтическом тексте синтаксической параллельной конструкцией и общим указанием на белый цвет: по отношению к матери он означает почитание и отсутствие обиды на нее, по отношению же к лирической героине – указание на ее чистоту и невинность. Даже легкомысленная сестра Магомета, которая и стала источником всего негатива, откровенно не осуждается в песне, хотя прямо и не оправдывается:

*Тот, чья сестрица ему доносителствует (букв., с ироническим
смыслом: – «...ему благоязычна»),
Тот, кто в сторону своей <верной> супруги не оглядывается...*

Согласно преданию, причиной изгнания безвинной женщины стала оброненная ею фраза, превратно истолкованная непонятливой золовкой: она доложила матери свою превратно понятую версию, мать же, не объясняя причины, повелела сыну прогнать невестку, что тот безропотно исполнил.

Изложенным не исчерпываются все типичные затруднения, которые связаны с научно-аналитическим переводом фольклорных материалов на русский и другие языки. Но этого достаточно, чтобы сделать некоторые выводы. Прежде всего, приходится признать, что ни один из существующих принципов перевода не может гарантировать исчерпывающей полноты содержания оригинала, включая его семантико-информативное и художественное значения. Особенно усложняется работа в данном плане при переводе на язык иной грамматической структуры и иного принципа многих областей мировосприятия. Очевидно и общепризнанно, что всякий перевод должен учитывать его основную функцию. Когда речь идет о типе перевода, который мы называем научно-аналитическим, идеальным может стать вариант, максимально приближенный к самостоятельному исследованию. Это предполагает сочетание точности смысла слова или словосочетания со всей возможной полнотой передачи образной системы источника и столь же возможной доступностью восприятия переводного текста. По данной причине от переводчика требуется не только знание в совершенстве обоих языков, но и достаточно глубокая общефилологическая базовая подготовка в сочетании со знанием этнокультурных традиций и художественного вкуса. Это выдвигает как один из важнейших компонентов, способных обеспечить успех работы, индивидуальные профессиональные данные переводчика: от степени его одаренности, как и способности вникнуть в тонкости языка источника и языка перевода зависит немалая доля успеха всей работы. Но при всех обстоятельствах остается обязательным необходимость сочетания точности в основном тексте перевода с профессиональным художественным вкусом и научными комментариями.

Источники и литература

1. Адыгэ пшыналъэ. Налшык: Эльбрус (Адыгская мелодия. Нальчик: Эльбрус), 1992. 224 с.).
2. Адыгские историко-героические предания и песни. Том первый. Андемиркан. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 430 с.
3. Гацак В.М. Проблемы фольклористического перевода // Фольклор. Издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 182–196.
4. Готов А.М., Паитова М.М. К проблеме перевода адыгского фольклорного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2012. Вып. 3. С. 46–51.
5. Готов А.М. Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 264 с.
6. Кабардинский фольклор. Москва; Ленинград: Academia, 1936. 650 с.
7. Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1952. 503 с.

8. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Составление, текстологическая подготовка материалов, комментарии и вступ. Статья Г.Ф. Турчанинова. Нальчик: Кабардинское государственное книжное издательство, 1956. Т. I. 308 с.
9. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М.: Советский композитор, 1986. Т. III. Ч. 1. 254 с.
10. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М.: Советский композитор, 1990. Т. III. Ч. 2. 488 с.
11. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. Т. IV. Ч. 1. 530 с.
12. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. XII. 618 с.
13. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1946–1949. Вып. 1–4.

FEATURES OF SCIENTIFIC AND ANALYTICAL TRANSLATION OF CIRCASSIAN HISTORICAL AND HEROIC SONGS

Gutov Adam Mukhamedovich, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

The main difference between scientific and analytical translation is that its function is to transmit all the aesthetic, informative, linguistic, ethnocultural characteristics of the source. At the same time, the probability and obligatoriness of the equirhythmic arrangement of the original text in all its diversity is virtually eliminated, which is associated with the structural features of the source and translation languages. In this regard, for any type of translation, it is necessary to choose for relay those properties that are more important for the specific task that the performer faces, consciously sacrificing those features that have to be moved to the periphery of attention. The scientific and analytical type of translation cannot be an exception. Since it is intended to reflect all the features of the source with the greatest completeness, the translated text cannot pretend to aesthetically adequate transfer of the original matrix to another soil. For this reason, it is intended to be not so much a recreation of a poetic phenomenon as its analysis. With all other permissible and seemingly inevitable losses, the author of the translation must strive to transfer the imagery system and structure of the source in its entirety. In those cases when this cannot be achieved in the main text, each gap should be reflected in the comments. An ideal variant should be recognized as a translation in which everything that is significant, but not fully translated, is accompanied by comprehensive explanations. Success largely depends on the correct distribution of functions between the main text and comments, as well as on the individual skill of the translator.

Keywords: types of translation, heroic-lyrical song, suggestion, cyclization, metalogy, structure, situational context.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-83-90

ЭТАПЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ФОЛЬКЛОРЕ

Гутова Ляна Адамовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), lyanagut@bk.ru

В статье рассматривается проблема отражения в фольклоре социализации личности в традиционном адыгском обществе, причем с учетом половозрастных и социальных различий. Устанавливается, что в разные возрастные периоды интенсивность участия личности в функционировании всего общества различна. До достижения физиологической зрелости процесс социализации идет в целом по восходящей. Происходит накопление знаний и навыков вхождения человека в общество, первые случаи собственного участия в деятельности социума, что отражено как этнографическими, так и фольклорными материалами. В данной стадии жанры устного поэтического творчества выступают как источники познаний и обретения положительных навыков коммуникации. Вступление в брак оказывается этапным как для мужчины, так и для женщины. Однако если для него это знаменует достижения апогея социальной активности, то женщина со вступлением в брак отрешается от прямого участия в жизни общества и концентрирует внимание на воспитании детей и ведении домашнего хозяйства. При достижении преклонного возраста происходит обратный процесс: мужчина частично отходит от активной общественной деятельности, женщина же более, чем ранее, вовлекается в нее.

Ключевые слова: социализация, этнография, фольклор, социум, социальная активность, этапы социализации личности.

Поступательное освоение человеком основных правил и норм поведения в среде, обозначаемой научным термином «традиционные общество», оказывается процессом многоступенчатым. По сути, уже первые контакты с окружающим миром и близкими людьми являются началом его адаптации в обществе, которое призвано являться для него своим. Даже некоторые записи произведений из числа колыбельных песен или песен, сопровождающих первые шаги ребенка, рассмотренных нами ранее, призваны внедрить в сознание потенциального адресата определенные стереотипы, представляющие собой идеальные образы активного полноценного члена общества. Очевидно, что подобные мотивы носят отнюдь не случайный характер, и их присутствие ориентировано на внедрение в сознание индивида тех идеальных принципов поведения и еще на бессознательном уровне внушить те высокие личностные достоинства, обретение которых поможет человеку в будущем занять достойное место в данной среде. В песнях, которые адресуются мальчикам, это образ или могучего воина-защитника и благородного наездника, могучего предводителя. Если объект внимания происходит по рождению из простонародья, в песне создается образ неутомимого труженика-кормильца, который пашет на сказочно могучих быках, собирает фантастические урожаи, мастерски владеет каким-либо ремеслом, щедро раздает нуждающимся и всем членам общества плоды своего мирного труда. Когда же песня предназначена для исполнения у колыбели девочки, превозносятся ее идеальная красота, кротость,

тонкое знание этикета, острота ума, преданность. Однако надо учитывать, что в фольклоре, функционально ориентированном на ранний этап жизненного цикла, практическая социализация не всегда является доминирующей задачей. Здесь, как представляется, более уместно говорить о магическом вызывании или предрекании на будущее при помощи слов, мелодии и иногда моторных действий таких благ, а вернее достоинств, которые в данной среде традиционно почитаются идеальными. На передний план функция социализации выдвигается в фольклоре, ориентированном на подростков, которые в силу своего физиологического развития и соответственно своему возрасту уже способны не только свободно передвигаться, бегать, прыгать, выполнять отдельные упражнения или поручения, но уже имеют достаточно четкое представление о мире с его важнейшими духовными ценностями и могут свободно изъясняться в общении. Это достигается на определенной стадии жизненного цикла благодаря соответствующей возрасту свободной речи и мыслительным способностям.

Достоинно внимания, что социализация личности как процесс протяжен во времени и фактически продолжается чуть ли не с самого младенческого возраста течение всей жизни, хотя и с неодинаковой степенью интенсивности. Естественно, участие личности в функционировании социума связана с этапами жизненного цикла, что находит художественно переосмысленное отражение в жанрах народного поэтического творчества. Как одну из характерных особенностей исследователи отмечают в нарративных жанрах фольклора необычно раннюю социализацию эпического и иногда сказочного героя. Это один из самых популярных мотивов в мировом устно-поэтическом творчестве, а в героических сказаниях и сказочном эпосе адыгов он имеет множество форм конкретного воплощения. Так, например, для нартского эпоса, где циклы сказаний группируются по принципу «эпической биографии», весьма типично, чтобы юный богатырь рос с такой быстротой, которая соответствует мировой универсалии «не по дням, а по часам».

Так, например, герои архаического нартского эпоса Батраз и Ашамез проявляют чудесную силу еще в колыбели. Первый, всего лишь потянувшись, ломает торец и бока крепкой колыбели и не просто тут же выходит из нее и начинает ходить, а сразу крепко становится на ноги, выбегает на середину, «вращаясь подобно волчку» [Адыгэ пшынальэ 1992: 30–35], то есть он преисполнен недюжинной энергии. Проявление столь чудесного богатырского свойства оборачивается для него неожиданно причиной отчуждения от родного дома: испугавшись, что такой богатырь в будущем может причинить много бед, младенца укладывают в корзину или короб и бросают в воду (реку или море). Течение приносит его к пастушескому стану, пастухи его вылавливают из воды и держат у себя вдали от людей «семь лет», в течение которых он, соответственно тому же принципу «не по дням, а по часам», становится зрелым мужчиной [Адыгэ пшынальэ 1992: 30–35]. Но и этот временной промежуток несколько условен: за семь лет герой не просто вырастает, но превращается в богатыря, который способен одолеть взрослого противника, а впоследствии противостоять целому обществу и даже устрашать его. Другой персонаж, Ашамез, также восстает из колыбели и начинает вращаться. Мало того, эпический герой сразу после появления на свет оказывается готовым к совершению взрослых подвигов [Фольклор адыгов... 1979: 106]. Правда, между младенческим периодом и деяниями, которые должны быть под силу лишь взрослому богатырю, в ряде случаев помещается некий «буфер»: юный герой вначале отправляется туда, где на льду играют нартские дети, вступает с ними в конфликт и нещадно расправляется с большой партией мальчиков, которые намного старше его самого. Но это надо рассматривать в качестве не самостоятельного подвига, а только своего рода прелюдии к последующим событиям. Характерно, что нартский богатырь, несмотря на свою юность, превосходит силой, умом и мужеством не только ватагу мальчишек, но и самых славных взрослых воинов

[Фольклор адыгов... 1979: 105–121]. Нарт Батраз мстит за гибель своего отца, но, не останавливаясь на этом, он в стремлении к безусловному признанию настолько сильно устрашает все сообщество нартских воинов-богатырей, что ставит их в безвыходное и намеренно унижительное положение. Это можно рассматривать как выражение тенденции к высшей ступени социализации. Ашамез, восстав из колыбели, в тот же день расправляется с несметным числом мальчишек, узнает о судьбе своего отца, обретает богатырское оружие и боевого коня, а затем отправляется совершать подвиг, который оказался не под силу целой партии лучших нартских наездников. В данном случае можно говорить не просто о подвиге, а целой цепи подвигов – усмирение богатырского коня и оружия, переправа через фантастически широкую реку, добывание табуна лошадей, принадлежавших его кровному врагу. Далее он вступает в поединок с врагом, одерживает победу над ним и женится на его супруге-волшебнице. При этом поединок длится в течение нескольких дней, совершает кровную месть, хотя не без использования хитрости (но к ней он прибегает исключительно в ответ на коварство противной стороны), забирает все имущество побежденного и – что немаловажно – привозит в качестве воинской добычи супругу противника. Последнее призвано венчать всю цепочку подвигов. Таким образом, оказывается, что герой всего нескольких дней от роду не только совершает один из подвигов, но преодолевает целый цикл испытаний, завершающийся обретением жены, и этим в одном сказании органично соединяются два универсальных фольклорных мотива – кровная месть и богатырское сватовство. Очевидно, что это одна из художественных интерпретаций мотива инициации героя. Получается, что в одном лиро-эпическом сказании, пшинатле об Ашамезе, спрессован целый комплекс таких сюжетных универсалий, как рождение, богатырское детство, фактически первый выход за пределы родного дома, один из ключевых в эпической системе богатырских подвигов и фактически полная социализация героя. Для нас особенно важно, что в цикле Ашамеза эта жизненная стадия представлена в одном сказании, в котором повествование завершается привозом невесты. Важно отметить, что композиционно пшинатль построен таким образом, что контаминации почти не замечаются: в сказании фактически нет побочных сюжетных линий, отвлекающих внимание от основной канвы повествования текст произведения представляет собой стройное изложение истории о том, как герой отомстил за гибель своего отца. Это можно воспринимать как художественное осмысление полного и относительно заверщенного важного этапа жизненного цикла, восходящего к серии инициальных испытаний и этим символически венчающий процесс вхождения личности во взрослое сообщество. В эпическом произведении это описано в предельно сжатой форме.

В младшем эпосе, который в отличие от архаических по типу нартских сказаний более ориентирован на полную достоверность событийной основы сказаний и песен, герой Андемиркан также проявляет признаки богатырства еще в младенчестве: согласно одной из популярных версий он был принесен огромным орлом, что символизирует небесную природу и светлую силу, крик ребенка устрашает бывалых наездников, а его дерзость отпугивает коршуна, желавшего выклевать глаза младенцу [Андемыркъан. Адыгэ лӀыхъужь эпос: 2002]. В силу более реалистической событийной основы подавляющего большинства сюжетов в младшем эпосе этот герой уже не может так фантастически быстро «повзрослеть». Поэтому, несмотря на чудесные свойства, проявляющиеся у него в младенческом возрасте, согласно прозаическому нарративному компоненту цикла главный персонаж, к моменту своего первого отправления в поход и совершения первого подвига пребывает в отрочестве. По некоторым версиям, ему лет четырнадцать-пятнадцать, иногда меньше, двенадцать, что трудно сопоставимо с быстротой роста нарта Ашамеза, хотя к этому времени он характеризуется внешне совсем взрослым.

В сказаниях о герое исторических преданий Жабаги Казаноко [Сказания о Жабаги Казаноко 2001], персонаже еще более позднем, которого даже к персонажам историко-героического эпоса данный образ правомерно относить только в некоторых сказаниях из множества, посвященных ему, ситуация находит свое оригинальное разрешение. Правда, мотив быстрого роста очевиден и здесь, но он преподносится в сильно модифицированном варианте. Конкретная форма объективации его трансформируется неожиданным образом. Герой не совершает воинского подвига и не отмечен физическим ростом и богатырской силой. Его ампула – необычайная мудрость. Что и проявляется в раннем возрасте. Дело в том, что Жабаги – персонаж, имеющий реального прототипа, жившего на рубеже XVII–XVIII столетий, он хорошо известен как выдающийся реформатор общественного устройства и как дальновидный дипломат. Относительно такого исключительного героя мотив, берущий свое начало в древних мифологических представлениях, уже не может быть задействован близко к его начальной форме. Кроме того, «полифонический» по природе фольклорный и исторический Казаноко более известен не воинскими подвигами, а деятельностью, нетипичной для воинского сообщества, она чаще всего связана с более мирной интеллектуальной сферой. Поэтому его «быстрый рост» как фольклорный мотив призван соответствовать новому ампула, что и выражается в конкретном воплощении первого подвига: герой проявляет впервые себя не как воин-богатырь, а как не по годам прозорливый судья, способный по справедливости разрешить задачу, которая оказалась не по силам даже признанному, умудренному годами судье, который до этого пользовался непререкаемым авторитетом во всей Кабарде. Очевидна параллель: в нартском эпосе юный герой совершает богатырский подвиг: он расправляется с врагом, которого не могут одолеть испытанные бывалые воины, а в цикле сказаний о Жабаги герой-отрок решает задачу не воинскую, а интеллектуальную, оказавшуюся не по зубам признанному великовозрастному мудрецу. В обоих случаях налицо необычайно ранняя социализация личности, хотя пути ее наступления принципиально различны.

Приведенными примерами убедительно подтверждается, что для фольклора, в особенности для богатырского эпоса, типична предельно ранняя социализация героя, во всяком случае – весьма раннее начало ее. Иногда это трансформируется в явление, которое в фольклорной поэтике называется эффектом неожиданности: юный герой вырастает (опять же «не по дням, а по часам») в глубокой тайне от взрослого общества богатырей, неожиданно для взрослых членов воинского сообщества появляется на хасе, собрании нартов, но обязательно – в нужный и решающий момент. причем никому не известным незнакомцем. Он в единый миг совершает свой богатырский подвиг, символизирующий появление в нартском обществе могучего богатыря, какого ранее не было, и уезжает так же быстро, как и прибыл. Подобная ранняя социализация имеет свою художественную заданность и призвана пробудить в юных слушателях стремление к самостоятельности и как можно более скорому внедрению в общество как его полноправного члена. При этом нередко акт выхода героя в общество сопряжен с пересмотром устоявшихся правил или суждений, и это придает образу героя черты нестандартной, субверсивной личности, решительно разрушающей сложившиеся стереотипы [Гутов 2018: 117–131]. Эта черта оказывается характерной для персонажа и позднее, на более активной стадии его социализации.

Если под социализацией понимать не только осознание принадлежности к своей семье или – если взять несколько шире – к своей близкой и дальней родне, то этот процесс начинается уже с выходом ребенка в круг своих сверстников или таких же детей, но даже старших по возрасту. В их числе могут оказаться не только близкие по крови, но и лица, совершенно чужие для него по крови. Тем не менее, в своей совокупности они образуют определенную, пусть и не всегда

устойчивую, социальную группу. Ее модель еще не полностью аналогична модели взрослого человеческого общества, но это все же свое организованное сообщество, характеризующее собственными типологическими признаками. Дети образуют социальную единицу, функционирующую по определенным неписаным, но относительно устойчивым правилам, где важное место занимают традиции. В ней впервые проявляются признаки самостоятельного саморегулирования общества относительно разнородной группы людей, объединенных по определенным внешним признакам. Условно это можно назвать первым, хотя не всегда рельефно выраженным, этапом социализации личности. На этом этапе уже проявляются родовые особенности различного свойства, например, признаки социально-классовой стратификации. Немаловажно то, что у всех адыгских субэтнических групп существовало единое правило – институт аталычества. Представители привилегированных сословий воспитывали своих детей не сами, а препоручали это наиболее надежной во всех отношениях семье, часто из числа своих подданных или же связанных с главой семейства узами дружбы и взаимного доверия. Зачастую функции воспитателей-аталыков доставались чете, проживающей в отдаленной местности, и связанной с настоящими родителями или прямым добрым знакомством, или отношениями вассалитета. До настоящего времени нет твердо определенного мнения о природе и главной причине возникновения аталычества. Очевидным представляется следующее. Воспитатели обычно выбирались из сословия, стоящего на иерархической лестнице ниже семьи самого воспитанника. Но при этом они должны были отвечать определенным требованиям: не быть из среды сословия крепостных или дворовых людей, пользоваться безупречной репутацией, хорошо знать этикет, иметь определенное состояние. Если в семье воспитателей были свои дети, то воспитанник (кан) и хозяйские дети росли вместе, ничем не разделяясь и даже считаясь братьями или братом и сестрой. В фольклоре нет произведений какого бы то ни было жанра или жанровой разновидности, специально отражающей этот социальный институт. Но в разных песнях и преданиях аталычество отражено как довольно популярное явление. Можно считать, что оно использовалось как средство формирования не просто отдельных личностей, а определенной части общества, имеющей достаточно суровое до аскетизма и целенаправленно ориентированное воспитание. Отдаленность от близкой родни способствовала формированию довольно суровой и вольной, социально активной личности, несмотря на сакрализованное вековыми традициями отношение к родителям.

Во многом благодаря системе социализации, основанной на воспитании поколений целого сословия, определяющего векторы общественной жизни, в адыгской среде на протяжении столетий функционировал институт наездничества, а типологически – рыцарства с характерными для него иногда особыми понятиями о добре и благородстве, о чести и достоинстве как приоритетных категориях в системе взаимоотношений. Воспитанные в спартанских условиях, чаще всего дистанцированные от родителей в пору формирования личности и потому чуждые нежного отношения к родителям и ближайшей кровной родне, приученные не к трепетной любви и тонкостям душевных переживаний, а к обожествлению суровых рыцарских идеалов, вчерашние воспитанники составляли у себя на исторической родине нечто подобное египетским мамлюкам; но с той разницей, что в мамлюкской среде все же налицо были более демократические принципы функционирования социального лифта. В адыгской среде воспитанник с почтением относился к своему воспитателю на протяжении всей последующей жизни и ставил аталыка на один для себя уровень с родным отцом, а всю его семью с собственной. Но во всем остальном он оставался аристократом, ставящим себя на иерархической лестнице выше, чем все, кто по своему происхождению стоял на ней ниже его самого.

Возвращаясь к отражению в адыгском фольклоре проблемы социализации формирующейся личности, надо заметить, что в данном плане задействованы

разные жанры устнопоэтического творчества. Можно разделить фольклорные произведения, независимо от жанра, на те, которые ориентированы на проблему прямым образом, и на те, которые затрагивают ее по мере решения каких-либо других проблем. Разумеется, например, в жанре притчи наиболее вероятно проявление прямых установок на определенный ракурс формирования личности. Но это никак не значит, что предание или героическая песня не обращают на это никакого внимания.

Как мы отмечали выше, интенсивность процесса социализации может быть различной на разных стадиях жизненного цикла, и по данной причине сама она может быть подразделена на этапы. Если признать начальным периодом этого процесса отрезок от раннего детства до вступления во взрослую среду, то аксиоматично, что одним из важнейших этапов, следующим за ним и оказывающим решающее влияние на всю последующую жизнь, является вступление в брак и комплекс действий, которые с ним связаны. Вне зависимости от социального статуса и пола личности брак оказывается одним из самых важных этапов, если не самым важным, во всем жизненном цикле человека, способным провести в его биографии четкую линию «до» и «после».

Что примечательно, с точки зрения отношения к социальной среде на судьбы женщины и мужчины этот водораздел воздействует по-разному. Относительно участия юношей и девушек в делах общественного характера первые признаки различий намечаются уже в добрачный период. В этнической культуре это наиболее очевидно обозначается дифференциацией по роду занятий. Тем не менее, надо признать. Что в добрачном периоде жизненного цикла есть отрезок, характеризующий фактически равноправным участием девушек и юношей на семейных и общественных торжествах, на мероприятиях, имеющих отношение к проблемам всего общества. Правда, ни те, ни другие не полноправны при решении вопросов, касающихся целого коллектива, ибо это традиционно является прерогативой или старейшин мужского пола, или даже только взрослых мужчин, чаще всего из привилегированного сословия. В то же время, однако, юноши до своей женитьбы должны были проявить себя с большей очевидностью для всего общества, для чего требовалось не только демонстрация тех или иных умений, знания этикета, мастерства в красноречии и т.п. Это выводило молодого человека на широкую социальную арену, чем складывалось в комплекс испытаний инициального характера. Без успешного выхода и без широкого признания в обществе он бы не мог рассчитывать на успешную партию в предстоящем сватовстве.

Незамужние девушки также имели возможность влияния на процессы в общественной жизни, причем не только участием на всякого рода коллективных мероприятиях, но иногда и прямым воздействием на ход тех или иных событий. В данном плане прежде всего обращает на себя внимание фольклорный образ девы-воительницы, которая принимает участие в сражениях, походах, молодецких набегах. Примеры женщин данного типа представлены уже в архаическом эпосе. Это мать нарта Бадинокко, которая в одиночку расправляется с целым иноземным войском, пришедшим воевать на землю нартов, а также таинственный гость нарта Шауея. Правда, в большинстве случаев женщины-воительницы облачены в мужское платье и соратникам представляются вначале как мужчины, но тайна впоследствии раскрывается ими же самими, и из воина они превращаются в невесту героя. Такой сюжетный ход встречается не только в героическом эпосе, но и в сказке [Лопатинский 189: 51–77].

В плане социальной активности немаловажную функцию выполняли так называемые девичьи дома или девичьи комнаты – отдельные строения или помещения с отдельным входом в комплексе строений семьи, где имела девушка добрачного или брачного возраста. Там молодежь имела возможность свободно общаться, устраивать игрища, учиться разным искусствам, совершенствоваться в

знании тонкостей поведения в обществе, приобщаться к истории и культуре своего народа, в чем важную роль играли песни, предания, эпические повествования, другие жанры фольклора. Тем самым девичьи дома или комнаты становились своего рода центрами приобщения к традиционным духовным ценностям всего общества, практических знаний и навыков, социально мотивированных видов искусства. Если ее «салон» пользовался популярностью и признанием, девушка могла прославиться на весь край, и это стимулировало ее престиж как будущей невесты. Это нашло прямое отражение, например, в песне и предании о Куле-красавице: ее тонкий ум, знание этикета, умение держать себя в обществе, другие достоинства создали ей такую славу, что в ее доме собирались, и только наиболее дерзкие из них рисковали посвататься, самые славные наездники со всего края [НПИНА 1990: 396–400]. В другом цикле историко-героического эпоса рассказывается о том, как в разгар Кавказской войны один из воинов-наездников посватался к девушке, имя которой так же было прославлено в крае. Девушка не отказала жениху, но поставила ему условие, в социальном плане вполне соответствующее ситуации, – раздобыть в качестве платы за нее пушку из вражеской крепости [НПИНА 1990: 89–91]. Данное обстоятельство не совсем согласуется с прямым участием в судьбах всего общества, но в то же время нельзя отрицать и однозначной ориентированности девушки, причем не воительницы, на интересы не личные, а общественные.

С выходом замуж женщина была призвана ограничить круг своих интересов семьей, воспитанием детей, заботой о муже и других домочадцах. Прямое участие в общественной жизни отходило на второй план. Она уже не могла, даже облачившись в мужское платье, участвовать в воинских предприятиях. Также не имела права содержать девичий дом, тем более, не имела права голоса при принятии решений, касающихся судеб всего общества. Однако показательна в данном плане одна притча, связанная с именем легендарного Жабаги Казаного.

Как гласит сказание, мудрец приветствовал вставанием и наклоном головы проходящую мимо девочку. Присутствующие при этом почтенные старцы упрекнули его за неподобающие почести какой-то девчонке, на что Жабаги резонно ответил, что он оказывает внимание не просто девчонке, а будущему поколению, так как в скором времени эта девочка вырастет, войдет в чей-то дом, принесет туда свое понимание чести и достоинства, станет матерью и будет воспитывать своих детей, то есть людей нового поколения, в духе того, какое отношение она сама видела от других [Гутов 1998: 53]. Сюжет интересен в данном случае тем, что в нем отражается роль женщины в формировании здорового общества, несмотря на всю сложность отношения к ней в ранние и поздние времена феодального строя.

Вступление в брак мужчины несколько не снижало его роли в жизни социума. Если до женитьбы он проявлял активность в качестве претендента на достойное место в кругу взрослых членов общества, то после нее он обретал это место во всей полноте. Естественно, что при этом социальная активность несколько не снижалась, а, напротив, более активизировалась. В адыгских преданиях и богатырских сказках типичным местом является отбытие героя-молодожена сразу после завершения свадебных церемоний в длительный поход, чем он символически отмечает свой новый статус. Если его предприятие оказывалось успешным, то всю свою добычу он раздаривал, не оставляя себе ничего. Этим он символически отмечал свой новый статус. Именно во время подобного отсутствия героя его жену похищает чужеземец в упомянутой выше сказке о красавице Елене, что в мировой литературе известно по «Илиаде» Гомера.

С женитьбы начинается у мужчины период самого активного участия в жизни всего общества. Он достигает наибольшего умения в воинских предприятиях и сочетает опыт с энергией еще не утраченной молодости: на общественных собраниях при решении важных вопросов его слово может иметь решающее

воздействие. Этот период завершается только с возрастом или получением тяжелого увечья, а нередко и гибелью. В течение всего этого важного отрезка жизненного цикла для настоящего наездника считалось недостойным много дней подряд проводить в кругу своей семьи, он должен был находиться в разъездах, в воинских походах, в мероприятиях по охране своего общества от неприятелей. Военные трофеи или охотничья добыча щедро раздавались членам общества, чем увеличивалась в глазах общества репутация героя. По достижении преклонного возраста мужчина из разряда воинов-наездников несколько дистанцировался от регулярного участия в таких предприятиях как воинские и охотничьи кампании, начинал уделять больше времени семье, личному хозяйству, хотя полностью от общественных дел не отходил. Это явление меньше выражено у лиц мирных занятий – ремесленников, представителей простолюдов. Со временем он и вовсе отказывался от привычного образа жизни, которую он вел с самой молодости. Его участие в общественных делах сводилось к содержанию гостиницы, хачеши, который нередко выполнял роль места обсуждения общественных проблем, активного функционирования традиций, передачи обмена новостями, демонстрации различных видов искусства. Но это уже несравнимо с той степенью участия в общественной жизни, которая налицо в предыдущей стадии жизненного цикла.

Женщина, которая со времени выхода замуж фактически не принимала прямого активного участия в общественной жизни (ей было фактически запрещено посещать общинные и семейные празднества, разного рода вечеринки), по достижении преклонного возраста, напротив, получала реальную возможность заметно активизироваться после того, как она переступала стадию детопроизводства, а подростки ее дети переставали нуждаться в ее прямой опеке. Во внутрисемейной иерархии она превращается из покорной исполнительницы воли мужа и старшей женщины в доме в полноправную распорядительницу. Под ее началом находятся дочери, несовершеннолетние сыновья, другие младшие домочадцы, а если сын или сыновья женаты, то также и невестка или невестки. Во вторых, она получает право посещать различные торжества, нередко – быть приглашенной на семейные или общинные празднества в качестве почтенной гостьи или одной из распорядительниц, участниц ритуалов. Естественно, о равных правах с мужчиной говорить не приходится, но возможность ее непосредственного участия в общественных празднествах свидетельствует о бесспорном подъеме социальной значимости женщины на новую ступень. Ее положение еще более укреплялось, когда она оставалась в статусе старейшины рода или семьи. Подобное было естественным в условиях, когда мужчины, проводившие большую часть своей жизни в опасностях, уходили из жизни, не достигнув старости. В эпосе это довольно рельефно отражено в образе Сатаней-гуаши, мудрой, всеведущей и вечно прекрасной наставницы нартских богатырей, к которой за советом обращаются самые славные герои в трудную минуту. Естественно, что это сугубо вымышленный персонаж, связанный с древнейшими мифологическими представлениями. Но, как можно судить, появление его в фольклоре имело свои реальные основания.

Таким образом, можно заключить, что социализация личности в традиционном обществе это процесс протяженный во времени. Помимо того, это процесс, имеющий свои циклы большей или меньшей интенсивности, причем различающиеся в жизни мужчины и женщины. По тому, какой из периодов представляет наибольшую значимость для характеристики личности, происходит и ее итоговая оценка в сознании социума. Человек, запечатлевшийся в коллективной памяти как личность, знаковая для всего общества, нередко становится героем преданий, песен, меморатов. Его образ, попав в фольклорный обиход, со временем обретает черты идеального героя, подвергается своего рода типизации и в таком качестве продолжает и после завершения своего земного пути оказывать влияние на определенную часть общества как пример, образец, истинный герой. Лицо,

общественный статус которого был значительно ниже, имел больше перспективы оставаться в памяти лишь прямых потомков, родственников и друзей. Вероятность попадания такого лица в номенклатуру фольклорных героев была гораздо ниже.

Источники и литература

1. Адыгэ лыхъужь эпос. Андемыркъан / Зыгъ. КъардэнгъуцІ Зырамыкущ. Налшык: Эльбрус, 2002. 372 н.
2. Адыгэ пшынальэ / Зэхэзылхъар КъардэнгъуцІ З. Налшык: Эльбрус, 1991. 224 н.
3. Гугова А.М. Этюды о кавказском этикете. Налчык: Эльбрус, 1998. 128 с.
4. Лопатинский Л.Г. Кабардинское сказание «Красавица Елена и богатырь-женщина» по сравнению с эпосом Гомера и сказаниями других народов // Известия Бакинского университета. Отделение гуманитарных наук. Т. I. Баку, 1921. С. 175–196.
5. НПИНА 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. 488 с.
6. Сказания о Жабаги Казаноко. Тексты / сост. З.М. Налоева и А.М. Гугова. Налчык: Эль-фа, 2001. 332 с.

STAGES OF THE LIFE CYCLE AND SOCIALIZATION OF THE INDIVIDUAL IN FOLKLORE

Gutova Lyana Adamovna, Candidate of Philology, Senior Researcher Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lyanagut@bk.ru

The article deals with the problem of reflecting the socialization of the individual in the traditional Adyghe society in folklore, taking into account gender, age and class differences. It is established that in different age periods, the intensity of individual participation in the functioning of the entire society is different. Before reaching physiological maturity, the process of socialization is generally ascending. There is an accumulation of knowledge and skills of entering a person into society, the first cases of their own participation in the activities of society, which is reflected in both ethnographic and folklore materials. At this stage, the genres of oral poetry are sources of knowledge and positive communication skills. Marriage is a milestone for both men and women. However, if this marks the apogee of social activity for the man, then the woman with marriage renounces direct participation in society and focuses on raising children and running the household. When human reaches old age, the opposite process occurs: the man partially withdraws from active social activities, while the woman is more involved in it than before.

Keywords: socialization, ethnography, folklore, society, social activity, stages of personality socialization.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-91-99

ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ Т. ЗУМАКУЛОВОЙ. ПОЭЗИЯ ВЫСОКОЙ ДУХОВНОСТИ

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bolatovaatieva@mail.ru

В представленной статье намечен ряд исследовательских задач, связанных с выявлением специфики стиля Т.М. Зумакуловой, философской основы ее поэзии, новаторских решений, поэтических находок в трактовке этнической образной системы. В работе нашли отражение все те составляющие творческого процесса, которые формируют представление о характере мировосприятия и направленности авторского замысла. Фокус рассмотрения вбирает произведения разнопланового содержания и жанровой принадлежности. Придерживаясь принципа соразмерности, для полноты раскрытия заявленной темы выявляются значимые вехи творческого становления поэтессы, достижения на пути качественного обновления балкарской поэзии, расширения возможностей поэтики национального стиха, привнесения эффективных художественных моделей. Результаты исследования подтверждают закономерность признания таланта балкарской поэтессы в ряду корифеев национального словесного искусства.

Ключевые слова: творческая индивидуальность, лирическая субъективность, мифологизация, природная символика, ассоциативно-метафорическая поэтика.

Танзиля Мустафаевна Зумакулова – одна из наиболее ярких представителей эпохи и созидателей основополагающих традиций национальной поэзии. Ее творчество является закономерным продолжением поэтического наследия именитых предшественников. Поэтессу нередко называют последователем и преемницей К. Кулиева. В некоторой степени это мнение справедливо (в книгах «Молчание» (1972) и «Сокровенность» (1974) прослеживаются его эстетические уроки), однако по характеру мироощущения и отражения действительности авторы разнятся. Произведения Т. Зумакуловой составляют качественно новый пласт лирической поэзии, отмеченной спецификой женского мировосприятия. Ее художественное дарование основано на необычайно чутком улавливании тончайших нюансов человеческой души и поэтизации природы.

Масштабность мыслей, чувств, переживаний, психологическая убедительность, цельность, новаторство проблематики снискали ей популярность, как в оценке литературной критики, так и среди читающей аудитории. Философско-психологическое осмысление жизни, концептуально целостное содержание произведений ставят ее творчество в один ряд с именами К. Кулиева, И. Бабаева, М. Мокаева.

Лирика Т. Зумакуловой, характеризующаяся гуманистическим взглядом на мир в самом высшем его проявлении, обратила на себя внимание людей разных народов и поколений, литераторов, собратьев по перу и рядовых читателей. Уже в первом поэтическом опыте (книга стихов «Цветы на скале» – 1959) проявились нестандартность мышления автора, вдумчивость и прочувствованность строк. Эти стихи наполнены жизнеутверждающим содержанием, и в формальном плане обозначили новые горизонты на пути обогащения балкарской литературы.

Т. Зумакулова удостоилась чести войти в число ярких представителей региональной и российской поэзии, что подтверждается многочисленными стихотворными сборниками автора: «Дым очага» (Нальчик, 1965), «Радуга над домами» (Москва, 1968), «Чирахтан» («Светильник» Нальчик, 1969), «Молчание» (Нальчик, 1972), «Кёз жарыгъым» (Нальчик, 1972), «Сайламала» (Избранное, Нальчик, 1975), «Жазыгусуз жазмала» («Непредвиденные письма» Нальчик, 1977), «Сокровенность» (Москва, 1980), «Старой песни новая строка» (Москва, 1977), «Весна в горах» (Москва, 1982), Избранное (Москва, 1983), двухтомное издание сочинений «Сайламала» (Нальчик, 1989) и мн. др. Их ценностный уровень подтверждает мысль о том, что в творчестве поэтессы сильны традиции национальной культуры в синтезе с опытом русской и восточной литератур.

Читая лучшие строки Т. Зумакуловой, приходишь к пониманию сути толстовского выражения о том, что «Поэзия есть огонь, загорающийся в душе человека. Огонь этот жжет, греет и освещает... Настоящий творец сам невольно, с страданием горит и жжет других» [Толстой 1983: 215]. Непременным условием значительности художественного творчества является злободневность, современное звучание произведений, что в большей степени зависит от социальной остроты содержания, широты охвата жизненного материала и концептуальной емкости. Лирическая субъективность Т. Зумакуловой не только соответствовала отмеченным критериям, но по тем временам во многом превосходила планку предъявляемых к творчеству требований. Поэтика ее произведений сочетала объективность в отражении действительности, романтическую возвышенность и глубину философского обобщения. В ней неизменна связь с национально-историческими, фольклорно-мифологическими источниками. В творчестве балкарской поэтессы имеет место осмысление таких моментов жизни и привычных реалий действительности, которые заставляют читателя по-иному взглянуть на мир («Сыплет небо белый снег», «Береза», «Злое слово», «В шапке из литого серебра»). Сказанное определяет своеобразие образной системы и смысловое наполнение ее поэзии. Художественные средства, отобранные автором, подсказаны тенденцией преемственности и индивидуальным поэтическим чутьем, обогащая опыт предшественников субъективным мировоззрением.

Символический ряд, составленный из архетипических образов *камня, цветка, дерева, горы* получает своеобразное художественное начинение. Особое место отведено образу *цветка*, ставшего своего рода маркером зумакуловской поэзии. Ассоциативно-метафорическая поэтика, основанная на анимистическом мироощущении, как особенность этнического мышления, явилась источником неожиданных сравнений, уподоблений, параллелей и олицетворений. Сказанное можно проиллюстрировать на примере таких произведений как «Стеклянная чаша», «Жизнь подобна океану», «Старое дерево». В специфической интерпретации естественных явлений человеческого бытия, в стремлении открыть в очевидном, лежащем на поверхности более глубокие, недоступные для многих грани и смыслы кроется источник притягательной силы строк Т. Зумакуловой.

Путь ее творческого становления убеждает в непреходящем значении поэтического слова. Показателен и удачен опыт поэтессы в нахождении новаторских путей в осмыслении характера современной ей эпохи в поэмах «Благодарность» и «Чужбина». Здесь более чем очевидны глубина философского содержания, искренность переживаний, умение автора ставить, решать эпические цели и задачи, акцентированно высвечивать проблемы, выдвигаемые самим временем. Обращение к теме психологии личности, нравственным истокам ее формирования характеризует содержание сборников «Светильник» и «Сокровенность». Не будет преувеличением сказать, что в этих книгах представлена поэзия высокой духовности. Ощущение основательности в решении нравственно-этических вопросов возникает вследствие глубинного психологизма. Выигрышны в этом аспекте стихотворения

«Старое дерево», «Цветок, растущий под расселиной», «Если радость, то я улыбаюсь». В подобных текстах заметно господство размышляющего начала, а также выпукло представлено лирическое «Я» Т. Зумакуловой. «Медитативность как высший показатель лирического рода» [Поспелов 1960: 64] прочно утвердился в творчестве балкарской поэтессы, основу которой составляет гуманистический идеал. Синтез лирического переживания и аналитичности преобразовывает традиционный лирический жанр в качественно новое явление, характеризующееся предельной осязаемостью и прочувзованностью. Этим обусловлено высокое общечеловеческое звучание поэтических строк Танзили Зумакуловой.

В своем стремлении облечь в художественную форму проблемы, волнующие современное общество, поэтесса достигает социальной типизации образа. Еще одним немаловажным акцентом в творчестве Т. Зумакуловой является то, что время как таковое выражено в его цельности, окружающий мир – в живом многообразии явлений, картин, событий, характеры героев – в совокупности психологических противоречий. Острое ощущение времени, философское осмысление действительности придают ее поэзии ту самую историческую перспективу, насыщают глубоким драматическим содержанием, объективируют переживания, чаяния, мысли и чувства человека XX века.

Многообразие текстовых вариаций подводит исследователей ее творчества к выводу о том, что у этого автора «нет пристрастия к однажды избранной или удачно найденной стихотворной форме» [Толгуров 1984: 206], поскольку поэтесса находится в постоянном поиске новых стилистических решений. Свои мысли и чувства Т. Зумакулова одинаково органично выражает в форме лирической исповеди (как пример – «Моя любовь»), в миниатюрах, тяготеющих к афоризмам («Жизнь – море, и волнуется оно»), в произведениях драматического содержания («Камень», «Сильный ветер»), больших сюжетных стихотворениях («Сказка»), в лирических и лиро-эпических поэмах. Такое взаимопроникновение жанровых форм позволяет поэтессе глубже постичь сущность эпохи, сакцентировать внимание читателя на женском мировосприятии. Стремление к отражению максимально возможных проявлений прекрасного, утверждению доброго начала в человеке, усилению реалистичности в воспроизведении действительности составляют приоритеты поэзии Т. Зумакуловой.

Неисчерпаемое богатство художественных средств с использованием всего лучшего, что заложено в мировой поэтической традиции, сложность и глубина ее творческой индивидуальности нашли отражение в различных исследовательских трудах (статьи З. Толгурова – «Цветы на скале», «Голос горянки», «Светлое слово поэзии», А. Теппеева – «Истоки красоты: Штрихи к портрету Т. Зумакуловой», «Кайсын и Танзиля»). В этом ряду следует выделить книги А. Теппеева «Зумакулова Т. Жизнь. Творческий путь» (1997, на родном языке), Т. Эфендиевой «Откровение» (1981). Одной из попыток комплексного изучения поэтического наследия Т. Зумакуловой явилась и наша первая монография («Лирика Танзили Зумакуловой: традиции и новаторство» – 2008), посвященная изучению художественного своеобразия ее лирики, выявлению новаторских подходов в решении темы. Вместе с тем, в многогранном творчестве поэтессы остается еще множество неизведанных глубин, и только совокупное рассмотрение всех имеющихся исследований будет способствовать более полному отражению специфики стиля, сущности «женской» лирики, отличающейся особой душевностью, искренностью чувств и эмоциональным накалом.

В стихах Т. Зумакуловой представлено целостное видение мира, в их содержании наблюдаются переосознание времени современником, ответственность отдельного человека за всеобщее, понимание связи между писателем и действительностью. На примере собственного творчества поэтесса демонстрирует усиление гуманистических и интернациональных мотивов, ориентированность на

объективное, правдивое отражение исторических реалий, переоценку ценностей. Нравственные поиски, раздумья о судьбе народа, необходимость осмысления социально-исторической проблематики обусловили усложнение стиховой композиции, подчеркнутое тяготение к реалистичности, обогащение художественных произведений жизненным материалом, тенденцию к психологическому анализу, исследованию человеческих характеров в соответствии с интенсивно меняющейся действительностью.

Если на этапе становления поэтической индивидуальности Т. Зумакуловой в ее поэзии доминировала «светлая» эмблематика, и читателю могло показаться, что голос художника не обременен серьезными философскими раздумьями, а стихотворения проникнуты идеей всепоглощающей доброты, то процесс формирования реалистического мировоззрения, глубокого осознания противоречий эпохи подводит автора к усложнению структуры и полифонии содержания. Характерная для советского периода тенденция к декларативности во многом определяла проблематику художественных произведений тех лет, как литература, так и искусство в целом оставались подвластными регламентированному творчеству. Т. Зумакулова оказалась одной из тех, кому со временем удалось преодолеть влияние нормативной эстетики.

Открытием стал созданный поэтессой образ хрупкого *цветка*, усилием воли пробивающегося к свету сквозь скальную твердь. Первый стихотворный сборник поэтессы так и называется «Къаяда гюлле» («Цветы на скале» – Нальчик, 1959), знаменуя собой возрождение народа, укрепившего характер в тяжелом труде, бедах и испытаниях, сумевшего вопреки жесткому идеологическому диктату выстоять, сохранить этническую самобытность, утвердить на собственном примере торжество добра и справедливости. «Парадоксально сочетание в образе цветка силы и слабости. Мотив хрупкой силы для поэзии Т. Зумакуловой весьма существенен» [Атабиева 2008: 90]. В дальнейшем этот удачно подобранный образ становится сквозным, повторяясь в последующих стихотворениях. Таков, к примеру, цикл «Близкие мелодии издадека», в котором указанный символ обрастает новыми метафорическими смыслами (образ цветка приобретает качественно иные характеристики, олицетворяя лирическую героиню).

Трудный исторический путь народа, а также личные впечатления и опыт автора, несомненно, накладывают отпечаток на создаваемые произведения. Социально-общественной ситуацией подсказаны тематика и идеи художественного творчества в последующие годы. В дальнейшем поэзия Т. Зумакуловой крепла и обогащалась, обнаруживая новаторские линии в аспекте реалистического освещения и объективной оценки исторической действительности 1960-х годов. Поэтесса постулирует гуманистическую философию, обобщая опыт народа, прошедшего горнило войны и трагедию депортации. Драматическим последствиям событий этнической истории посвящены такие произведения Т. Зумакуловой как «Голоса прошлого», «Девочка в день победы», «Хрустальная ваза». Эти стихотворения во многом автобиографичны, каждое из них представляет собой страницу жизни (воспоминания детства, опаленного войной), о чем красноречиво свидетельствуют следующие строки: «*Я войне все детство отдала*», «*Жизнь моя несладко начиналась*». Замечательны по контрасту применяемые художником метафоры: война уподобляется «*грохочущей яростной туче*», *хрустальная ваза* становится олицетворением земли и хрупкости мира. С этого момента противоречивые, драматически напряженные обстоятельства составляют основу поэзии Танзили Зумакуловой.

Военная тематика в творчестве автора отражена чаще всего посредством контраста. Таково, к примеру, содержание «Антивоенной поэмы», где тонкость композиционных рисунков и поэтическая символика создают зримость, конкретность образа эпохи: небо в осколках бомб, «оспины» на поверхности земли от разрыва

снарядов, мучительное ожидание почтальона противопоставлены запаху свежескошенного сена, безоблачным небесам, девушке, спускающейся за водой, журчанию горных рек и т.д. Все эти зримые детали подчинены утверждению мысли о хрупкости мира.

В лирике поэтессы своеобразным видится и преломление образа современника. Лирическая героиня приобретает такие духовные качества и нравственную целенаправленность, которые позволяют ей сочетать в себе черты матери, труженицы, общественного деятеля, в ней воссоздан облик женщины военного и послевоенного времени, разделившей со своим народом все тревоги, невзгоды и лишения. Она воспринимается как носитель лучших свойств национального характера. Размышляя о судьбе мира, горянка ощущает себя важным звеном общества, ответственным перед другими. Героиня Зумакуловой высоконравственна, обладает сильным характером.

*Захочу, из камня выжму молоко,
Золото найду в сухих песках.
...Доплыву до морских глубин,
Птицей взмою в небо ...*

(здесь и далее подстрочные переводы – А.А.)

Говоря об эволюции творческого дарования художника, важно отметить тот факт, что в ее произведениях сильны традиции балкарской, а в более широком аспекте – горской поэзии. Однако уже в 1960-е годы она выказывает стремление выйти на новый глобальный уровень, накапливая поэтический и жизненный опыт. Этим обусловлен выбор формы лирической медитации и философских раздумий:

*Как сложен и прекрасен мир!
Где-то солнце беззаботно светит,
Где-то тусклое садится.
Туман чернеет, небо хмурится,
Здесь – радость, там беда гнездится*

На первый взгляд в стихотворениях Т. Зумакуловой чувственное восприятие довлеет над логикой и разумом, но подобное впечатление обманчиво. Эти два начала теснят друг друга, и нужно обладать подлинным художественным дарованием, чтобы в равной степени соединить их в своем творчестве. Характеризуя ее поэзию, Д. Кугультинов писал: «Удивительные стихи – тонкие, пронзительные. Уметь чувствовать так может только талант высокого благородства» [Зумакулова 2009: 8]. Поэтесса проявляет способность физически прочувствовать боль сломанной ветки, срубленного топором дерева, проявлять участие семье, у которой горе, беспокоиться за старушку, что согнулась под тяжелой ношей. Облегчить чужие страдания поэтическое слово может только в том случае, если их автор сам в должной мере испытал настоящую боль. Благородная миссия творца заключается в том, чтобы принять на себя людские страдания – мотив, который внес в поэтику Т. Зумакуловой существенный смысл:

*Если, собрав всю радость
И беды на земле, скажут:
«Пусть выберет каждый, что хочет»,
Я выберу горе, ответив:
«Да будут моими и боль, и страдание»*

В поэзии автора многоликий мир познается в параллельном исследовании различных граней. Бытие в соответствии с закономерностями самой жизни распадается

на горе и радость, покой и мятежность. Борьба света и тени (при явном преимуществе доброго начала) лежит в основе первых ее произведений и продолжает развиваться в последующих.

Несмотря на то, что мотивы лирики Т. Зумакуловой в целом традиционны, поэтесса не дублирует их, не повторяется. Отмеченное качество можно проиллюстрировать на примере архетипического образа *камня*. В творчестве многих национальных авторов он прочно закрепился в качестве многозначного символа, олицетворяющего стойкость, сдержанность, мужество и терпение. В произведениях, созданных поэтессой в 70-80-е годы прошлого века, привычное значение этого образа существенно обновляется.

Оставаясь привязанным к национальному характеру, безмолвный камень по традиции наделяется монологической речью, способностью мыслить, чувствовать, страдать, выражать свое отношение к происходящему вокруг (это заметно в следующих строках: *«И я чернею от душевной боли, // Я замираю, памятником став»*). Образ камня становится выразителем мыслей автора о сущности бытия, душевных устремлений человека и нравственных принципов. Однако Т. Зумакулова вкладывает в него новое содержание: он предстает взору читателя в роли живого, разумного существа, впадающего, как и человек, из одной крайности в другую. Камень способен быть одновременно добр и непокорен, смиренен и строптив, выдерживая то, что не под силу человеку (таков камень, подставивший себя кирке). Разочаровавшись однажды или испытав несправедливость, камень может превратиться во всепоглощающую стихию, низвергаясь с высоты, беспощадно крушить все на своем пути, хотя терпение его и слывет «каменным» (*«Но стоит лишь сдвинуть с родной земли, // Поймете, что способен выйти из терпения я»*). «Мятежность, скрытая в покое» ощущается в каждой детали. Камень становится воплощением неуправляемой, стихийной мощи. Автор формирует в сознании читателя особое представление о привычном, высвечивая ранее не подмеченные свойства.

Создавая условные образы путем «предметной детализации и чувственной цельности показа» [Поспелов 1960: 138], поэтесса сосредотачивает свое и читательское внимание на самой выразительной черте предмета, через которую просвечена вся цепь ассоциаций, так достигается их наибольшая рельефность.

Одним из эффективных способов творческого усвоения традиции является мифологизация. Обращение к мифу зависит от интеллектуального уровня художника, предполагает зрелость художественного мышления и способствует максимальной реализации потенциала поэтической индивидуальности. «Творческое использование мифа помогает глубже постичь национально-бытийное, конкретизировать общечеловеческое, вневременное, ведет к обогащению поэтики» [Толгуров 1991: 269]. Миф в поэзии Т. Зумакуловой многофункционален. Потребность в раскрытии заключенного в предмете или явлении эстетического содержания, стремлением выработать необходимые духовно-нравственные ориентиры обусловлена употребительность приема мифологизации в творчестве автора. «Поэтику ее произведений характеризует употребление мифологических образов *солнца, земли, дождя, дерева, горы, огня, ветра, воды, очага*, исполненных печальной философской медитативности» [Атабиева 2008: 88]. В подобном ракурсе рассматриваемы: стихотворение «Стеклянная чаша», поэма «Беспокойная земля» (*земля, планета*), циклы «Четыре просьбы», «Радость любви» (*море, солнце*). Сюжетная экспозиция отмеченных произведений формируется путем отбора сравнений, усиления метафоричности и трагического контраста. Надо сказать, функциональность поэтической символики не исчерпывается внешне пластическим изображением, они становятся средством создания объективного представления о мире. Условность в данном случае играет роль «увеличительного стекла», преломляющего действительность.

Элементы персонификации обнаруживаются и в содержании больших сюжетных стихотворений, вместивших в себя выразительные средства лирики, эпоса и драмы. Метафоричность присуща содержанию философско-лирических пейзажей («Яблоня», «Деревья»). Традиционный для национальной поэзии образ *дерева* преподносится здесь как символ бескорыстного служения людям. Среди цветущих, дарующих сочные плоды растений взгляд художника останавливается на высохшей, неприметной яблоне с почерневшей кроной. Трогательны ее воспоминания о былой красоте и пышности листьев на ветвях. Автор глубоко сочувствует дереву, мечтающему вновь зацвести и радовать глаз. Трагизм содержания усиливается осознанием невозможности вернуть утраченную молодость. Яблоня смиренно подставляет себя топору, понимая, что конец неотвратим. Рассказ плавно переходит в драму: срубленное дерево, потрескивая горит в очаге, даже смертью стремясь нести добро. Прервав рассказ на такой печальной ноте, поэтесса не сумела бы в полной мере раскрыть основную идею произведения, поэтому художник завершает его словами: «*Даруя нам последнее тепло, // Сгорев, остынет, превратится в пепел. // Вот бы и мне так светло умереть!*». Отслеживая весь жизненный цикл дерева от цветущей, беззаботной юности до старости и неизбежного увядания (ступенчатое развитие образа), поэтесса улавливает малейшие оттенки его переживаний, процесс трансформирования психологии, метаморфоз сознания. Удачным является передача контрастирующих картин. В пору своего расцвета дерево радуется солнцу, пению птиц, щедро дарит уставшим путникам благодатную тень и плоды. В старости же оно перевоплощается в злобное, завистливое существо, и отношение к миру в корне меняется:

*Когда цветут зеленые деревья,
Ты роняешь на них свою тень,
А им тепло и свет необходимы.
Стоишь в одиночестве,
И даже птицы, не садясь,
К тебе питая жалость, пролетают.*

В подобных стихотворениях очевидно искусство подтекста, в едином образе заключены противоречивые значения. Многие произведения поэтессы можно определить как стихи-символы, на что указывает тенденция к использованию приемов мифологизации. Мысль также развивается ступенчато, находя выражение в последующих картинах. В произведениях Т. Зумакуловой легко выявляются рефранные мотивы, сюжетные ходы, структурные модели, заметна некоторая цикличность образа. Этот факт объясняется не столько общностью героя или объекта изображения, стихотворения объединены общей историей и поданы в определенном контексте. Именно такой подход к индивидуальному творчеству позволяет высвечивать жизненные конфликты, а однажды обрисованному художественному образу обрести трансцендентное звучание, переходя в разряд обобщающего символа. Так произошло с раненым камнем в поэзии К. Кулиева, деревом и цветком в творчестве Т. Зумакуловой и А. Кешокова, образом дороги у К. Отарова, обелиска у И. Бабаева и т.д. Из таких ярких примеров собственно и складывается специфика национальной поэзии.

Многомерное поэтическое зрение, выявление глубинного, скрытого содержания – яркая особенность Т. Зумакуловой. Интересными образцами индуктивной лирики служат стихотворения, вошедшие в сборники «Сокровенность» и «Непредвиденные письма». Привлекая предметное богатство мира в качестве единичной ситуации, поэтесса находит широкие возможности для выражения индивидуального содержания. При этом следует отметить «увеличение удельного веса лирики» [Сучков 1978: 243] в ее творчестве. Поскольку поэзия является результатом

совмещения реалистического представления человека о мире и его субъективно-го восприятия, то поэтическая деятельность определяется как слагаемое «двух элементов: объективного, представленного миром внешним, и субъективного, зоркости поэта – шестого чувства, не зависящего ни от каких других качеств художника» [Фет 1859: 75]. Наиболее характерными идеями, воплощаемыми в лирике Т. Зумакуловой, являются мотивы жертвенности, служения добру, вечного обновления, духовного бессмертия и, безусловно, тема исторической памяти. Поэтесса ощущает себя одним из звеньев непрерывной цепи, частицей в круговороте явлений:

*И я сойду, как этот снег,
Покину мир, с землей сравняюсь.
Другие встретят белые рассветы,
Увидят новые снега.
Хотя, кто знает, может вновь
Я оживу, чтобы узреть родную землю,
Пробьюсь травой зеленою в горах,
И снег меня напоит, умирая.*

Примером вечной устремленности к добру представлено *зерно*, в служении всему живому оно видит свое первичное предназначение. Предметом философских раздумий художника становится и бренность человеческого существования («Мы лишь гости в этом мире», «Ни век, ни вечность», «К концу пути»). Подобные стихотворения иллюстрируют тяготение поэтессы к раскрытию категорий «трагического» и «прекрасного». Можно обладать всеми способностями известного поэта, но не иметь его зоркости и чутья, однако наблюдения Т. Зумакуловой – доказательство наличия творческой интуиции и развитого ассоциативного мышления. Природа для нее не «бездушный лик», земля – вовсе «не пылинка в бездонном космосе», привычный горный пейзаж (каменное величие утесов, гордый силуэт двуглавого Эльбруса, тяжелые громады скал, романтически представленные в поэзии А. Пушкина и М. Лермонтова) у Зумакуловой прочитывается несколько иначе. Так, в «Антивоенной поэме» горы представляются взору читателя заломленными руками земли, «*просящей у небес мира для ее детей*». Еще одна гора, как добрый великан, склонилась над балкарцами, чтобы укрыть их от грядущих горестей, защитить от бед. Нет необходимости говорить о силе поэтического воздействия подобных образов.

Для поэтессы характерно частое обращение к читателю-собеседнику, который является не просто созерцателем происходящих перемен в душе лирической героини, автор заставляет сочувствовать судьбе своих персонажей, проникнуться их эмоциональным состоянием, глубже прочувствовать настроение, душевные порывы.

В лирике Т. Зумакуловой мудрость равнозначна печали, что тоже неслучайно. Воспевая благородство человеческого духа, возводя человека на высшую ступень, автор не прощает ему слабостей, ошибок и пороков. Ее поэзия вдохновляет современника, вселяет в него веру, очищает от цивилизованного эгоизма и равнодушия. В этом всеобъемлющем сердце художника сосуществуют два разных полюса жизни («Добро и зло», «Счастье и горе», «Сорняк»), ведь отличительной чертой подлинной поэзии является диалектическая сущность. Стихи Т. Зумакуловой, соответствуя своеобразной поэтической логике, в большинстве своем строятся как преодоление устоявшихся представлений, отрицание негативного, неприятие насилия в современной действительности, осознание необходимости постоянного обновления. Автору свойственна та самая «погруженность в мысль», которая, по определению В. Кожина, имеет своей целью «утверждение мысли как человеческой силы и ценности, в которой логика, этика и эстетика – то есть истина, добро и красота – слиты нераздельно и органически» [Кожин 1980: 53]. Следуя этому

принципу, поэтесса продолжает создавать новое, с каждой последующей книгой («Прохлада гор», «Дым очага», «Радуга над домами», «Светильник», «Молчание»), поднимая планку, намечая путь в будущее.

Показателем роста художественного мастерства Т. Зумакуловой явилось обращение к большой эпической форме. В ее многогранном творчестве получили должное развитие стихотворный цикл («Песни Назыма Хикмета»), лироэпическая («Антивоенная поэма», «Нюржан», «Ханий и пророк», «Чужбина») и лирическая («Благодарность») поэмы, характеризующиеся богатством жанрово-тематического, стиливого диапазона. Поэтесса достигла весомых результатов на пути обновления концептуального содержания и обогащения поэтики национальной литературы.

В творчестве автора обозначен широкий спектр художественных задач, направленных на создание многомерного содержания, придания стиху звуковой экспрессии и смысловой объемности. Несомненно новаторство поэтессы в выборе приемов ритмической модуляции стиха, нечастым явлением в те годы были, скажем, используемая поэтессой строфика, сложные способы рифмовки (корневая, составная, омонимичная). Ранее поэты наряду с точными созвучиями удовлетворялись приблизительными (не образующими рифмы) окончаниями, а иногда облегчали себе задачу обращением к глагольной рифмовке, к формам двустипшия либо малым строфам. Т. Зумакулова смело выбирает свободный стих, астрофическую форму, не подлежащую разбивке на определенные группы строк, демонстрируя тем самым значительное богатство рифм и ритмическое многообразие. Тяготение художника к ассиметричной и составной рифмам «знаменует собой освобождение звуковой валентности от смысловой связи» [Якобсон 1987: 309]. Наряду с поэзией М. Мокаева, И. Бабаева ее творчество способствовало определению перспектив дальнейшего развития национального стихосложения. Поэтические находки автора послужили целям обновления и обогащения формально-содержательного компонента балкарской поэзии, поэтому в общей панораме развития национальной литературы, в ряду признанных мастеров поэтического слова ей отводится достойное место.

В настоящее время поэтесса плодотворно работает над обновленными изданиями поэм и сборников стихотворений. За прошедшие два десятилетия опубликовано множество книг разнопланового содержания. Это: «Жашау череги» («Река жизни») – Нальчик, 2002, «И жизнь, и песнь моя для вас!» – Нальчик, 2009, «Сайламанла» (Избранное) – Нальчик, 1994, двухтомные издания избранных произведений (Нальчик, 2005 и 2015 годы), а также трехтомное собрание сочинений (Нальчик, 2016). Тематический диапазон отмеченных сборников довольно обширен. Время закономерно вносит свои коррективы, насыщая лирику Т. Зумакуловой свежими мотивами и кругом проблем, актуальных на современном этапе. Одно остается неизменным – поэтесса, как и прежде, обращается к настоящей и прошлой жизни своего народа, увековечивая в стихотворных строках его насыщенную драматизмом историю. Лиризм ее современной поэзии очерчен глубокими раздумьями о дальнейшей судьбе мира в эпоху глобальных перемен, о месте человека в нем.

Т. Зумакулову можно по праву назвать поэтом высокой духовности, поскольку ей удается органически совместить в едином информационном поле прошлое и современность, утверждая примером собственного творчества непрерывную цепь преемственности поколений.

Источники и литература

1. *Атабиева А.Д.* Лирика Танзили Зумакуловой: традиции и новаторство. Нальчик: Эльбрус, 2008. 128 с.

2. Танзиля Зумакулова. И жизнь, и песнь моя для вас! Избранные стихотворения и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2009. 496 с.
3. Кожин В. Стихи и поэзия. М.: Советская Россия, 1980. 304 с.
4. Поспелов Г.Н. О природе искусства. М.: Искусство, 1960. 204 с.
5. Сучков Б.Л. Действенность искусства. М.: Советский писатель, 1978. 360 с.
6. Толгуров З.Х. Формирование социалистического реализма в балкарской поэзии. Нальчик: Эльбрус, 1984. 250 с.
7. Толгуров З.Х. В контексте духовной общности. Нальчик: Эльбрус, 1991. 285 с.
8. Толстой Л.Н. Собрание соч. в 22 тт. М.: Художественная литература, 1983. Т. 13. 327 с.
9. Фет А. О стихотворениях Ф. Тютчева // Русское слово. № 2. М., 1859 [Электронный ресурс] URL <http://www.sobolev.franklang.ru> (дата обращения: 22.04.2020).
10. Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

CREATIVE WORKSHOP OF T. ZUMAKULOVA. POETRY OF HIGH SPIRITUALITY

Bolatova (Atabieva) Asiyat Dautovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Sector Karachay-Balkarian Literature of the Institute for Humanities research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bolatovaatabieva@mail.ru

The article outlines a number of research tasks related to explaining the specifics of the style of T. M. Zumakulova, the philosophical basis of her poetry, identifying innovative solutions, poetic findings in the interpretation of the ethnic image system. The work reflects all the components of the creative process that form an idea of the nature of the perception of the world and the direction of the author's idea. The focus of consideration includes works of diverse content and genre affiliation. Adhering to the principle of proportionality, for the full disclosure of the stated theme, significant milestones of the poetess's creative development, achievements in the way of qualitative updating of Balkar poetry, expanding the possibilities of national verse poetics, and introducing effective artistic models are identified. The study confirms a pattern recognition Balkar poet among the leading figures of the national literary art.

Keywords: creative individuality, lyrical subjectivity, mythologization, natural symbolism, associative-metaphorical poetics.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-100-109

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Б. МАЗИХОВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Хавжокова Людмила Борисовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Куантова Жанна Юрьевна, аспирант Научно-образовательного центра Кабардино-Балкарского научного центра РАН (НОЦ КБНЦ РАН), kuantova.zhanna@mail.ru

Статья посвящена исследованию новеллистического творчества кабардинского писателя Бориса Мазихова в общем контексте становления и эволюции жанра новеллы в адыгской литературе. Актуальность выбранной темы определяется стремительной эволюцией исследуемого жанра в творчестве Б. Мазихова и отсутствием отдельных исследований, посвященных новеллам писателя. Внимание авторов акцентируется на индивидуально-авторском мастерстве Б. Мазихова. Определяется его вклад в развитие адыгской новеллистики, выявляются содержательные и композиционные особенности новелл. Детализированному анализу подвергается ряд новелл: «Надгробный памятник», «Обида», «Любовь Хатох» и некоторые другие. В исследовании использованы принципы традиционного сравнительно-исторического анализа. Полученные результаты могут стать теоретическим подспорьем при изучении адыгской прозы, в частности, малых форм прозаического жанра, а также найти практическое применение в спецкурсах, исследовательских работах преподавателей, аспирантов и студентов.

Ключевые слова: новелла, новеллистическое творчество, жанр, проза, жанровый признак, адыгская литература, психология, драматизм.

Новелла часто рассматривается как определенная, конкретно-историческая разновидность малых форм прозаического жанра. Архаическими предшественниками новеллы и всего прозаического искусства являются народные предания, сказания о народных героях и мифологических образах. В адыгских (адыгейской, кабардинской, черкесской) литературах – это герои Нартского эпоса, фольклорные персонажи и др. К древним праобразам новеллы следует также отнести комический цикл о Ходжа (Хьюэжэ), включающий юмористические и сатирические зарисовки. По структурно-композиционной организации эти зарисовки близки к коротким рассказам и миниатюрам, однако по содержанию они носят новеллистический характер, синтезированный с признаками анекдота. В анекдотах (речь идет о художественно оформленных произведениях), как правило, наблюдается прославление проделок хитрецов и высмеивание тех, кого они «обводят вокруг пальцев». В подобных произведениях присутствует асимметрия, коррелирующая с социальным неравенством: образы хитрецов – обычно в лице простаков и глупцов, как правило, изображаются в положительном ракурсе, в то время как люди, представляющие зажиточный слой населения (духовные служители, князя, помещики и др.) показываются в отрицательных тонах. Основной акцент в таких произведениях делается на ловкости, прозорливости, изобретательности первых (хитрецов) и воссоздании

комичных ситуаций, создаваемых ими. Жертвами таких ситуаций оказываются вторые – представители высших социальных сословий. При этом в подобных произведениях наблюдается удачный синтез добродушного юмора, соотносимого с образами хитрецов, и сатирических (в некоторых случаях и саркастических) элементов, чаще всего коррелирующих с образами богачей, помещиков, князей и т.д. Образ хитреца впоследствии успешно вошел в сказку, аллегорически перевоплотившись в животные персонажи. А сказки о животных в свою очередь стали предшественниками аллегорической басни и сказок-анекдотов – непосредственных праобразов новеллы.

Генезис жанра новеллы в адыгской (кабардино-черкесской) литературе относится ко второй половине XX в. Однако принимая во внимание тот факт, что становление самой литературы приходится лишь на начало XX века, и, учитывая большие потери, которые понесла художественная словесность в годы политических репрессий и Великой Отечественной войны, следует отметить, что освоение исследуемого жанра стало настоящим достижением национальной литературы.

Адыгская новелла берет свое начало от фольклорных преданий («хабаров»), сыгравших важную роль в формировании содержательных и архитектурных особенностей жанра и становлении национальной новеллистики в целом. Однако в качестве самостоятельного литературного жанра кабардино-черкесская новелла была сформирована лишь в послевоенную эпоху. В этот период адыгская литература обогатилась новаторскими жанрами психологической новеллы и исторического романа.

В адыгской литературе традиции жанра новеллы в его профессионально-литературном понимании впервые были освоены в творчестве ряда авторов: С. Кушхова, А. Хавпачева, Х. Хавпачева, Б. Журтова, З. Налоева и др.

Начиная с 60-х гг. XX в. национальная новеллистика получила активное развитие в творчестве Бориса Мазихова, который в основном работал в малых формах прозы – рассказе и новелле. За весь период плодотворного творчества писателя вышли в свет десятки сборников его повестей, рассказов и новелл на кабардино-черкесском и русском языках: «Слово перед дорогой» («Гъуэгупэ псалъэ», 1966), «Звездный ковш» («Вагъуэзэшибл», 1969), «Белая ласточка» («ПцIащхъуэ хужь», 1970), «Ночь безлунная» («Мазэхэ жэщ», 1975), «Проблеск» (1978), «Осень – пора листопада» («Бжыхьэр пщIащэ пылъэлгыжыгъуэщ», 1982), «Сельские вечера» («Къуажэ пшыхьэр», 1986), «У каждого своя улица», 1997), «Избранные произведения» («Тхыгъэхэр», 2000), «Одна ночь и вся жизнь» («Жэщ закъуэрэ гъащIэ псомрэ», 2003), «Осенние мотивы» («Бжыхьэ макъамэхэр», 2008), «Избранное» («Тхыгъэ кыхэхэхэр», 2015) и др.

Выход в свет первой книги «Слово перед дорогой» («Гъуэгупэ псалъэ») стал знаменательным событием не только в творчестве писателя, но и в адыгской литературе в целом. В ней обозначился новаторский индивидуальный авторский стиль Б. Мазихова, который сразу же был замечен и отмечен критикой. Писатель, публицист, критик Х.И. Теунов писал, что книгой «Слово перед дорогой» Б. Мазихов нарушил литературную преемственность, выбрав собственный путь развития: «Борис не пошел по пути, выбранному в литературе старшим поколением писателей, а проложил собственную творческую тропу. Герои его рассказов – духовно богатые личности. Произведения оснащены новаторскими сюжетами. Язык писателя богат и понятен. Борис пишет вдумчиво. Его можно считать певцом современности. С большой теплотой он пишет о простых тружениках-колхозниках, о тех, кто не пожалел жизни ради защиты родины, о нелегком существовании наших современников» [Эхо времени 1990: 71].

Книга «Слово перед дорогой» оказалась хорошим началом последующей плодотворной творческой деятельности писателя. Произведения «Осеннее

сверкание молнии» («Бжьыхъэ уафэхъуэпскI»), «Волосок» («Щхъэц нальэ»), «Солдатские погоны» («Сэлэт дамэтель»), «Возвращение» («Къэгъэзэжыныгъэ»), «Как проведешь жизнь» («ГъащIэр зэрыбгъакIуэщ»), «Несостоявшаяся свадьба» («Зэхэмыта хъэгъуэлIыгъуэ»), «Неожиданная случайность» («Щымыгугъам къыщыщIэкIащ») и другие, вошедшие в сборник, стали свидетельством мастерского овладения Б. Мазиховым каноническими правилами построения рассказа.

Наряду с тем, что Б. Мазихов является мастером рассказа, он по праву считается одним из основоположников адыгской, в частности, кабардинской новеллистики. По данному поводу поэт, писатель, драматург, ученый-филолог Б.К. Утижев писал: «Мне очень нравятся, и я с удовольствием читаю произведения Бориса Мазихова, в особенности – новеллы. На мой взгляд, по умению писать новеллы в настоящее время не найдется равных Зауру Налоеву и Борису Мазихову. Пожалуй, никто не усомнится в том, что фамилии этих авторов друг за другом заняли свое место в нашей литературе» [Отрывки высказываний... 2010: 85].

Новеллы Б. Мазихова характеризуются новаторской композицией, углублением в них философского начала, с одновременной выдержкой такого значимого жанрового признака, как лаконичность сюжета. Избегая развернутых описаний, писатель кратко, но емко воссоздает образ человека – личности с индивидуальным мировосприятием и мировоззрением, определенными поступками, образом жизни. Каждую тему Б. Мазихов разрабатывает под собственно авторским углом зрения, при этом демонстрирует умение «разворачивать» и разрешать проблемы, затрагиваемые в произведении. Новеллистический талант писателя впервые проявился в ранних рассказах, вошедших в сборник «Звездный ковш»: («Надгробный памятник»), «Сын», «Обида» («Гукъанэ»), «Горсть кукурузы» («Нартыху Iэбжьыб») и др. Несмотря на жанровое обозначение этих произведений в указанном сборнике (они вошли в книгу как рассказы), по своей композиции и содержательным признакам они соответствуют требованиям жанра новеллы. Наше мнение подтверждается другим сборником Б. Мазихова, изданным в 2015 году под заголовком «Избранное». Перечисленные выше произведения вошли в эту книгу уже как новеллы. В целом, сборник включил около четырех десятков новелл, что является свидетельством обширного новеллистического творчества Б. Мазихова.

Произведение «Надгробный памятник» («Сын») написано в жанровой форме психологической новеллы. Отец главного героя Хажуды во время Великой Отечественной войны стал предателем, был арестован и впоследствии скончался в заточении. По мнению Хажуды его отец не предатель, он всего лишь допустил ошибку, которую, как он считает, можно простить. Именно поэтому он решает поставить отцу памятник в ряду тех, кто героически погиб на войне. Но люди не поддерживают его в такой задумке: они ничего не забыли, и не намерены прощать того, кто злодействовал против своей страны и своих соотечественников. В день, когда ставили памятники, многие сельчане не пришли в знак протеста. А пришедшие несколько человек стояли молча, выражая своим безмолвием недовольство тем, что памятник предателю будет находиться рядом с памятниками героям. Главная философская мысль произведения коррелирует с духовной переоценкой, внутренними трансформациями, произошедшими в сознании Хажуды. В конце новеллы происходит резкий поворот в его восприятии и осознании сложившейся ситуации, в результате которого герой приходит к выводу, что в жизни каждый должен получать по заслугам, даже если это его отец: *«ПцIыщ жалэр, кхъэми, къызырыщIэкIымкIэ, цIыхухэр зэхуэдэ щыхъужыркъым, цIыхухэми зыри яцыгъутицэркъым. Ди адэм иужьрей егъэзылIэ хуэхъужари езым къилэжъыжариц»* [Мазихов 2015: 66]. – «Неправду говорят, даже на кладбище, оказывается, не уравниваются положения людей, и люди ничего не забывают. Положение, в котором в итоге оказался наш отец, им самим же было заслужено».

Таким образом, в новелле подчеркивается справедливость жизни, которая превыше всех ценностей на земле. Здесь важно заметить дидактический подтекст, направленный на праведное воспитание, нравственно аргументированную расстановку ценностных приоритетов в сознании человека, осмыслении им своей роли и места в мире, назначения в жизни и т.д.

В произведении «Обида» («Гукъанэ») воссоздана будничная история, которая свойственна жанру новеллы с самых ранних времен ее возникновения. Колхозный пасечник Темиркан – герой войны. Когда собирали ветеранов в сельском клубе, забыли его позвать. Он затаил в душе обиду, подумав, что его не позвали туда намеренно, поскольку, по его соображениям, мог забыть один человек, но не все одновременно. О том, что Темиркана нужно привести на эту встречу, вспомнил один из приглашенных – его фронтовой товарищ, полковник. В итоге Темиркан побывал на этой встрече. В конце новеллы происходит полная и, казалось бы, на этот раз бесповоротная трансформация взгляда героя на образовавшуюся ситуацию: «*Ей, сыцхъэцпэцтэлуэц сэ, – егупсысырт ар, – Гэмбатэ зэрымытым Гэтэ изгъэувац, гукъанэ лей сицлац*» [Мазихов 2015: 60]. – «Эх, и все-таки я чрезмерно обидчивый, – думал он, – сделал из мухи слона (букв. «там, где нет охапки сена, поставил (т.е. вообразил) стог». – Л.Х., Ж.К.), понапрасну обиделся». Однако между позитивными мыслями у него непроизвольно проскальзывает, пусть и незначительная, но доля обиды: «*Ауэ абы игу лъацГэм иджыри мыарэзыныгъэ гуэр илт. Псалгъэ гуанэхэм гуауэр яхуэгъэвыжыртэкъым икIи жыжъэу гулъацIэм цыгъэпцкIуа гупсысэм – «полковникыр къэмыкIуатэмэ-цэ» – зэрегупсысым абы и гуфIэгъуэм ныбжъ къытридзэрт*» [Мазихов 2015: 60]. – «Но на самом дне его сердца еще хранилось некоторое недовольство. Добрые слова не смогли развеять обиду, и мысль, таящаяся в глубине сердца – «а если бы полковник не пришел» – наводила тень на его радость».

«Обиду» можно определить как психологическую новеллу, поскольку основной акцент в произведении сделан на внутреннем состоянии героя, противостоянии его мыслей и чувств, переживаниях, связанных с конкретным случаем. Сюжет новеллы основан не на каком-либо внешнем конфликте, а на внутренней борьбе героя с самим собой. Кульминационный момент и драматизм повествования также достигается автором посредством воспроизведения психологического состояния героя, т.е. его обиды, который впоследствии приобретает и внешнее проявление: на руках Темиркана появляется кровь от того, что он в кармане сильно сжал в ладони свой орден Красной Звезды.

В целом, в произведении «Обида» присутствуют жанровые черты новеллы, хотя они слабо выражены. В новелле не хватает неожиданности, резкого поворота сюжета, которые являются главными условиями создания произведений в исследуемом жанре.

Жанровую форму произведения «Большая Медведица» («Вагъуэзэшибл») также следует определить как психологическую новеллу. В основу сюжета положена тема прошедшей войны и ее неизгладимые последствия, которые имеют свойство проявляться даже по прошествии долгого периода времени. Героиня новеллы – мать счастливого семейства – не может забыть своего возлюбленного, погибшего на войне. Будучи уже в преклонном возрасте, Бина вспоминает свою первую любовь, о том, что Хасан когда-то сказал ей: «*Дэплъейт, Бынэ, модэ мо Вагъуэзэшиблыр пльагъурэ? <...> НтIэ, мис ар фэепль пхузоцI. Сэ сауки хъужыкъуэмэ, ар пльагъуху, игу сыкъэгъэкIыж*» [Мазихов 2015: 22]. – «Посмотри вверх, Бина, видишь вон ту Большую Медведицу? <...> Вот его и оставляю тебе на память. Если меня убьют, каждый раз, глядя на него, вспоминай меня».

Новелла целиком и полностью базируется на драматизме, грустных воспоминаниях героини. При этом она лишена остроты конфликта, резких поворотов сюжета и некоторых других свойств, присутствие которых является

необходимым условием создания произведения, соответствующего жанровым канонам новеллы.

Наиболее удачным произведением, в котором выдержаны требования жанра новеллы, следует считать «Любовь Хатоха» («ХьэтГэху и льягъуныгъ»). Герой произведения – человек преклонного возраста – собирает в своем доме детей, внуков, соседей, забивает барашек и устраивает большой праздник. Но никто из присутствующих не может предположить, какова причина такого пышного празднества. До самого конца произведения читателю не раскрываются причины подобного поведения и действий героя. В заключительной части повествования происходит то самое «неслыханное происшествие», которого не хватало в вышерассмотренных новеллах Б. Мазихова. В конце произведения выясняется, что Хатох когда-то пообещал своей покойной супруге отметить их золотую свадьбу, где бы они в это время ни находились. Драматизм сюжета усиливается в эпизоде, когда Хатох приходит на могилу супруги. Глубоко драматично и психологически тонко описывается состояние героя: *«МьукЪытамэ, Клуэнти сыным Из дилъэнт, ауэ емьКум игъэбакъуэркъым. Плыжьыр лъэныкъуэкъэ еба сыну Гуащхъэкум итиц. Нэхъ гъунэгъуу убгъэдыхамэ, пльагъунт ар зэрытыгуфЫкЪыр. Пльагъуми чэфу къыпфИщИыниц. Пэжщ, чэфщ. Хъэуэ, чэфыжьыпкъэщ. Илъэс щэ ныкъуэ япкъИ ицила льягъуныгъэм и чэфыр пкърыкЪыжакъым. Льягъуныгъэм и чэфыжьыпкъэм ицхъэри, гури, псэри ес»* [Мазихов 2015: 71]. – «Если бы не стеснялся, подошел и погладил бы надгробный памятник, но стыд и шагун не дает ступить. Старик стоит на вершине холма, словно покосившийся надгробный памятник. Подойдя поближе, можно было бы разглядеть, как он улыбается. Разглядев, оказался бы пьяным. Правда, он пьян. Нет, хмельной. Не прошла хмель любви полувековой давности. Хмельная любовь сжигает и голову, и сердце, и душу».

В целом, следует заключить, что главными отличительными особенностями новелл Б. Мазихова являются драматизм (иногда перетекающий в трагизм), глубокий психологизм, философское начало, которые прослеживаются не только в проанализированных выше произведениях, но и в других новеллах писателя: «У меня есть друг» («Сэ ныбжьэгъу сиГэщ»), «Ночь безлунная» («Мазэхэ жэщ»), в последней редакции – «Жэщ мазэхэ»), «Чужой» («Хамэ»), «Засохший лимон» («Лимон хуэла»), «ПщИхъэпИэ» («Сон») и мн. др. При этом в большинстве из них не хватает остроты конфликта, резкого поворота сюжета, сказочных и мистических мотивов, символики, элементов фантастики и анекдотизма, которые составляют главные жанровые характеристики новеллы.

Источники и литература

1. Мазихов Б.Б. Избранное [Тхыгъэ къыхэхэхэр]. Новеллы. Повести. Нальчик: Эльбрус, 2015. 552 с.
2. Отрывки высказываний о Борисе Мазихове [Мэзыхъэ Борис хужаӀахэм щыщ пычыгъуэхэр] // Журнал «Ошхамахо». 2010. № 2. С. 85–87.
3. Эхо времени [Зэманым и джэрпэджэж] (О творчестве Б. Мазихова) // журнал «Ошхамахо». 1990. № 3. С. 71–72.

NOVELISTIC CREATIVITY OF B. MAZIKHOV: CHALLENGES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Havzhokova Lyudmila Borisovna, Candidate of Philology, Senior Researcher at the Kabardino-Circassian Literature Department of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Kuantova Zhanna Yuryevna, Graduate Student of the Scientific and Educational Center of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, kuantova.zhanna@mail.ru

The article is devoted to the study of the novelistic work of the Kabardian writer Boris Mazikhov in the general context of the formation and evolution of the novel genre in Adyghe literature. The relevance of the chosen topic is determined by the rapid evolution of the genre under study in the work of B. Mazikhov and the lack of separate studies devoted to it. The attention of the authors is focused on the individual authorship of the writer. His contribution to the development of the Adyghe short story is determined, the content and compositional features of short stories are revealed. A number of short stories are subjected to detailed analysis: «Tombstone», «Resentment», «Love of Hatokh» and some others. The research involved a method of artistic analysis, which allows to identify the features of the structurally-meaningful organization of short stories, their compliance / non-compliance with the requirements of the genre. The results of the study can be a theoretical aid in the study of Adyghe prose, in particular, small forms of the prosaic genre, as well as find practical application in special courses, research works of teachers, graduate students and students.

Keywords: novel, novelistic creation, genre, prose, genre sign, Adyghe literature, psychology, drama.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-110-115

«ШЫ» КОНЦЕПТЫР КЫШОКЪУЭ АЛИМ И УСЫГЪЭМ КЪЫЗЭРЫХЭЩЫР

Лун Радимэ Суфьян ипху, Бэрбэч Хь.М. и цэр зезыхьэ Къэбэрдей-Балъкэр къэрал университетым Филолгиемкэ и институтым и магистр, atlaskirovaradima@yandex.ru

Иджырей бзэщлэныгъэм и унэтлэныгъэ нэхъ зызыужьхэм ящыщц лингвокультурологир. Абы кыхэкккэ иужьрей лъэхъэнэм концептхэм гулгытэ хэха хуашц хабзэщ, бзэщлэныгъэлхэм къэхутэныгъэ щхьэхуэхэр трагьэпсыхь хуаш. Мы статьяр Кышокъуэ Алим и усыгъэм «шы» концептыр зэрыщызэфлэувам, къалэну щигъэзащлэхэм, зэрызыщиужьам теухуаш. Кышокъуэм и усыгъэри и прозэри шым и образым нэхьыбэ дьдэрэ узыщрихьэлэ художественнэ дунейщ. Абы кыхэщ «шы» концептыр зы къэхутэныгъэм и кфуэцккэ кыпхуэщлэмыкыуэн хуэдизу кууш, и гьунапкэхэр убзыхугъусейуэ зыубгъуаш. Ди статьям кьриубыдэу «шы» концептым и кушцлэр (ядро) зэрызэхэлъымрэ ар къэзухьуреихь пкыгъуэхэмрэ («периферийная зона») къэтхутащ, абы художественнэ контекстым щыхэтым деж щхьэхуэныгъэу щигъуэтхэм, зэрызыхуэжхэм дыккэлъыпльащ. Къэхутэныгъэм кьрикфуахэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэр зьджхэм, лингвокультурологием и унэтлэныгъэм тету къэхутэныгъэ езьгэкккэ щлэныгъэлхэм яхуэщхьэпэнуш.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: концепт, лингвокультурологие, шы, кушцлэ, мыхьэнэ, усыгъэ, художественнэ образ, нэщэнэ.

Зэмань кфуэхуккэ, бзэм зиужьыхуккэ, ар зэрадж лэмалхэмрэ щлэныгъэлхэм къагъэсэбэп бгъэдыхьэккэхэмрэ захьуэж зэпытщ. Ар, езы бзэм и зыужьыккэм и мызакъуэу, цыхур зыхэпсэуккэ лъэхъэнэмрэ жылагъуэ зэхэтыккэмрэ епхаш. Иужьрей илэс тлощлэм кьриубыдэу адыгэ бзэщлэныгъэм кыхьыхьа лэжыгъэхэм уриплэмэ, щлэныгъэлхэр нэхъ дзыыхьэх унэтлэныгъэхэр налуэ мэхьу. Абыхэм ящыщц лингвокультурологир. Псалъэм папщлэ, «гу» [Бижева 1997; Бижева 2000; Бижева 2002; Цримова 2003], «насып» [Унарокова, Унарокова 2012], «псэ» [Токмакова 2016], «цыхубз» [Черкесова 2018] концептхэм къэхутэныгъэ щхьэхуэхэр тегъэпсыхьауэ урохьэлэ.

Адыгэм и гьащлэм увыплэ ин щиубыду, абы и дуней льягъуккэр кыхьэщу, ауэ нобэр къыздэсым щлэныгъэлхэм я гулгытэ хунэмысауэ къанэхэм ящыщц «шы» концептыр. Дызэрыщыгъуазэщи, шыр адыгэллым и ныбжьэгъу пэжщ, цыхум пищлэу фыуэ елгъу, пщлэшхуэ хуешц, адыгэм дежккэ шыфлыр уасэншэ фыгъуэщ. Апхуэдэу щыщыгккэ, адыгэбзэхэри (адыгеибзэмрэ къэбэрдей-шэрджэсыбзэмрэ) шымрэ шы зехуэнымрэ ехьэллэ лексикккэ кьулейщ.

Шым и образыр адыгэ усаккэу, тхаккэуэхэм я тхыгъэхэм, гьэщлэгъуэным къыщымынэу, къалэн зэхуэмыдэхэри цагъэзащлэу кыхьош. Языныкыуэхэм деж ар образ кьудейкыым, атлэ лъэпкь нэщэнэщ, лъэпкь зэхэщыккэ-гупсысэр зыгъэнахуэ концептщ. Апхуэдэ шапхьэхэр Кышокъуэ Алим и творчествэм щыкуэдщ, ауэ дэ щхьэхуэу дыккызытеувылэнур усыгъэрщ, сыту жыплэмэ усыгъэм деж образыр символым хуоккэу (е усаккэу хуешэ), лъэпкь гупсысэр нэхьыбэу зыщлэшэ, нэгъуэщлэу жыплэмэ – концепту хуэвэ.

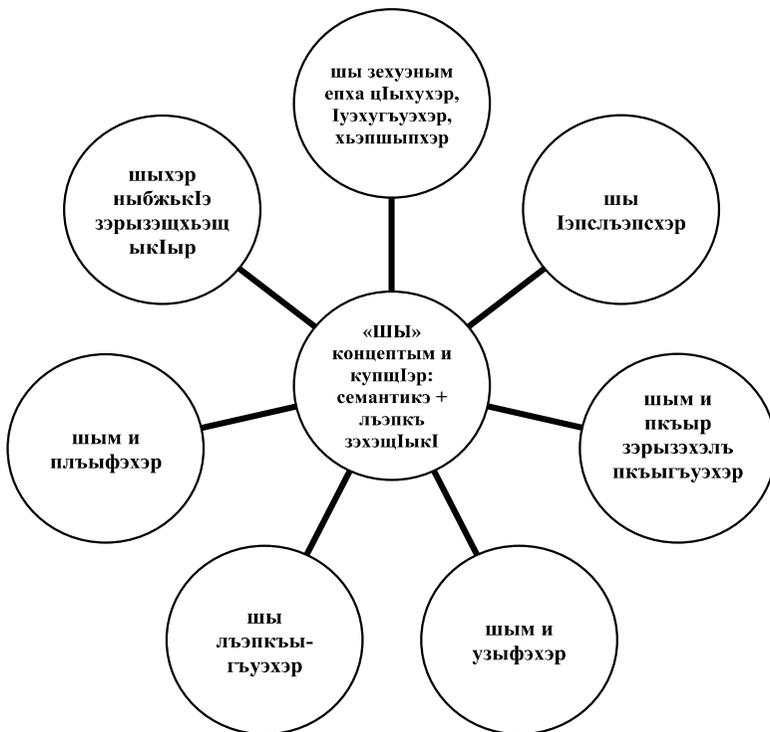
Щлэныгъэлэ зэхуэмыдэхэм (Карасик В.И. (1996, 2005), Степанов Ю.С. (1997; 2004), Лихачев Д.С. (2005), Красавский Н.А. (2001), Аскольдов-Алексеев С.А. (1997), Кубрякова Е.С. (1996), Залевская А.А. (2001), н.ку.) концептыр зищысыр, а терминым и мыхьэнэр зэтемыхуэу ягъэнахуэ. Псоми я еплъыккэр зэхэплъхьэжмэ,

концептыр – лъэпкь гупсысэрэ субъект щхьэхуэм и дуней лъагьукIэрэ щызэщIэлъ пкыгьгуэ, образ, нэцэнэ (символ) гуэрщ. Псалъэм папщIэ, «шы» псалъэм и мыхьэнэр (семантикэр), а лексемэм кыгьгьлэагьуэр бзэ псоми щызэтохуэ, ауэ шым адыгэм и гьащIэм шиубыд увьпIэр, абы кIэлъызэрэхьэ хабзэхэр, адыгэлIым адыгэшыр зэрилъыгэр адрей бзэ щэнхабзэхэм (лингвокультурэхэм) къащхьэщокI. НэгьуэщIу жыпIэмэ, концептым, псалъэм и мыхьэнэм нэмыщI, абы кыгьгьлэагьуэ объектыр, предметыр, шытыкIэр лъэпкь гупсысэжIэ хэхам кызырритIасэр хэпшащ – «ментальность» -кIэ зэджэр зэрыхэлтымщ и фIыщIэкIэ. Зы концептым лъэпкьым и бзэри, хабзэри, щэнхабзэри, лъэпкь зэхэщIыкIри кызыэщIеубыдэф. Концептхэр зэгьуIуауэ къапщтэмэ, «концептосфера» (терминыр Лихачев Д.С. кыыхилъхьаш) къагьэхуэ, абы шыгьуэми «лъэпкьыбзэм и концептосферэм зэрызиубгьунур абы и щэнхабзэм – литературэм, IуэрыIуатэм, щIэныгьэм, гьуазджэм – и зыужыныгьэм куэдкIэ елгытащ» [Лихачев 2005: 153].

Зы концептым зызымыхьуэж мыхьэнэ щхьэхуэ иIэу, кызыэщIиубыдэ пкыгьгуэхэм я бжыгьэр пыухыкIауэ шыткьым, сыту жыпIэмэ лъэпкьым и гьащIэм, бзэм, щэнхабзэм зауужыху, концептым и купщIэр (ядро) нэхь кызыэтенэми, ар къэзухьуреихь пкыгьгуэхэм («периферийная зона» жыхуаIэращ зи гугьу тщIыр) зэхуэкIыныгьэ ягьуэт, мэбагьуэ, заубгьу. Апхуэдэуи, концептым и мыхьэнэмрэ и ухуэкIэмрэ ар къышагьэсэбэп контекстми куэдкIэ елгытащ. ИщхьэкIи кызырхэдгьэщашаши, усыггэм деж ар художественнэ образым, символым хуокIуэ е художественнэ образыр, символыр езы концептым шыхуэокIуэ къохьур.

Концептыр зы лексемэ закьуэкIэ къэгьгьлэагьуа хьуми (псалъэм папщIэ, «шы») абы нэгьуэщI лексемэхэмкIэ къэгьгьлэагьуа концепт куэдым пыщIэныгьэ яхуиIэщ. Къапщтэмэ, «шы» концептыр щыбджкIэ къэппшытэн шыхьукIэ, ар зыпыщIа нэгьуэщI концептхэри («шу», «шу гьусэ», «шу гьуэгу», «шыгу», «шыбэ», «шэщ», «шыхьуэ», «шыбз», н.) Iуэхум кыхэлъгытапхьэщ, сыту жыпIэмэ езы концептыр шызыгьэлэр абы къегьэщIыла гурыIуэгьуэхэмрэ (понятие) концептхэмрэщ.

«Шы» концептым и ухуэкIэр графикэкIэ мыпхуэдэу къэбгьгьлэагьуэ хьунуш:



семантикэкIэ пэблаггэу. Абыхэм мыхьэнэкIэ ябггурыбггэувэ хьунуш «нарт шу», «шу пэрыт пажэ», «шу пашэ» жыхуиIэхэри. Мыхэри «шы» концептыр кьэзыггэщI пкыггэуэхэу КЫщокъуэм и усыггэм кыхош. «Борэныр бгыщхьэм шыетащ» усэм деж дуней кьэхьукъащIэ нэхь гуащIэ дыдэхэм халыгтэ борэнымрэ нарт шум и хьэл-щэн пхьашэмрэ мыхьэнэкIэ щызэхьэлIащ:

Борэныр бгыщхьэм шыетащ,
Ар лъохьу пыIэпIэу фIэкIуэдам.

<...>

Зэм зуущэури мэкIуэдыж,
Нарт шум зыпищIми кыкыуоуж [КЫщокъуэ 2004: 64]

«Нарт уэрэд» усэм шыщу ильабжьэкIэ кьэтхьыну шапхьэм деж, езы «шы» лексемэр текстым хэмыту, адыггэшим и кьарур, жаггэр, абы тес адыгэлIым и бэшэчаггыр, адыгэлIымрэ адыггэшимрэ зэрызэхуэфашэр кышыггэлъэггэуащ. Уеблэмэ усакIуэм шум и хахуаггыр апхуэдизкIэ кыхиггэщхьэхукIыным пылгэти, абы синоним зэхуэхуэ плыгфэцIэу тIу (*пэрыт, пажэ* жыхуиIэхэр) кыхуихьащ:

Лъэхуэу сэ Iэджем сагожыр –
Шу пэрыт пажэм псыр пожыр [КЫщокъуэ 2004: 95]

Мыбдежым хэт «лъэхуэу» псалгэри «шы» концептыр кьэзыггэщI пкыггэуэхэм, уеблэмэ абы и купщIэм (ядро) нэхь пэггунэггэу дыдэхэм ящыщ, сыту жыпIэмэ абы и мыхьэнэр шым кыщынэмыщIауэ, нэггэуэщI псэущхьэм, цIыхум е кьэхьуггэ гуэрым епхьэлIэ хьуркыым – «лъэхуэу» лексемэр зэпхар «шы» кьудейр араш. Ар, грамматическэ фашэ зэхуэмыдэхэм иту, КЫщокъуэм и тхыггэ куэдым кыщокIуэ. ИщхьэкIэ кыщыхьа шапхьэм деж «лъэхуэу»-р деепричастиеу кьакIуэмэ, ильабжьэкIэ кьэкIуэнухэм – шыглаголщ:

«ЩIэпхьэужахэр» усэм:

Кьарэр *бггэлъэхуэмэ*, уи шы соку
Жьы щIихумэ, налгэ хиудын? [КЫщокъуэ 2004: 81]

«СыкIуэнт нэхь псынщIэу» усэм:

СыкIуэнт нэхь псынщIэу схузэфIэкIым –
Мычэму си шыр *соггэлъэхуэ*. [КЫщокъуэ 2004: 101]

«Усэ гьусэ» усэм:

Сешами, усэр кьэмувыIэу
Зытес шы кьарэр *еггэлъэхуэ*. [КЫщокъуэ 2004: 180]

Шым и кIуэкIэр зыггэнахуэ нэггэуэщI зы псалгэи КЫщокъуэ А. и усыггэм кыхош – ар «кIуэр» жыхуиIэрщ. «Дамыггэ» усэм и иужьрей едзыггэуэм дыкыщоджэ:

Сэ си шыр *кIуэру* схузггэсакыым,
Гьуэггэ цIэнтхьуэрыггэуэ схутемыкI. [КЫщокъуэ 2004: 205]

1999 ггэм кьыдэкIа «Адыггэбзэ псалгальэм» «кIуэр» псалгэм и мыхьэнэр мыпхуэдэу шыггэнэхуащ: «**КIУЭР** мелкий бег, рысь / Шы жэкIэ. ■ ЖримыIэу шум зы псалгэ и шы кIуэрыр мес кьеггальгэ*. КI.А. ♦ **КIуэру кIуэн** ийти быстро, спешить» [Адыггэбзэ псалгальгэ 1999: 350]. Псалгальгэр иджыри зэ шыхьэт зэрытехуэщи, «кIуэр» псалгэр шым ехьэлIащ, абы кыхэкIкIэ «шы» концептыр кьэзыггэщI пкыггэуэ нэхьыщхьэхэм ящыщу кьэлгытапхьэщ.

* Мы шапхьэри КЫщокъуэ Алим и усыггэм шыщ.

«Жэр» псалгэри нэхыбэрэ кызыраггэсэбэпыр шым ехьэллауэщ: «**ЖЭР** быстроногий / *Хуабжэу жэ, фыгуэ жэ. Шым и жэрыр цыгэмкэмэ, уемыуэ.* ■ *Жэр нэхэрэ лумахуэ. Псжь.*» [Адыггэбзэ псалгальгэ 1999: 172]; «**жэр** прил. 1. быстроногий; 2. в знач. суц. хороший бегун» [Апажэ, Кгуэкгуэ 2008: 112]. КЫщокъуэм и усыггэм «псынщгэ» псалгэри шым ехьэллауэ, «жэр»-м синоним хуэхуу ущрохьэлгэ:

«Шыхульагъуэ» усэм:

Сэ а шы псынщгэр згъуэтатэм,

Лус зыхуей псомкни зггэнщынт... [КЫщокъуэ 2004: 55]

КЫщокъуэ Алим и усыггэм щызэфгэува «шы» концептым зы гьунэ е нэз гуэр кыхуэбгъуэтыныр гэмал зымыгэщ, сыту жыпгэмэ абы и купщгэр кызыггэщгэ семантикэмрэ лгэпкэ зэхэщыкыгымрэ кьепщгэклэ пкыггъуэхэр бжыггэншэщ. А пкыггъуэхэр шым, хэхауэ кыбггэльагъуэмэ, адыггэшым ехьэлла псалгэхэм кыаггэщгэ гуп-гупурэ зэхэтщ (еплгэ ищхьэкгэ кыэтхьа графикэм).

Псори кытхуэщгэмькыуами, КЫщокъуэм и усыггэм щызэфгэува «шы» концептыр кызыггэщгэрыр мыпхуэдэ пкыггъуэхэмрэ (элемент) нэщэнэхэмрэщ (признак):

– шылгэпкыггъуэхэр (алгып, шаггдий, щггэгъуалгэ: «*Дахэр, мес, яхьри салгэглэ – / Лыкглэ пщгэгъуалгэр изоглэ*» [КЫщокъуэ 2004: 95]);

– шым и пльыфэхэр (кьарэ, шыгъуэ, щхьуантгэ (художественнэ образщ: «*Лсыр шы цхьуантгэм тесу мажэ...*» [КЫщокъуэ 2004: 189]), шыгъуэ: «*Кьопсыхьыр шыгъуэ зытесми Шабзальгэм шабзэ кырехьыр*» [КЫщокъуэ 1948: 426]);

– шым и ныбжыр (нэбггэф*: «*Нэбггэф сышэсти сэ фызышиэ / «Шууей» жезгъылгэ сахэладэрт*» [КЫщокъуэ 2004: 191]),

– шы гэпслгэпсхэр (лгэрыгг, лгэрыггыпс, уанэ, уанэ кыуапэ, уанэгу, шыбггэрыщгэ (еплгэ. шыбггэрыдзэ. «*И шыбггэрыщгэрыр налкыуту, / Уанэр зыкыутэр налмэсу...*» [КЫщокъуэ 1948: 416]), шхуэмылакгэ: «*Узот дыггэпсыр шхуэмылакгэу / Сэ укыыспэплгэу ущымыт*» [КЫщокъуэ 2004: 180], н.);

– шым и гэпкылгэпкыр зэрызэхэт гыхьэхэр (кгэбдз, соку, шыщхьэ),

– шым ехьэлла е кгэлыггызрахьэ хабзэхэр (дамыггэтэдзэ: «*Шыбз гуартэ мылгкуу зугъуеями / Шы кьэс дамыггэр телгу пльаггурт*» [КЫщокъуэ 2004: 205], шыггажэ: «*Шыггажэ ящгэры шы кьатэжмэ, / Ехьуапсэ фгэкли цыху мыфыггъуэт*» [КЫщокъуэ 2004: 205], пыггэщгэпхьэ: «*Сэ куэдэрэ, куэдэрэ сигу кьольадэ / Шы жэр сытесу кьэскгухьын, / Ди хэку губгъуэишхуэм сынильадэу / Зэдэжэм пыггэр яфгэсхьын*» [КЫщокъуэ 2004: 101]);

– шы зезыхуэ, зезыггакгуэ, шым епха цыхухэр (шыбзыхьуэ: «*Гуфгэгуэу шыбзыхьуэм тгу илгэщ: / Шы жэрхэм ар хэплгэм, игу мэфгыр*» [КЫщокъуэ 2004: 92], шу, шу гъусэ);

– шы гуп кызырэгк псалгэхэр (шы (шыбз) гуартэ: «*Жьаглагъуэм шыбз гуартэр еггэхьур...*» [КЫщокъуэ 2004: 92], «*Шыбз гуартэ блахумэ, уежажэуэ, / Кыльгэтырт уи гур плейтеуэ*» [КЫщокъуэ 2004: 96], шыбз: «*Умейми, шыбэм уахэдэрт, Кьунаным цлахуцгэу зэбдзэуэ*» [КЫщокъуэ 2004: 96]);

– щгэжыей кыщггэхуэн и ггуэхуекгэ зэрыщытыр (хакгуэ: «*– Апхуэдэу ухахуэм, сипхуэ дахэм / И пащхьэм уи хакгуэр шыггальгэ...*» [КЫщокъуэ 2004: 92], шыбз, алащэ: «*И шыд гьунэггум пхьэ кыыщыхькглэ / Алащэм и гумм иримыхь*» [КЫщокъуэ 2004: 202]); н.ку.

Ди кьэхутэныггэм кьрикгуахэр кызыщггэпкыуэжмэ, кыхэггэщыпхьэщ «шы» концептыр КЫщокъуэ Алим и усыггэм имызакъуэу, и творчествэ псоми зэрыщытешгэр, езы усакгуэмэ адыггэ литературэм и «шу пашэ» цгэр хуэфашэ дьдэу зэрытэуаггэр. Шыфгымрэ усэмрэ зэпзылыгыта («*Уэрэд зыусым игу мыпыгэ, / И усэр шыфгым пльытауэ*» [КЫщокъуэ 2004: 205]) усакгуэм и дэтхэнэ гэдэкгэщгэклэми «шы» концептыр кызыггэщгэ пкыггъуэхэмрэ нэщэнэхэмрэ

* Илгэситгэ ныбжыым ит шыщгэ.

пкърыгъэшпсыхъащ. Сыт хуэдэ концептым и ухуэкІэми щынэхъыщхъэраши, КЫщокъуэм и усыгъэм щызэфІигъэува «шы» концептыр лъэпкъ гупсысэм щІэгъэкІащ, лъэпкъ зэхэщІыкІкІэ псыхъащ.

Ди къэхутэныгъэм кърыкІуахэр КЫщокъуэ А. литературэм и мызакъуэу, бзэм и зыужыныгъэми хэлъхъэныгъэ ин зэрыхуищІам и зы щыхъэту мэув.

ТегъэщІапІэ хъуа литературэрэ

1. Адыгэбзэ псалъалъэ: псалъэ 31000 нэблагъэ итщ. М.: Дигора, 1999. 852 н.
2. *Апажэ М.Л., КІуэкІуэ Ж.Н.* Адыгэ-урыс псалъалъэ: Псалъэ 27000-м нэблагъэ итщ / Филологие щІэныгъэжэмкІэ доктор БищІо Б.Ч. и редакцэкІэ. Налшык: Эльбрус 2008. 704 н.
3. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // *Аскольдов С.А.* Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267–279.
4. *Бижсэва З.Х.* Адыгская языковая картина мира. Нальчик, 2000. 128 с.
5. *Бижсэва З.Х.* Адыгские культурные концепты (фрагменты языковой картины мира) // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности) / сост. и научный ред. Р.А. Ханаху. Майкоп, 2002. С. 211–223.
6. *Бижсэва З.Х.* Культурные концепты в кабардинском языке. Нальчик: КБГУ, 1997. 140 с.
7. *Залевская А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 36–44.
8. *Карасик В.И.* Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
9. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
10. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецких и русских лингвокультурах. Научный редактор: доктор филологических наук, профессор В.И. Карасик Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
11. Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ) / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
12. *КЫщокъуэ А.П.* Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ: I том. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н.
13. *КЫщокъуэ А.П.* ЩІалэгъуэ щІыналъэ. Налшык: Къэбэрдей къэрал тхылъ тедзапІэ, 1948.
14. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Питер, 2005. С. 147–165.
15. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
16. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42–67.
17. *Токмакова М.Х.* Концепт «псэ» в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4. Ч. 2. С. 165–167.
18. *Унарокова Р.Б., Унарокова Г.Ш.* Концепт «насып/счастье» в адыгейском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. № 2. С. 244–247.
19. *Цримова З.Р.* Концепт «сердце» в языковой картине мира: на материале кабардинского, русского и английского языков. Дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 145 с.
20. *Черкесова З.В.* Семантическое пространство концепта «женщина» в различных лингвокультурах. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 160 с.

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ШЫ/КОНЬ (ЛОШАДЬ)» В ПОЭЗИИ АЛИМА КЕШОКОВА

Глупова Радима Суфьяновна, магистрант Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, atlaskirovaradima@yandex.ru

В настоящее время одним из наиболее интенсивно эволюционирующих перспективных направлений лингвистики является лингвокультурология. За последние несколько десятков лет ученые уделяют много внимания изучению концепта, который представляется главной ментальной единицей, формирующей и отражающей языковую картину мира того или иного этноса. На настоящий момент сформирована адыгская лингвоконцептология, включающая концепты, транслирующие менталитет, культурные и языковые ценности народа. Среди них концепт «шы», получивший широкое развитие в творчестве Алима Кешокова. Материалом для исследования послужили поэтические произведения, в которых концепт «шы» одновременно выступает в качестве художественного образа и национального символа. Главное внимание автора уделено изучению структуры концепта «шы», в частности, выявлению элементов, образующих его ядро и периферийную зону. Результаты исследования могут быть полезны лингвистам, изучающим кабардино-черкесский язык (и другие национальные языки) с позиций лингвокультурологии.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурология, конь, ядро, семантика, поэзия, художественный образ, символ.

REFLECTION OF THE CONCEPT «HORSE» IN THE ALIM KESHOKOV'S POETRY

Plupova Radima Sufyanovna, Graduate Student of the Institute of Philology of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, atlaskirovaradima@yandex.ru

Currently, one of the most intensively evolving promising areas of linguistics is linguoculturology. Over the past few decades, scientists have paid much attention to the study of the concept, which seems to be the main mental unit that forms and reflects the linguistic picture of the world of one or another ethnic group. At the moment, Adyghe linguoconceptology has been formed, including concepts that translate the mentality, cultural and linguistic values of the people. Among them is the concept of «shy», which was widely developed in the work of Alim Keshokov. The material for the study was poetry, in which the concept of «shy» simultaneously acts as an artistic image and national symbol. The main attention of the author is paid to the study of the structure of the «shy» concept, in particular, to the identification of the elements that form its core and peripheral zone. The results of the study may be useful to linguists studying the Kabardino-Circassian language (and other national languages) from the standpoint of linguocultural studies.

Keywords: concept, linguoculturology, horse, core, semantics, poetry, artistic image, symbol.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-116-123

АРХАИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЦИКЛЕ СКАЗАНИЙ О МАЛЕЧИПХ

Хагожеева Лиана Славовна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liana1771@mail.ru

Как известно, образ Малечипх неоднократно становился объектом пристального изучения адыгских фольклористов. Однако, несмотря на это, многие аспекты образа этого интересного и сложного персонажа до сих пор остаются малоисследованными. В частности, до настоящего времени не существует специальных работ, в которых охарактеризованы мотивы цикла Малечипх, основанные на древних мифологических представлениях. Этим обстоятельством обусловлено наше обращение к данной теме. Цель работы – выявление архаических мотивов в цикле сказаний, определение их истоков, функции и роли в создании образа, а также их связь в едином повествовании с мотивами более позднего происхождения. Особое внимание уделяется таким ключевым мотивам, как «маленький рост», «длинные золотые волосы», «босые ноги», «магические способности» и др. В результате делается вывод, что образ Малечипх окончательно сформировался на относительно позднем этапе продуктивного периода нартского эпоса, но важные функции архаических мотивов свидетельствуют о тесной связи цикла с древними мифологическими представлениями адыгов.

Ключевые слова: адыгский нартский эпос, образ, мотивы, мифологическая основа, мифологические черты.

Как известно, адыгский нартский эпос состоит из сказаний, повествующих о богатырях и их подвигах. Но он также богат колоритными женскими образами, которые создавались в разные исторические эпохи. В связи с этим в них обнаруживаются наслоения различных стадий развития человечества. Другими словами, на протяжении многих веков эпос обогащался новыми образами, привносимыми новой эпохой и раскрывающими разные стороны жизни общества. Среди женских персонажей нартского эпоса образ Малечипх можно отнести к числу наиболее популярных. По мнению большинства специалистов, цикл, посвященный этой героине, отражает период разложения первобытнообщинного строя, в силу чего она стала олицетворением семейной идиллии, женской верности и мудрости. Однако это не означает, будто образ возник и окончательно сформировалась в ту самую эпоху. Как показывает анализ многие мотивы сказаний уходят своими корнями в глубокую древность, тогда как некоторые имеют более позднее происхождение. На наш взгляд, на мифологических представлениях древних людей базируются мотивы «маленького роста», «магических способностей», «золотых волос», «босых ног», что мы постараемся доказать в данной статье.

Согласно вариантам сказания о Малечипх, З.П. Кардангушев допускает вероятность того, что у данного эпического персонажа имелся свой прототип, от которого произошел вымышленный образ: «Апхуэдэу щыт пэтми, дэ зи гугъу тцъы Мэлэчпхъу цыкIур, шэч хэмьлъу, цыхубэм къагупсыса, зэхалъхъа образщ. Хэт зыщIэр, шылагъэнкIи хъунц зы зэман гуэрэм Мэлэчпхъу и цэу хъыджэбз Iущ цыкIу. Ауэ, Хъуэжэ и таурыхъхэм хуэдэу, ежьэри псалъэ шэрыуэ зэгъэкIуахэр

абы жиІа хуэдэу кІэральхьэурэ, Мэлэчыпхьу и образыр кьагъэщІащ» – «Несмотря на это, маленькая Малечипх, о которой мы говорим, без сомнения, созданный народом, вымышленный образ. Кто знает, возможно, в одно время и жила остроумная девушка по имени Малечипх. И, так же, как таурихи о Ходжа вошли в обиход, создавая образ Малечипх, складные изречения, стали приписывать ей» [Кардангушев 1994: 4].

З.П. Кардангушев в этих рассуждениях полностью исходит из народных представлений. Мы придерживаемся мнения, что не следует делать далеко идущих выводов, пока нет каких-либо конкретных свидетельств.

Как известно, в нартском эпосе каждый женский образ уникален и имеет свою значимость, каждая выполняет свою «миссию». Система духовных ценностей, выраженных через женские образы, отражает стереотипы, подконтрольные народной этической философии, актуальные в том времени, в котором они создаются. Антропологическая характеристика, связанная с маленьким ростом Малечипх стала одной из ее особенностей, в сочетании с идеальным владением поэтическим слогом, знанием тонкостей сложной этикетной системы символом острого ума. Маленький рост Малечипх, как считает Ш.Х. Хут, является признаком ее уникальности и ее контраста во всем по отношению к нартам [Хут 2003: 82]. «Мэлэчыпхьу цыкІур хэхьуэртэкъым» – «Маленькая Меличипх не прибавляла в росте», – говорится в одном из сказаний Малечипх [Кардангушев 1994: 6]. В другом сказании говорится: «Мэлэчыпхьу цыкІур хэмыхьуэу кьэна пэтми, и дахагъымрэ и Іушагъымрэ я хьыбарыр дэнэ лъэныкъуэкІи шыІуащ» – «Хотя маленькая Малечипх не прибавила в росте, по всюду разнеслась весть о ее красоте и остроумии» (*Перевод – наш*) [Кардангушев 1994: 13].

Маленький рост делает парадоксальными нестандартное, но вполне адекватное поведение героини, подчеркивает ее интеллектуальные способности: «манера «адыгской дюймовочки» говорить афористическими фразами, иносказаниями свидетельствует о глубоком уме, проницательности, интуиции и провидческом таланте», – пишут авторы интересной статьи «Кабардинский нартский эпос: гендерный аспект» и связывают, «это не только со специфическими условиями матриархальной среды, но и с мировосприятием архаичных сочинителей-сказителей, которые в тексте прямо и косвенно утверждают философскую идею об уникальности женской природы и женского ума как части общего коллективного разума Дома Бытия» [Куашева 2013: 91].

В данном случае соглашаясь с мнением ученых Л.Ф. Куашевой и З.А. Кучуковой стоит обратить внимание на следующее обстоятельство: в мифопоэтической традиции адыгов, испы – люди маленького роста, но они обладают не только силой, но и незаурядным умом, благодаря чему побеждают мифических великанов-иныжей и подчиняют их себе: «Иныжхэр испым ягъэпщылІу шытащ. ИспыкІэ зэджэр цыкІу лъэккыу шылащ, ауэ амалкІэ Іэзэхэу, ІэщІагъэ яІэхэу шытахэщ. Мывэ унэ хуэдизхэм я кур кьыраудхэрэ ар я унэу псэхэу шытахэщ. Нобэми ахэр зэрысу шыта мывэхэр шапсыгъхэм я дежхэм кьышогъуэтыр» – «Испы имели у себя в подчинении великанов. Раньше жило племя людей маленького роста, которых называли испами. Они обладали большим умом и ремеслом. И по сей день на земле шапсугов находят каменные <дома>, в которых они жили» (*Перевод – М.Ф. Бухурова*) [Архив ИГИ КБНЦ РАН: Ф. 12. Оп. 1. Папка № 32-ф. Паспорт № 9]. Даже М.Е. Талпа определяет Малечипх как дочь Испов [Кабардинский 1936].

Мотив маленького роста берет свое начало еще с древних мифических представлений. Карлики представлены в мифах, сказках и эпических сказаниях многих народов мира и имеют разную природу, но общим многих из них является остроумие и хитрость. Малечипх адыгского эпоса типологически родствен им благодаря именно названным качествам: те же маленький рост, остроумие, хитрость.

Исследования адыгского нартского эпоса в свете теории гендера доказывает высокий статус женщины в адыгском традиционном обществе. Создатели и носители эпоса верили в божественную энергию, позже переданную человечеству именно представительницам женского пола. Поэтому первая и главная женщина в нартском эпосе – Сатаней, обладает магической силой. Подобной божественной силой наделена и маленькая Малечипх. Язык Малечипх понимает весь животный мир и, шире, все объекты природы – река, солнце, ветер и пр.; сбываются все ее благопожелания, просьбы к силам природы, проклятия. Неслучайно имя «Малечипх» означает «дочь ангела». По мнению Ф.Л. Куашевой и З.А. Кучуковой, так народное сознание в вариантах сказаний подчеркивает ее неземное, светлое происхождение, противопоставленное тьме и мировому злу [Куашева 2013: 91].

Когда она идет на похороны своего нареченного мужа, язык Малечипх понимают все существа, которые сначала препятствуют ей, но потом по ее просьбе освобождают дорогу. Этот фрагмент из сказания «Мэлычпхху и таурыхъ» «Сказание о Малечипх» [Архив ИГИ КБНЦ РАН: Ф. 12. Оп. 1. Папка № 32-т. Паспорт № 12] является ярким примером древнейшего представления человека о своём физическом единстве со всеми элементами природы. Восприятие природных объектов как живых существ и подобных ему самому явилось следствием полной зависимости человека от природы. Поэтому все существа, которые встречаются на пути Малечипх, представлены такими же равными ей частями природы.

В данном случае уместно вспомнить магические способности других героев нартского эпоса. Например, Сосруко обладает способностью наслать стужу, жару, дождь, туман. А еще он умный и хитрый. Благодаря этим качествам и своим магическим способностям он неизменно одерживал победу над врагом.

По справедливому замечанию А.М. Гутова, это связано с тем, что «для времени сложения образа Сосруко в одном ряду достоинств стояли сила, мужество и рядом магия, хитрость. Иными словами, Обладание чудесными (например, умение влиять на другие предметы и явления оборотничество, и т.п.) воспринимались как признак близости к сверхъестественным силам, божествам» [Гутов 2009: 45].

В дальнейшем, по мнению ученого «представления об эпическом идеале со временем эволюционирует и на завершающей стадии дает образ героя, обладающего только человеческими – в рациональном смысле слова – чертами: силой, мужеством и что немаловажно, рыцарским благородством» [Гутов 2009: 45].

В циклах Батраз, Ашамез и Бадиноко победа уже добывается силой и мужеством. Но все же, в образе этих богатырей встречаются те же качества. Однако, скорее всего, они являются прямым перенесением из архаического эпоса. Так, например, по некоторым вариантам Озырмедж обладает способностью наслать мороз и туман, конь Шауея может перевоплощаться в невзрачного коня.

Важное значение имеет и то, что в эпосе красоту женщины сравнивают с лунной, звездами, солнцем, которые в традиционном каталоге ценностей являются светлыми явлениями природы. М.Ф. Бухуров выделяет формулу женской красоты, в которой «объектом сравнения выступает блеск цветных металлов, а именно, золота, серебра, иногда – стекла; а в качестве термина сравнения используются небесные светила (солнце, луна (месяц), звезды). В качестве примера он приводит образ Малечипх, а параллели находит в русском фольклоре: «По колено ноги в серебре, По локоть (грудь) руки в золоте...». [По бокам (косицам) часты мелкие звездочки]» [Бухуров 2017: 116].

Примечательно, что в сказаниях Малечипх встречаются подобные сравнения: Малечипх отважных нартов Поражает красотой, У нее коса тугая С красно-золотым отливом, У нее коса другая С бело-золотым отливом [Нарты 1974: 405].

В другом варианте сказания Малечипх дается несколько иное описание: «МоткI'э дэс гупыр мо цыхубз дахэм, и щхэц льэныкьюэр дэпым хуэду плыжьжу, льэныкьюэр уэсым хуэду хужьу, къехуапсэри, иныкьюэр тэгаш, иныкьюэр щысу

кьэна» – «А там сидящие так засмотрелись на красивую женщину, у которой половина головы красная, как <пышущий> жар, половина головы белая, как снег, что половина сидящих встала, половина осталась сидеть» (Перевод – А.М. Гутова) [Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, инв. № 663-ф/6, 7].

Магия волос Малечипх заключена в силе огня, с которой ассоциируется «красная, как <пышущий> жар половина головы», а «белая, как снег половина головы» – олицетворение вечной мудрости. Обращение к образу огня здесь не случайно, ведь «волосы в фольклоре уподобляются стихии огня как первоначальной созидательной силы» [Балова 2009]. В.Я. Пропп утверждает, что «золото идет не от металла, а от огня» [Пропп 1986: 248]. Н. Рошияну объясняет подобное явление тем, что «...золотые предметы сверкают, и это сверкание уподобляется огню, иногда, как в румынских сказках, – солнцу...» [Рошияну 1974: 100].

Эпитеты, отражающие культ огня, его символику, в образах фольклорных героев отождествляют его силу и мудрость. Белые волосы, как и белая борода в адыгском сознании ассоциируется с мудростью. В адыгском нартском эпосе длинная седая белизна бороды Насрена символ его ума и мудрости. В осетинском фольклоре *урс сæр* «седая голова» выступает как образ чистоты, преклонения и идеала [Бесолова 2017: 118].

Уникальность волос героини напоминает некоторое сходство с героиней сказки «Рапунцель» (англ. от нем. *Rapunzel*). Рапунцель – заключенная в башне принцесса, обладающая даром исцелять при помощи своих длинных 21-метровых волос. Сказка была записана братьями Гримм. В системе классификации народных сказок Аарне-Томпсона этот сюжет имеет номер 310: «Дева в башне» [Thompson S. 1961]. Образ девушки, подвергавшейся заключению, Фрейзер сопоставляет с мотивом изоляции девушек, во время месячных очищений и указывал, что таким девушкам запрещалось стричь и расчесывать волосы [Фрейзер. Золотая ветвь 1980: 563]. В.Я. Пропп изучил мотив «длинных волос заключенной девушки» и относит эту немецкую сказку о Рапунцель к данному типу. Пропп тоже указывает, что заключенной девушке запрещено стричь волосы [Пропп 1986: 136]. Данный запрет основан на том, что в волосах «избранных» заключена магическая сила, и их «избранность» состоит в этом. Например, когда отрезали косу Рапунцель, золотой окрас ее волос сразу поменялся на темный и они потеряли свою чудодейственную силу.

Золотые волосы Рапунцель получили свою волшебную силу от волшебного, золотого цветка. Клетки этого цветка передаются Рапунцель в утробе матери, которую вылечил сок волшебного цветка. Попадая в организм Рапунцель, он заставляет её волосы светиться и лечить больных и даровать молодость, как это делал сам цветок.

Схожие образы встречаются и в мифических воззрениях разных народов. Например, в мифологии литовцев богиня-покровительница Дейве – прекрасная дева с длинными золотистыми волосами. Ее главные особенности – мастеровитость и тяга к справедливости. Та же тяга к справедливости наблюдается и в образе древнегреческой русоволосой богини Афины, которая является символом мудрости и военной стратегии. В валлийской мифологии гуараггеданнон – озерные девы и старцы (родственники этих дев по мужской линии), живущие в роскошных дворцах на дне горных озер. Девы гуараггеданнон писанные красавицы с роскошными золотистыми волосами. Их особенность в том, что ни одна женщина не сравнится с ними красотой; вдобавок, считать они умеют лишь до пяти. В абхазской сказке представлена златокудрая богиня вод Дзыдзлан, которой молодые девушки поклоняются и просят даровать им супруга. У исландской златовласой Хельги Красавицы были настолько длинные волосы, что они закрывали все ее тело. В германо-скандинавской мифологии известна своими волшебными длинными золотыми волосами богиня плодородия Сиф. По одной из легенд, связанных с ее волосами, завистливый Локи срезал ее волосы. Но, спасаясь от гнева ее мужа, он попросил

гномов, и они выковали ей волосы из чистого золота с волшебными магическими свойствами. У этих народов золотые волосы Сиф являются олицетворением колосающихся полей, которые напоминают золотые девичьи волосы. Примечательно, что и символом славянского бога Велеса является колос. В славянской мифологии волосы рассматривались как вместилище знаний и человеческой мудрости. Следовательно, от этого и имя славянского бога мудрости «Велес/Волос», который к тому же еще был покровителем магии. Неслучайно, Малечипх, главной особенностью которой являются острый язык и ум, также обладательница необычных золотых волос [Мифы 1980; 1982].

Стоит отметить, что здесь золотые волосы являются общей физической особенностью мифологических красавиц. Волосы, как мы знаем, являются олицетворением жизненных сил и святости богини-обладательницы прекрасных волос, они символизируют ее магическую силу и мудрость. «Считается, что волосы, включая и те, что на теле, есть продукт нашего родства с животной природой; они – символ и вместилище жизненной энергии и жизненной силы человека; что волос был символом связи верхнего, среднего и нижнего миров, символ универсума. В них, как и в ногтях, заключены священная сила и мудрость; сосредоточены добродетели, смелость и другие свойства человеческой природы [Кагаров 1913: 58–59]. В подтверждение этому В.Я. Пропп пишет, что: «волосы считались местонахождением души или магической силы. Потерять волосы означало потерять силу» [Пропп 1986: 136]. Такой мифологический мотив имеет запрет стричь волосы. Мотив волос разработан в фольклоре многих народов. Он прочно закрепился и в фольклоре адыгов, например, в богатырской сказке «Три Магамета» [Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, инв. № 1037] душа и сила героя заключены в клочке волос на его голове. Даже в современном адыгском обществе бытует суеверие, что беременным женщинам нельзя стричь волосы. Таким образом, первичные символы и образы, закрепленные в символах волос, сохранились в народном сознании и находят выражение в адыгском фольклоре, в частности, в образе Малечипх. Можно предположить, что Малечипх «унаследовала» золотые косы от космических божеств с одной стороны как признак ее связи со светом и небом, а с другой как признак мудрости и острого ума. Следовательно, подтверждается наше суждение о том, что в образе Малечипх преобладают мифологические черты, и он построен на мотивах с древней мифологической основой.

Стоит отметить, что в мифологических воззрениях и в системе символики окрас волос тоже имеет важное значение. Как утверждают ученые Е.Б. Бесолова и З.М. Габуня: «Разные цвета определяют разную способность воспринимать космические вибрации и влияют на характер человека. Коричневые, черные или темные волосы соотносятся с земной энергией, а золотистые – с солнечными лучами и в целом с разнообразным по значению солнечным символизмом» [Бесолова 2017: 126]. Так, в мифопоэтических воззрениях адыгов цветообозначение «желтый» встречается только в положительной коннотации, поэтому обладательницей «золотой косы» в фольклоре может быть только положительный персонаж. «Желтошелковые (усы)», «золотые усы» в адыгских героико-лирических песнях, сложенных от имени женщины, представлены исключительно для выражения положительных эмоций и доброжелательного отношения к его обладателю. Усы противника вызывают только отрицательные эмоции: «Золотоусые храбрецы Забросаны черной землею, Нас же берут в наложницы Усатые драгуны» [Адыгские 2014: 149]. Таким образом, можно предположить, что золотые волосы Малечипх это показатель ее уникальности и приближенности к небесам.

«В первобытной магии волосы рассматривались как могущественные талисманы, как двойник (заместитель) человека» [Маковский 1996: 404]. Волосы, как элемент природного кода вовлекаются в систему символов и обрядности. Таким образом, и в обрядовых манипуляциях похоронной процессии роль женских

волос велика. В силу того, что волосы были олицетворением личности и воспринимались как его заместитель, у многих народов было принято отрезать прядь волос вдовы и хоронить его вместе с мужем. Подобные обычаи в прошлом отмечены у осетин: «Женщина, оплакивающая гибель супруга, причитала: «Пусть истрескаюсь я и сгорю!». При этом совершалось важное ритуальное действие: вдова отрезала свою косу и укладывала ее в гроб с телом мужа, под голову [Карпов 2001: 300]. Ю.Ю. Карпов считает что, это пережитки древних ритуалов, связанных с предназначением жены быть единым целым с мужем, для усиления этого суждения исследователь приводит пример обычая у шапсугов: «Если жена умирает раньше, то при похоронах мужа ее останки откапывали и размещали возле тела покойного» [Карпов 2001: 299]. Как мы понимаем, позже такая жесткая мера сменилась на альтернативную, более гуманную, и вдову, как ее субститут, стала замещать прядь ее волос. Основой таких представлений может послужить: «то, что женщина, срезав косу или оставляя волосы на могиле, связывает себя навеки с покойным, не означает самоотречения. Возможна дополнительная трактовка этого действия как акта разрушения брачных уз, так как у адыгов социальная состоятельность женщины фертильного возраста требует от нее брачного статуса, и традиция вступления в новый брак вполне легитимна. При этом, «посвящение» волос первому мужу означает совместную «посмертную судьбу» только с ним» [Нальчикова 2017: 133].

Как указывают архивные источники и фольклорные тексты, эти ритуалы практиковались и у ряда других кавказских народов. Эти представления отражены и в кабардинском фольклоре, в частности, в сказаниях о Малечипх. Малечипх отрезала прядь своих волос и отдала, чтобы ее нареченного Унаджоко похоронили с ними: «Гуашэр щхьэкъуийрэ щхьэц кымыкIамэ, ЛIа тхьэмыщкIэм сыт и лажьэ? Къащтэ мыдэ жыр лэныстэр, Сэ фэстынщ си щхьэцым шыщ» – «Если *гуаша* лысая и волосы на голове не выросли, В чем вина бедного покойного? Дайте мне стальные ножницы, я отдам вам прядь волос <своих>» (Перевод – *наш*) [Кадангушев 1994: 20]. Здесь также стоит обратить внимание на то, что у невестки не растут волосы (что можно понимать как символ бесперспективности), и это еще одно доказательство превосходства маленькой Малечипх. Это художественное средство призвано обозначить, что по праву предназначение Малечипх быть рядом с нареченным мужем. По усмотрению создателей эпоса статус жены нарта Унаджоко заслуживает только она.

Мотив «босых ног» также связан с древними представлениями и имеет несколько противоречивых значений. С одной стороны, босые ноги тоже могут быть проводником в обмене энергии «ноги-земля» и человек может отдать свою отрицательную энергию земле и наоборот, получить силу Земли. Так, Антей древнегреческой мифологии, непобедим, пока его ноги касаются земли. В русских сказках богатырскую силу получали от земли через ноги (Мать сыра земля). А с другой стороны есть опасность, что ноги могут стать проводником в нижний мир, демонические силы которого могут навредить человеку. Поэтому человек, желающий сохранить божественную энергию, должен был избегать контакта своих ног с землей [Мифы 1980; 1982]. Мотив «босых ног» получил широкое распространение и в адыгском фольклоре. В таком контексте, А.М. Гутов приводит сказание «Как Атаби Ешаноко убил Лесного человека» [Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, кас. 1039/3]. Раненное чудовище говорит: «Меня ранил человек, который никогда *не касался босыми ногами* земли и не спал с зеленоглазой женщиной, и поэтому я не выживу». По справедливому замечанию ученого: «названные признаки имеют сугубо» магический смысл. Это ставит героя в один ряд с некоторыми персонализированными объектами религиозного культа, которым для успешного выполнения своей миссии обязательно следует отвечать определенным требованиям «чистоты духа и плоти» [Гутов 2000: 63].

Наряду с этим, представляет интерес обращение босых ног Малечипх. Малечипх собираясь на похороны своего жениха, отправила мать за нарядами. Принесли ей наряды праздные и пестрые, но она не стала их надевать, отвергла их. Тогда мать Малечипх принесла черное платье. Посчитав, что это поистине траурное платье она, надела его и отправилась босиком на похороны: «Шымыхъужыххэм, бостей фьщцэ кыхуалгыхъуэри кыхуахь. Ар зыщетIагъэри лъапцIэу йожьэ» – «Тогда отыскивают ей черное платье и приносят. <Она> надевает его и отправляется босиком» (*Перевод – наши*) [Кардангушев 1994: 17].

«Постигшее семью горе обязывало женщину задействовать весь имеющийся в их распоряжении потенциал фертильных свойств, дабы восстановить нарушенный баланс сил в мире живых. В этом ключе следует рассматривать манипуляции с волосами и грудью, искусственное кровопускание, обращение босых ног к стихии земли» [Карпов 2001: 300], – пишет Ю.Ю. Карпов. Таким образом, обряд обращения босых ног здесь выступает, не только как способ выражения горести, это еще и обряд восстановления баланса в мире живых, связь вдовы с миром мертвых. Так как ноги – хтонический символ и служат проводником в нижний мир, обряд обращения ног обеспечивает связь вдовы с земным миром, где теперь обитает ее муж. Такой ритуал помогает завести контакт с демоническими силами нижнего мира и умиловить их с помощью комплекса ритуальных действий погребальной обрядности. Совсем не случайно, что народное сознание предписывает Малечипх выполнить эту непростую роль. Очевидно, это вера в ее магическую силу и в ее неземное происхождение. Это в очередной раз доказывает, что народное сознание принимает Малечипх как создание, имеющее сакральную природу.

Примечательно, что героиня сказки Рапунцель, с которой мы выше сравнивали Малечипх, ходит исключительно босиком. Другая особенность Рапунцель в том, что ее ноги не чувствительны к внешним факторам. Босые ноги Рапунцель – символ невинности и первозданной душевной чистоты, отсутствия в ней негативного влияния внешней среды от которого она оторвана. Устойчивость ног от воздействия внешних факторов – знак ее устойчивости к среднему и нижнему, демоническому мирам.

Кроме того, босые ноги Малечипх на похоронах Унаджоко являются знаком того, что она оплакивает нареченного мужа на правах законной жены. Таким образом, создатели эпоса подчеркивают право Малечипх как законной жены Унаджоко. В этом заключена причина гнева ее золовки из-за босых ног малютки. Сестра Унаджоко не видит в ней невестку, и делает ей суровое замечание, указывая на то, что та не может оплакивать ее брата на правах его жены: «Мэлэчыпхъужьурэ выжь лъэнкIапIэ! Уи лъэнкIапIэжьыр кытхуэбгъэкъуэпсурэ, Ди псэр зэрыхэтыр тхэпхаш» – «Малечипх противная, чьи ноги как воловьи. Свои ноги выставяя напоказ, Внушаешь нам страху» (*Перевод – наши*) [Кардангушев 1994: 21].

В адыгском народе сохранилась память о том, что вышеописанные поведенческие стереотипы распространялись не только на жену, но и на невесту. Считалось абсолютной нормой, если девушка участвовала в оплакивании нареченного жениха [Карпов 2001: 301]. Поэтому, каким бы парадоксальным не казалось подобное поведение Малечипх в наше время, все же, оно оправдано древностью данного обычая и системой архаических верований. «И невеста голосила, и невеста причитала, и оплакивала нарта, как велит обычай древний», – говорится в одном из сказаний Малечипх [Нарты 1974: 414]. В другом сказании Малечипх заявляет: «ЗилI лIар сэрамэ, сэ сыкIуэнщи, згъеижынщ» – «Если я та, чей муж умер, я сама и пойду и сама буду его оплакивать» (*Перевод – наши*) [Кардангушев 1994: 15]. Здесь же мы видим отрицательную реакцию отца Малечипх на такое решение дочери: «Хьэмэ кьильхуар мыукIытэу силI лIаш зэрыжиIэ!» – «Порожденная собакой, не стеснясь, мой муж умер, говорит!» А в другом варианте сказания содержится информация противоположного характера: «Не в обычае у нартов плач девичий,

если умер нареченный до женитьбы» [Нарты 1974: 401]. Разумным объяснением подобного противоречия, а также негативного отношения отца Малечипх к поступку дочери, может быть то, что в разные исторические эпохи принятые некогда откровенные формы выражения горя сменялись на сдержанность, и наоборот.

Напластование разных исторических эпох в сказании Малечипх приводит к очередному парадоксу в поведении жены Унаджоко, которая не оплакивает мужа. Стоит заметить, что это допустимо, так как в более поздний исторический период такое поведение воспринимается как этикетная норма в среде аристократических сословий. Статус княжны ставит невестку в определенные рамки, которые предписывают ей сдержанность во всех ее проявлениях. «Мэлэчыпхъу и анэр и гьусэу магъ-мабжэ унэм щӀэсу. И тӀуанэр щхъэнтэм тесу щыщ и нӀпс кьудами кьыху-емыху» – «Малечипх с матерью сидит в доме, плача, причитая. Ее соперница восседает на подушках, и слезинки не роняя» (*Перевод наш*) [Кардангушев 1994: 21]. Стереотипы поведения элиты феодального общества предписывают сопернице Малечипх правила, по которым она не может скорбеть по мужу. Впоследствии это правило стало знаковым и олицетворяло женскую (вдовью) сдержанность.

В другом варианте сказания о Малечипх домочадцы, опасаясь позора, позвали Гуашу Жанжачевых, чтобы пристыдить невестку и заставить ее плакать: «КьуэгуэлӀыкьуэхэ япху дыщэ пыӀэр зыщхӀэредзри гьуэгуы мэтӀыс». – «Дочь Коготлукиных сбросила с головы золотую шапочку и усаживается в плаче» (*Перевод – А.М. Гугова*) [Архив ИГИ КБНЦ РАН: Ф. 12. Оп. 1. Папка № 32. Паспорт № 12]. Вероятно, что данный вариант отражает переходный период, когда в погребальной обрядности принятая сдержанность вдовы сменяется на более откровенные формы выражения горя. В фольклоре этот переход отражен в свойственной ему художественной форме. Золотая шапочка невестки – знак ее аристократического происхождения. А то, что она убрала ее с головы – знак отказа от нравственных убеждений, предписанных ей по статусу.

Таким образом, через анализ ряда моментов мифологем, связанных с образом Малечипх, мы попытались подчеркнуть архаические черты в ее образе. Выявлено, что основные мотивы, на которых базируется образ Малечипх, имеют древнюю мифологическую основу, что дает нам возможность отнести ее к персонажам, возникновение которых связано с мифологией. Это мотивы «маленького роста», «длинных золотых волос», «босых ног», «магических способностей», которые берут свое начало в архаическом эпосе. Именно поэтому в образе Малечипх, типичного представителя поздней стадии формирования нартского эпоса, как и многие ее «ровесники», могли сохраниться сакральные качества. Они не просто служат своего рода строительным материалом для создания сюжета, но определяют во многом природу и суть образа.

Источники и литература

1. Адыгские песни времен кавказской войны. Изд. второе дополненное / под общ. ред. В.Х. Кажарова. Нальчик: «Печатный двор», 2014. 656 с.
2. Архив ИГИ КБНЦ РАН: Ф. 12. Оп. 1. Папка 32. Паспорт 12.
3. Архив ИГИ КБНЦ РАН: Ф. 12. Оп. 1. Папка № 32-ф. Паспорт № 9.
4. Балова И.М., Кремиокалова М.Ч. Философские и нравственные концепты в русских и кабардинских паремиях. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. 188 с.
5. Бесолова Е.Б., Габуниа З.М. О знаковой функции и культурной семантике волос // Известия СОИГСИ, 2017. № 23 (62). С. 117–129.
6. Бухуров М.Ф. Русско-адыгские параллели в фольклорных формулах женской красоты // Вестник КБИГИ. 2017. Вып. 3 (34). С. 115–123.
7. Гугов А.М. Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.

8. *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 218 с.
9. Кабардинский фольклор / общ. ред. Г.И. Брайдо; коммент. и словарь Е.М. Талпа. М.; Л.: Academia, 1936. 650 с.
10. *Кагаров Е.Г.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.: Сенатская типография, 1913. 326 с.
11. *Кардангушев З.П.* Мелечипх: стихи и сказания. Нальчик: Эльбрус, 1994. 32 с.
12. *Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. 412 с.
13. *Куашева Л.Ф., Кучукова З.А.* Кабардинский эпос: гендерный аспект // Культурная жизнь Юга России. Филология. Журналистика. 2013. № 4 (51). С. 89–91.
14. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. 430 с.
15. Мифы народов мира. Энциклопедия: в двух томах / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия. Т. 1. 1980. 671 с.; Т. 2. 1982. 719 с.
16. *Нальчикова Е.А., Текуева М.А., Мусукаев А.И., Кагазежев Б.С.* Борода и волосы как культурные маркеры в традициях кавказских народов // Вестник АГУ. 2017. Вып. 4 (209). С. 127–137.
17. Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагаты, З.П. Кардангушев. М.: Наука, 1974. 415 с.
18. *Пронн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.
19. *Рошину Н.* Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с.
20. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, инв. № 1037.
21. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, кас. 1039/3.
22. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, инв. № 663-ф/6, 7.
23. *Фрейзер Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980.
24. *Хут Ш.Х.* Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2003. 536 с.
25. *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. 588 p.

ARCHAIC MOTIVES IN THE CYCLE OF LEGENDS ABOUT MALECHIPH

Hagozheeva Liana Slavovna, Candidate of Philology, Junior Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liana1771@mail.ru

As you know, the image of Malechiph has repeatedly become the object of close study of Adyghe folklorists. However, despite this, many aspects of the image of this interesting and complex character still remain little studied. In particular, to date, there are no special works that describe the motives of the Malechiph cycle, based on ancient mythological representations. This circumstance is due to our appeal to this topic. The purpose of the work is to identify archaic motifs in the cycle of tales, determine their origins, functions and roles in creating the image, as well as their relationship in a single narrative with motives of a later origin. Particular attention is paid to such key motives as «short stature», «long golden hair», «bare feet», «magical abilities», etc. As a result, it is concluded that the image of Malechiph was finally formed at a relatively late stage of the productive period of the Nart epic, but the important functions of archaic motifs testify to the close connection of the cycle with the ancient mythological representations of the Circassians.

Keywords: Adyghe Nart epic, image, motives, mythological basis, mythological features.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-124-132

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу Берберова Б.А. «Карачаево-балкарский фольклор и литература: к проблеме преемственности». – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН. – 2018. – 200 с.

Басангова Тамара Горяевна, доктор филологических наук, заведующая сектором Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве» Калмыцкого Государственного университета им. Б.Б. Городовикова, basangova49@yandex.ru

Известный российский ученый К.К. Султанов в одной из своих новейших монографий, касаясь вопросов современного литературного процесса на Северном Кавказе, среди самых актуальных и интересных исследовательских тем называет «сложность и многоцветие спектра фольклорных влияний» [Султанов 2019: 67].

Как оперативный научный отклик на эту постановку вопроса воспринимается выход в свет монографии северокавказского фольклориста Б.А. Берберова с примечательным названием «Карачаево-балкарский фольклор и литература: к проблеме преемственности», изданная в 2018 г. в Нальчике. Само композиционное построение книги, состоящей из двух равнозначных разделов, наглядным образом отражает неразрывную интертекстуальную взаимосвязанность устного народного творчества и профессиональной литературы в когнитивном и художественном сознании северокавказских горцев. Подчеркивая данный методологический принцип двуединства, в предисловии автор пишет: «Метафорическим названием этой книги мог быть вариант «Корни и крона». Такое название представляется оптимальным, поскольку в нем есть восприятие фольклора (корней) и художественной литературы (кроны). Одно не существует без другого, одно питает другое» [Берберов 2018: 5].

В фольклорной части, состоящей из 12 разделов, автор рассматривает те базовые фольклорно-мифологические «первокирпичики», которые во многом определили общую панорамную картину карачаево-балкарской художественной литературы. В их ряду анализ национальной версии универсального архетипического мотива «Почему стариков не стали изгонять». Автор справедливо увязывает одномоментное появление у многих народов геронтофильных тенденций с процессом тотальной гуманизации общества, экономическим прогрессом, а также появлением зачатков просветительских идей. Впервые в региональной фольклористике крупным планом рассматривается фигура «внука», который знаменует собой наступление «новой цивилизационной эры». В рамках гачевской теории исследованы и формы этнического преломления указанного мотива, зооморфные образы, а также «ёмюрлюк бешик» – специализированные колыбели для немощных стариков.

Для исследовательского почерка Б. Берберова характерно построение «мостика» от фольклорных текстов к литературным. Исключением не является и архифабула о стариках. Связывая прошлое и настоящее, он пишет: «До сих пор почитание стариков является одной из фундаментальных основ кавказской духовной культуры. Данный мотив в художественно преломленной форме фигурирует

в произведениях многих профессиональных поэтов и прозаиков Карачая и Балкарии. В их числе «Серебряный дед» М. Батчаева, «Тяжкий путь» А. Теппеева (о Кязиме Мечиеве), «Старым горским мастерам» К. Кулиева, «Моя бабушка» Т. Зумакуловой и мн. др.» [Берберов 2018:68].

Есть определенная логика в том, что исследователь, занимающийся кросс-культурными явлениями в национальной словесности, из всех фольклорных жанров наибольший интерес проявляет к «жанру бытовой сказки, находящемуся на стыке фольклора и художественной литературы» [Берберов 2018:9]. Автором исследуется целый комплекс вопросов, связанных с особенностями карачаево-балкарской бытовой сказки – историей ее возникновения, тематическим диапазоном, воспитательным потенциалом, отличием бытовой сказки от волшебной.

Знаком научной новизны отличается статья «Специфика художественного конфликта в карачаево-балкарской бытовой сказке», где с опорой на труды К. Шаizzo и А.Г. Нагапетовой рассмотрены основные коллизии в текстах соответствующего жанра. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что приоритетное место в национальных бытовых сказках занимает семейный конфликт. По утверждению автора, «коллективным народным сознанием формируются идеальные образы жены, невестки, мужа, зятя, определяются нормативы взаимоотношений между старшим и младшим поколением в семейном кругу» [Берберов 2018: 32].

Положительной стороной эры глобализации является то, что она ярко высвечивает типологически сходные явления в мировой культуре. Одним из первооткрывателей в этом вопросе является отечественный философ и культуролог Г.Д. Гачев, выдвинувший теорию ускоренного развития, согласно которой «многие народы Восточной Европы, советского и зарубежного Востока, Африки и Латинской Америки, задержавшиеся в силу тех или иных причин в своем развитии, в определенный момент пробуждаются к новой исторической жизни, включаются в единый мировой исторический процесс и за короткое время стремительно продвигаются вперед, догоняя, а в чем-то и перегоняя другие страны, народы и культуры» [Гачев 1989: 23].

Рассуждая в русле гачевской теории, Б.А. Берберов провел интересные и доказательные параллели между просветительской литературой Западной Европы и карачаево-балкарскими бытовыми сказками, в которых утверждается культ разума. Автор пишет: «Логично допустить, что в период, когда французские энциклопедисты (Вольтер, Дидро, Монтескье и др.) создавали свои просветительские философские труды и воспитательные романы, в активную фазу вступали просветительские идеи и в устном народном творчестве бесписьменных народов. Об этом можно судить по активизации рационалистической темы, темы разума в мировой фольклорной системе, в том числе и карачаево-балкарских сказках» [Берберов 2018: 24].

Для иллюстрации данного тезиса автор приводит целый ряд бытовых сказок с «интеллектуально» ориентированными заголовками – «Обретший разум», «Знахари», «Умная девушка и три вопроса», «Умная девушка», «Умный учитель», «Разум пятилетнего мальчика», «Умная девочка», «Умная девушка и глупый парень», «Умный ученик», «Чеченец-мастер и умная Карачач», «Умный мужчина», «Умная сноха и мальчишки», «Разум лучше, чем богатство», «Богатство, счастье, разум» и др.

При чтении монографии Б. Берберова складывается впечатление, что автор не выпускает из поля зрения просветительские идеи, все более и более укоренявшиеся в северокавказском фольклоре. Свидетельством тому является статья,

посвященная образу известного северокавказского мудреца Жабаги Казаноко, превратившемуся «в универсальный символ мудрости, остроумия, борьбы за социальную справедливость» [Берберов 2018: 51].

После обстоятельного анализа нескольких исторических преданий, автор делает важный вывод о том, что появление Жабаги Казаноко «знаменует собой смену приоритетов в обществе, где на место поэтизации физических подвигов приходит культ человеческого разума» [Берберов 2018:57]. В том же ряду находятся статьи «Творческая история народной поэмы «Бийнёгер» и «Архетипический образ медведя в карачаево-балкарской народной сказке», посвященные проблеме экологической культуры.

«Литературные координаты» – так называется вторая часть монографии Б. Берберова, в которой производится фольклорное измерение творчества целого ряда карачаево-балкарских классиков, включая поэтов, прозаиков и драматургов. Автору важно исследовать механизмы, методы и приемы использования фольклорных элементов профессиональными литераторами.

В этом вопросе он солидарен с У.Б. Далгат, считающей, что «характер двухсистемных связей в значительной мере зависит от идейно-художественного уровня развития литературы» [Далгат 1981: 31]. Как пример «прямой связи» в монографии представлено творчество «кавказского ваганта» Аппы Джанибекова (1864–1934), который занимает пограничную позицию между фольклором и индивидуализированным творчеством. Степень его приверженности фольклорным формулам столь высока, что кажется, будто он пишет под «диктовку» своего народа. Об этом можно судить по анализируемым в сборнике стихотворениям «Если я женюсь», «Тебе больше подходит ночной колпак», «Какая польза от богатства» и др.

Как показывает Б.А. Берберов, механизм «адаптации» в наибольшей степени характерен для тех карачаево-балкарских авторов, которые прошли горький опыт депортированных изгнанников в середине XX столетия. Дело в том, что, когда случилась эта чудовищная социальная катастрофа, творческие личности в поисках духовно-нравственных опор в первую очередь стали обращаться к фольклорным источникам. Среди них балкарец Кязим Мечиев и карачаевец Исмаил Семенов. Этим двух авторов объединяет то, что они не только поэты, но и профессиональные священнослужители, получившие в юности солидное духовное образование. Естественно, их поэтические интересы лежат в плоскости коранических заповедей. Как отмечает Б.А. Берберов, в стихотворениях о депортации И. Семенов «постоянно апеллирует к теоретической системе ислама, пытаясь найти логику в случившейся трагедии. И он ее находит. Как социальная личность, он полон возмущения и адресует свой гнев вершителям национального бедствия. Как лицо духовное, поэт трактует трагедию депортации как испытание, посланное Аллахом, и человек это испытание должен достойно пережить» [Берберов 2018: 99–100].

В еще более расширенной форме тема «фольклор и депортация» представлена в статьях «Поэзия выселения» и «Нравственный кодекс спецпереселенца». Речь в них идет о «сюржон жырла». Это так называемый «выселенческий фольклор, зародившийся и сформировавшийся в годы депортации (1943–1957)» [Берберов 2004: 18]. После его скрупулезного анализа автор приходит к выводу о том, что «в этнокультуре каждого народа заранее «отлиты» основополагающие фольклорные, архетипические формулы, определяющие поведенческий тип человека, его мышление и способ восприятия реальности в драматические периоды исторического

бытия» [Берберов 2018: 165]. И в результате системно-аксиологического анализа художественных текстов ему удается выявить «четыре ключевые формулы: «вера в Аллаха», «надежда», «труд», «терпение» [Берберов 2018: 165].

Данная система ценностей в тех или иных комбинациях весьма подробно рассмотрена в статьях «Поэзия Кайсына Кулиева: «породистость струны», «Поэт, прозаик, драматург Ибрагим Маммеев», «Жанрово-стилевое многообразие творчества Мажида Гулиева», «Неоромантизм балкарской поэзии Али Байзуллаев», «Поэтический мир Магомета Геккиева», «Инновационная поэтика Муталипа Беппаева».

Стилизация – еще один прием, который определяет межсистемные связи литературы с фольклором. Уникальный, малоизвестный в филологической науке тип фольклорной стилизации Б.А. Берберов описывает в статье «Киргизский эпос как прототекст карачаево-балкарского «Манаса».

Дело в том, что карачаево-балкарские спецпереселенцы, оказавшиеся в Киргизии, познакомившись с азиатским эпическим памятником «Манас», создали его детскую версию. Этот уникальный материал в свое время был собран известным фольклористом Х.Х. Малкондуевым, часть его опубликована в детском журнале «Нюр» («Свет») [Манас 2009: 10–11] на карачаево-балкарском языке. Б.А. Берберов в своей статье подробно анализирует эти оригинальные стихотворные произведения, нацеленные на воспитание в маленьких кавказских спецпереселенцах таких качеств как храбрость, мужество, любовь, к людям, патриотизм.

Подытоживая, автор пишет: «Интертекстуальный анализ показывает, что киргизский «Манас» давно перестал быть самодостаточной «вещью-в-себе» и выступает в качестве активного прототекста, давая художественную жизнь новым произведениям. Отпочковавшийся от первоисточника карачаево-балкарский «Манас», созданный неизвестным автором из среды спецпереселенцев, естественно по масштабу не сопоставим с киргизским, но он доказывает эстетическую однородность единого мира тюркской культуры» [Берберов 2018: 74].

Предназначение любого нового издания – расширить горизонт познания, предложить инновационный метод исследования, избрав особую точку зрения. Этим качествам в полной мере отвечает монография Б.А. Берберова, где с высоты XXI века, с позиций фольклориста с планетарным, глобализационным мышлением подмечены и зафиксированы культурные диалоги между Западом и Востоком, прошлым и настоящим, устным народным творчеством и профессиональной литературой.

Источники и литература

1. Берберов Б.А. Карачаево-балкарский фольклор и литература: к проблеме преемственности. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 200 с.
2. Берберов Б.А. Художественные особенности выселенческого фольклора карачаевцев и балкарцев // Культурная жизнь Юга России. 2004. № 3 (9). С. 18–21.
3. Гачев Г.Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М. Худ. лит., 1989. 431 с.
4. Далгат У.Б. Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. 304 с.
5. Манас // Нюр («Свет»). 2009. № 4. С. 10–11.
6. Султанов К.К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.

Basangova Tamara Goryaevna, Doctor of Philology, Head of Section of the International Research Center «Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space» of Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, basangova49@yandex.ru

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа. Журнал не публикует рекламные материалы.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Все материалы, поступившие для публикации, проходят обязательное рецензирование.

Члены редакционного совета и/или приглашенные эксперты осуществляют внутреннее рецензирование и определяют соответствие статьи концепции журнала; оценивают качество представленных материалов: оценивают полноту и глубину раскрытия темы, достоверность фактологической информации, допустимость научных положений и выводов, корректность формулировок, определяют тип публикации (статья, краткое сообщение, рецензия, сообщение о научном мероприятии, материалы к словарю и пр.), определяют степень новизны исследования и научную ценность публикации, оценивают композиционную завершенность текста, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала; дают рекомендации разной степени обязательности, в том числе замечания, касающиеся формулировок; принимают рекомендации о возможности допустить статью к публикации, о том, в каком номере журнала будет опубликована статья.

Рецензирование проводится конфиденциально. Имена рецензентов не сообщаются авторам. В случае, если статья требует доработки, автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с той частью рецензии, которая содержит замечания, вопросы, рекомендации, необходимые к исполнению. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста. Статьи не публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия/ главный редактор может отказать в публикации статьи, если она будет оценена как не соответствующая требованиям журнала и/или оформленная с нарушением этических стандартов. Рукописи после рецензирования не возвращаются. Редакция вправе не вступать в переписку с авторами относительно причин (оснований) отказа в публикации статьи.

Сформированный номер утверждается к выпуску главным редактором журнала.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами;
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу – шрифт полужирный, размер 14 пт;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт, размещение по центру;
- сведения об авторе(ах) располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине по образцу:

Кузьминов Иван Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kuzminov@mail.ru

- аннотация статьи на русском языке (не менее 150 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;
- источники и литература;
- данные о статье на английском языке (шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, междустрочный интервал – 1):
 - заглавие статьи прописными (заглавными) буквами;
 - сведения об авторе;
 - abstract (резюме) (не менее 150 слов);
 - key words (5–7 слов).

2. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

2.1. Основной текст

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заклучение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли она современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2.2. Ссылки и список литературы

Ссылки на источники и литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора или начало заглавия работы, год публикации работы и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Караулов 2000: 141] или [Бархударов 1975: 31–33].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Анфимов 1950: 73–75; Кантария 1968: 83, 87]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Пейсонель 1789; Пейсонель 1974].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы [Бондарко А.В. 1990; Бондарко Л.В. 1977].

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* к году издания [Иванов 2010a], [Иванов 2010b].

При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Влахов, Флорин 2006: 40]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» – в случае русскоязычного источника [Антонов и др. 1999], «et al.» – в случае с источником на английском языке [Kuipers et al. 1961].

Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Лики войны ... 1996: 45], [Методика расчета ... 2007: 17]. Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБККЕА [АБККЕА 1974: 200].

Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15]; [АИГИКБНЦРАН. П. 1. П. 1].

При ссылке на словарь указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [ТСРЯ, т. 1: 81] или [РКЧС: 15].

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

Источники и литература приводятся списком после основного текста с заголовком по центру. Список источников и литературы указывается строго в алфавитном порядке, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка.

Пример оформления списка литературы

Источники и литература

1. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

2. *АП* – Адыгэ псалгальэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).

3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

4. *Клыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман). Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.

5. *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: Учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/ueм/ior_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).

6. *Карданов Б.М.* Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1055 с.

7. Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / Сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

8. *Малкондуев Х.Х.* Этнонимы, топонимы и антропонимы в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» и древних памятниках как исторический источник // *Известия СОИГСИ*. 2018. № 28 (67). С. 146–154.

9. *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // *Медиаскоп*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).

10. *Павшук А.В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асоруна «Воля»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 198 с.

11. *РГАДА* – Российский государственный архив древних актов.

12. *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

13. *ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

14. *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

Усл. печ. л.
12,2

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 257

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушхова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*